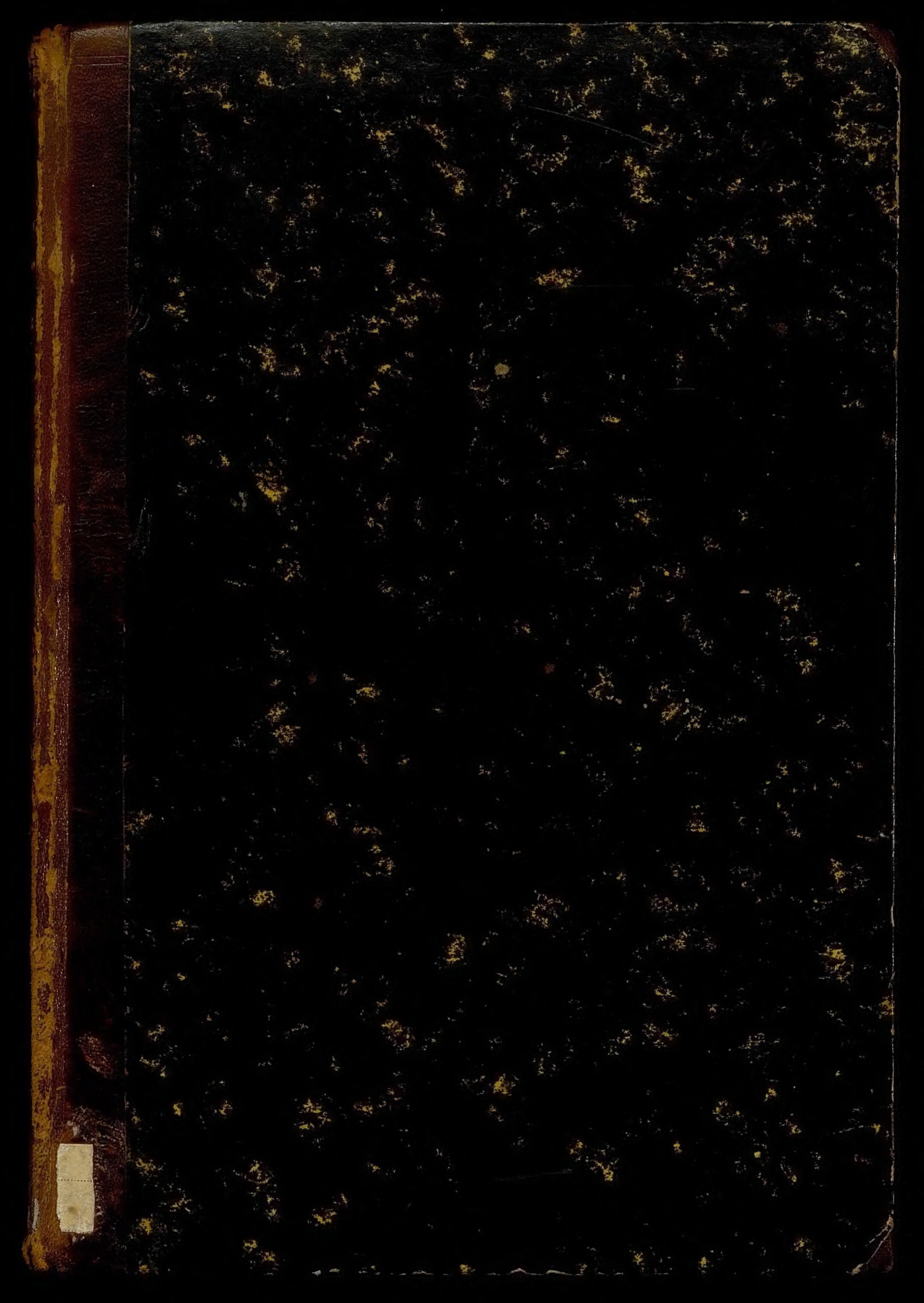

ЗАМѢТКИ

ПО ИСТОРІИ

ЛИТОВСКО-РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

Н. Дашкевича.

КІЕВЪ.
Въ типографіи Императорскаго Университета Св. Владиміра.
1885.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Дорогой для автора

ПАМЯТИ

Арсенія Θеодоровича Овсянкина

посвященъ этотъ трудъ.

Въ предлагаемомъ вниманію читателей очеркѣ соединены критическія замѣтки, составлявшіяся урывками вслѣдствіе того, что авторъ могъ отдаваться этимъ работамъ лишь по временамъ среди другихъ научныхъ занятій. Авторъ былъ привлекаемъ высокимъ интересомъ литовско-русской исторіи, исторіи того государства, въ составъ котораго входила нѣкогда большая часть западной и югозападной Руси и южная Русь съ Кіевомъ во главѣ, и которое, соединивъ западную Русь съ Польшею, могло положить начало уже въ тѣ вѣка единенію восточнаго и западнаго славянства. Дорожа успѣхами разработки литовско-русской исторіи, авторъ позволилъ себѣ предложить рядъ критическихъ замѣчаній на монографію проф. В. Б. Антоновича, поднимающую немало основныхъ вопросовъ этой исторіи. Авторъ проситъ читателей имѣть въ виду, что онъ не разсчитывалъ при этомъ представить вполнѣ обработанную исторію литовско-русскаго государства, а также не имѣлъ притязанія на полноту собранія матеріала. Поработавъ долѣе, онъ могъ бы обосновать многое изъ сказаннаго болѣе вѣскими доводами и устранилъ бы нѣкоторые недосмотры и погрѣшности. Выпуская въ свѣтъ свои замѣтки въ надеждѣ способствовать по мѣрѣ силъ установленію правильнаго взгляда на событія западно-русской исторіи, составляющія доселѣ предметъ не всегда спокойнаго обсужденія, авторъ нашелъ бы высшее удовлетвореніе, еслибы его замѣтки оказались сколько-нибудь пригодными послѣдующимъ изслѣдователямъ литовско-русской исторіи и обратили бы вниманіе послѣднихъ на непорѣшенные вопросы этой исторіи и на представляемыя ею трудныя проблемы, интересныя между прочимъ и для занимающихся наблюденіями надъ параллелями въ исторіи различныхъ народовъ.

Въ нѣкоторое извиненіе той неполноты, которую могутъ указать намъ въ различныхъ мѣстахъ нашей книги, мы счи-

таемъ нужнымъ пояснить, что мы имѣли въ виду прослѣдить въ связномъ общемъ очеркѣ процессъ возникновенія и развитія литовско-русскаго *государства* съ древнѣйшихъ временъ до паденія его, процессъ, отличающійся замѣчательною послѣдовательностью и правильностью. Собразно тому въ предлагаемыхъ очеркахъ мы обратили вниманіе почти исключительно на два основныя теченія западно-русской исторіи со времени татарскаго нашествія и сосредоточили изложеніе: во-первыхъ, на попыткахъ литовскихъ князей къ собиранію русскихъ земель, попыткахъ, согласовавшихся съ стремленіями самого русскаго народа, и, во-вторыхъ, на усиліяхъ Польши овладѣть южно-русскими землями и воспользоваться пріобрѣтеніями Литвы подъ видомъ уніи съ нею.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ, посвященныхъ исторіи этихъ усилій и сопротивленія имъ, мы должны были постоянно касаться вопросовъ западно-русской исторіи, не потерявшихъ доселѣ своей жгучести, вопросовъ объ отношеніяхъ западной Руси къ Польшѣ. Съ глубокою скорбью приходилось переноситься въ вѣкъ осуществленія уніи, столь тягостной для обѣихъ сторонъ по своимъ послѣдствіямъ, въ вѣкъ измѣнъ западно-русской интеллигенціи обще-народному интересу и усилій польской шляхты къ захвату русской земли въ интересахъ шляхетства. Но съ другой стороны послѣдующая исторія ярко обнаружила способность русскаго народа къ возрожденію и самобытному культурному развитію, показывая все значеніе національнаго самосознанія и горячей любви къ народности. Отсутствіе надлежаще развитаго общенароднаго самосознанія въ западной Руси въ XVI в. привело ее къ потерѣ политической самостоятельности на нѣсколько вѣковъ, и спасъ ее только подъемъ этого самосознанія, содѣйствовавшій, между прочимъ, развитію національнаго просвѣщенія.

СОДЕРЖАНІЕ.

Какъ извѣстно, собиранiе въ большiе союзы частей русской земли, разрознившихся послѣ смерти Ярослава I, стало обозначаться на сѣверо-востокѣ Руси лишь въ XIV столѣтiи, а на югѣ и западѣ было предпринято еще въ XIII столѣтiи, съ одной стороны—князьями Волыни и Галича, а съ другой—князьями зарождавшагося великаго княжества литовскаго. Послѣднiе совмѣстно съ поляками успѣли захватить западную Русь, овладѣли большею частiю ея и съ того времени были единственными носителями идеи объединенiя западной половины русской земли. Мало по малу, завоеванiя литовскихъ князей разрослись въ обширное государство, которое называлось Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, но было въ сущности русское, соотвѣтственно чему и великiй князь его именовался не только Литовскимъ, но и Русскимъ. На западныхъ окраинахъ, какъ и на восточныхъ, русскому племени предстояла славная, хотя и трудная задача распространенiя цивилизацiи среди племенъ, стоявшихъ на низшей культурной ступени, и уже на первыхъ порахъ совмѣстной жизни съ Литвою оно оказало блестящiе въ этомъ отношенiи успѣхи совершенно мирнымъ путемъ. Если затѣмъ полякамъ удалось претворить литовское дворянство въ польскую шляхту, водворить въ Литвѣ польскiй строй и, наконецъ, въ значительной мѣрѣ слить ее съ Польшей, то все-таки не должно забывать, что поляки шли по торной дорогѣ и имѣли дѣло съ народностiю, испытавшею въ широкихъ размѣрахъ влiянiе русской культуры и вступившею уже на поприще исторической жизни, да и утвержденiе въ Литвѣ польскаго влiянiя было результатомъ двухвѣковаго насилiя и ухищренiй, противъ которыхъ однако устояли русскiя массы.

Понятно, сколько представляетъ интереса для занимающихся судьбами русскаго народа исторiя великаго княжества литовскаго, какъ обыкновенно называютъ его, или—правильнѣе—литовско-русскаго государства, въ которой вообще весьма много любопытнаго. Племя, удержавшееся на мѣстѣ своей осѣдлости въ эпоху бурнаго движенiя

народовъ, благодаря неприступности мѣста жительства [1]), и съ того времени въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ весьма мало подвинувшееся впередъ, въ XII стол. вдругъ начало разставаться съ своею исконною замкнутостью, обнаружило способность къ быстрому и замѣчательному политическому развитію и, восторжествовавъ надъ враждебными сосѣдями, окружавшими его почти со всѣхъ сторонъ, успѣло создать въ короткій сравнительно періодъ обширное государство, главную силу котораго составляла однако русская народность, весьма скоро подчинившая Литву своему культурному вліянію. Вслѣдъ затѣмъ Литва, давъ Польшѣ династію Ягеллоновъ, начала подпадать польскому вліянію и, мало по малу, сходить съ историческаго поприща.

Все это до послѣдняго времени представляло много невыясненнаго; возникновеніе и постепенный ростъ литовско-русскаго государства, которому довелось соединить въ одинъ политическій организмъ западно-русскія земли, доселѣ были мало освѣщены въ русской исторической наукѣ. При изученіи нашей древнѣйшей исторіи (до татарскаго періода) отдаютъ равное вниманіе всѣмъ частямъ русской земли; но не то мы замѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся позднѣйшаго времени,—періода образованія государственныхъ центровъ въ Литвѣ и Москвѣ. Тутъ симпатіи нашихъ изслѣдователей замѣтно клонятся къ изученію сѣверо-восточной половины, жизнь-же Руси, подпавшей литовскому владычеству, привлекаетъ менѣе вниманія. Оттого, хотя давно уже говорится у насъ о важномъ значеніи русской народной стихіи въ литовскомъ государствѣ [2]), самое это значеніе

---

[1]) См. Die Handelstrassen der Griechen und Römer durch dass Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dniepr und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres von J. N. von Sadowski, Jena 1877, S. 21—26. Въ XIV и слѣд. столѣтіяхъ Литва была по-прежнему покрыта огромными лѣсами и пущами. О древней и современной природѣ Литвы см. въ III-мъ т. „Живописной Россіи“ Спб. 1882. Къ сожалѣнію нѣкоторыя статьи этого тома составлены тенденціозно, о чемъ см. въ критическихъ замѣткахъ о немъ въ „Руси“ 1884 и въ „Литовскихъ епарх. Вѣд.“ 1884 (перепечат. въ август. кн. „Кіевской Старины“ 1884 г).

[2]) На пренебреженіе къ исторіи Литвы у Карамзина указалъ уже Гулакъ—Артемовскій, извѣстный украинскій писатель, въ своей рѣчи „De expediendis quibusdam slovenicae antiquitatis nodis“ (1827). Затѣмъ въ трид-

представляютъ неполно и поверхностно. Страницы, посвященныя Литвѣ въ извѣстномъ историческомъ трудѣ Соловьева, не соотвѣтствуютъ, по своей обработкѣ, другимъ отдѣламъ этого труда и устарѣли. Книга Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ“ (Спб. 1857) почти не заслуживаетъ вниманія, да и въ опытѣ цѣльнаго обзора исторіи западной Россіи г. Кояловича („Лекціи по исторіи западной Россіи“, 1864; 4-е изд.—1884), какъ онъ ни живъ и интересенъ, нѣтъ надлежащей полноты, говорится обо многомъ слегка и въ нѣкоторыхъ случаяхъ преслѣдуются не столько научныя, сколько публицистическія цѣли, что́ обусловливалось, впрочемъ, главною задачею этихъ чтеній. Статья Н. И. Костомарова о Литвѣ, которая была помѣщена въ „Русскомъ Словѣ“ 1860 г. (№ 5), заключаетъ преимущественно яркій очеркъ природы Литвы и быта литовцевъ, а статьи нѣкоторыхъ другихъ наполнены массами ошибокъ и недостовѣрныхъ фактовъ, отвѣтственность за значительную долю которыхъ должна пасть на историка Литвы Нарбутта, внесшаго въ эту исторію немало собственныхъ фантазій. Довольно основательно была составлена IV-я книга „Разсказовъ изъ русской исторіи“ И. Д. Бѣляева, но и въ ней немало ошибокъ, факты установлены безъ должной критики, преобладаетъ догматическая схема и т. п. Лишь въ недавнее время въ русской литературѣ стали являться цѣнныя спеціальныя монографіи по литовско-русской исторіи, изъ которыхъ назовемъ книгу М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ (Спб. 1868) и статьи и монографіи В. Г. Васильевскаго [1]). А между тѣмъ исторія литовско-русскаго государства важна для русской науки не менѣе исторіи развивавшагося и существовавшаго почти одновременно великаго княжества московскаго. Въ настоящее время нѣтъ надобности, конечно, до-

---

цатыхъ годахъ обратилъ вниманіе на важность изученія литовско-русской исторіи Устряловъ въ своей рѣчи: „Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать великое княжество литовское“, Спб. 1839.

[1]) Упомянемъ еще о монографіяхъ: Смирнова „Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею“, ч. I, Одесса, 1868, г. Free Free Бершадскаго—„Литовскіе евреи“ и М. О. Кояловича „Люблинская унія“ (имъ же изданъ и дневникъ Люблинскаго сейма). Монографіи г. Леонтовича, несмотря на всю ихъ обстоятельность, въ настоящее время не могутъ считаться исчерпывающими всѣ данныя.

доказывать, что исторія великаго княжества литовскаго—въ сущности исторія западно-русскихъ земель, и безъ обстоятельной разработки ея было-бы многое неясно въ судьбахъ и культурномъ движеніи восточной Руси и въ русской исторіи позднѣйшаго времени. Въ виду того нельзя не привѣтствовать включенія исторіи Литвы въ надлежащемъ размѣрѣ въ общій обзоръ „Исторіи Россіи“ Д. И. Иловайскаго.

Нельзя сказать, чтобы равнодушно относилась къ изученію литовской исторіи польская наука, столь ревностно занявшаяся въ послѣднее время изслѣдованіемъ исторіи земель, входившихъ нѣкогда въ составъ польскаго государства, но очевидно, что опыты islѣдованія древнѣйшей литовско-русской исторіи не могли быть успѣшны безъ вниманія къ трудамъ русской исторіографіи и безъ содѣйствія русской исторической науки, которой, по настоящему, должно было сдѣлать починъ въ этомъ отношеніи въ силу выдававшагося значенія русской народности въ литовской исторіи. Польскій элементъ сталъ вліятельнымъ въ литовско-русскомъ государствѣ, когда оно почти окончательно сложилось, и достигъ первенствующаго положенія, постепенно подавляя русскую стихію. Вслѣдствіе того проникнутая ложнымъ патріотизмомъ польская историческая литература нерѣдко умышленно оставляла безъ вниманія или уменьшала важность русскаго народнаго начала въ литовской исторіи и относилась къ литовской древности съ шляхетской точки зрѣнія; польскіе труды по литовской исторіи страдаютъ тенденціозностію и недостаточнымъ знакомствомъ съ русскими источниками и пособіями, не говоря о склонности къ фантазированію и слабой критикѣ, водворившейся въ литовской исторіи въ особенности съ легкой руки Нарбутта, многотомный трудъ котораго (Dzieje narodu Litewskiego) и теперь еще не потерялъ авторитета въ глазахъ нѣкоторыхъ польскихъ писателей [1]). Есть, впрочемъ, нѣсколько прекрасныхъ исключеній въ польской литературѣ. Разумѣемъ Skarbiec diplomatów Даниловича, „Obraz Litwy“ Ярошевича (3 тома, Вильно) [2]) и въ особенно-

[1]) И теперь еще являются по временамъ повторенія бредней Нарбутта, который остается для многихъ источникомъ. См., напр., брошюры Рачкевича: Roztrząsania zasad historyi połnocnei Europy. Wilno, 1860.—Wyiątek z rękopismu historycznego: o Herulach Litewskich czyli Normandach, o Historykach o Litwie piszących i o alfabecie litewskim, oraz o Sławianach. Wilno, 1874.—Jeszcze o Litwie starozytnej, Wilno. 1875.

[2]) Переработку и дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ отдѣловъ этого

сти монографіи Стадницкаго по позднѣйшей литовской исторіи [1]), отличающіяся безпристрастіемъ и обстоятельнымъ знакомствомъ съ русскими источниками. Къ сожалѣнію, Стадницкій избралъ форму біографическихъ очерковъ для своего изложенія. Въ такихъ очеркахъ онъ представилъ исторію Гедыминовичей и ихъ потомства, исключая Ягайла, такъ какъ жизнеописаніе послѣдняго была предпринято тѣмъ временемъ извѣстнымъ польскимъ историкомъ Шайнохою [2]). Форма изложенія неблагопріятно повліяла на достоинство работъ Стадницкаго, установившаго и освѣтившаго путемъ критики немало отдѣльныхъ фактовъ, но не предложившаго читателямъ своимъ цѣльной исторіи земель, признававшихъ власть Гедыминовичей.

Словомъ, причины и факторы, обусловившіе возникновеніе, постепенный ростъ и судьбы литовско-русскаго государства, не были выяснены какъ слѣдуетъ ни въ русской, ни въ польской литературѣ. А между тѣмъ нельзя пожаловаться на совершенный недостатокъ матерьяловъ: ихъ можно найдти не только въ русскихъ и польскихъ изданіяхъ, но и въ нѣмецкихъ [3]). Только при тщательномъ изученіи всѣхъ этихъ источниковъ и возможно возстановить процессъ постепеннаго развитія литовско-русскаго государства.

сочиненія см. въ ст. Ярошевича: „Zarysy z czasów pogańskich Litwy“, помѣщенной въ „Pismo zbiorowe Wileńskie na rok 1859“, Wilno, 1859, стр. 83—117 и 83—115.

[1]) Synowie Giedymina: T. I, Lwów 1849; t. II, Lwów 1853 (2-е изд.)— Bracia Władysława—Jagiełły. Jako dalszy ciąg „Synów Giedymina“. We Lwowie, 1867.—Olgierd i Kiejstut. We Lwowie, 1870.—Dodatki i poprawki dalsze do dzieła Bracia Władysława Jagiełły. Lwów, 1873.—Въ исправленномъ видѣ 1-й томъ соч. „Synowie Giedymina“ перепечатанъ въ послѣднее время въ „Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno—filozoficznego Akademii Umiętności“ (Краковской) тт. V и VII (Краковъ 1873 и 1877); вышли и отдѣльные оттиски. Въ 1881 г. явилось новое изданіе во Львовѣ.

[2]) 1-й и 2-й томы исторіи Ягайла, написанной Шайнохою, явились недавно въ русскомъ переводѣ. Въ польской исторической литературѣ послѣдняго времени укажемъ на монографіи Прохаски, издателя актовъ времени Витовта, и Смольки о Витовтѣ.

[3]) Въ нѣмецкой литературѣ есть также нѣсколько довольно цѣнныхъ монографій по литовской исторіи, главнымъ образомъ—по исторіи пруссовъ. Перечень см. у Leon von Pobłocki, Kritische Beiträge zur ältesten Geschichte Litauens. Erster Theil, Königsberg 1879.

Книга профессора В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго“ (Кіевъ, 1878) представляетъ превосходную попытку выясненія этого процесса и восполняетъ указанный нами весьма существенный и давно чувствуемый пробѣлъ въ исторической наукѣ.

За достоинства труда можетъ ручаться уже одно имя автора, извѣстнаго знатока исторіи южной и западной Руси, издавшаго цѣлый рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по архивнымъ матерьяламъ; г. Антоновичу мы обязаны также изданіемъ многихъ источниковъ для этой исторіи и историческихъ южно-русскихъ пѣсенъ; наконецъ, изъ-подъ пера его вышло нѣсколько археологическихъ изслѣдованій.

Подобно другимъ работамъ автора, и „Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія“ отличается оригинальностію и полною самостоятельностію. Выводы автора опираются на строгое изслѣдованіе источниковъ и являются результатомъ тщательной критической провѣрки ихъ, и мы имѣемъ теперь начало исторіи литовско-русскаго государства, чуждой прикрасъ и искаженій. Авторъ до такой степени самостоятеленъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и настолько далекъ отъ принятія фактовъ, установленныхъ чужими разысканіями, что, по мѣстамъ, повидимому, игнорируетъ нѣкоторыя ученыя работы, касающіяся предмета его изслѣдованія. Стоя на чисто научной почвѣ, г. Антоновичъ оставляетъ въ сторонѣ публицистическія разглагольствованія и полемику съ мнѣніями другихъ ученыхъ и ограничивается строгимъ фактическимъ изложеніемъ, отъ чего трудъ его, конечно, лишь выигралъ въ достоинствахъ.

Хотя автору приходилось въ большинствѣ случаевъ самому критически очищать и устанавливать факты, тѣмъ не менѣе масса послѣднихъ не подавила его, и г. Антоновичъ нарисовалъ яркую и рельефную картину постепеннаго образованія литовско-русскаго государства, чрезвычайно удачно сгруппировавъ факты, такъ что послѣдовательное развитіе великаго княжества литовскаго ясно представляется читателю. Вообще разсматриваемая монографія предлагаетъ стройное изложеніе предмета. В. Б. Антоновичъ уловилъ существенное и главное въ громадномъ количествѣ подлежавшихъ разсмотрѣнію событій и, въ сжатомъ изложеніи успѣлъ сказать весьма многое. Представленный имъ очеркъ, отличается въ тоже время надлежащей полнотою и основательностью.

Въ силу всего сказаннаго книга г. Антоновича составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій нашей исторической литературы послѣдняго времени.

Такое значеніе труда г. Антоновича и даетъ намъ право обратить на него особенное вниманіе читателей. [1]) Мы попытаемся вмѣстѣ съ тѣмъ поставить нѣсколько вопросовъ по поводу собранныхъ имъ матерьяловъ, что́ доставитъ намъ возможность сдѣлать общій очеркъ послѣдовательнаго развитія литовско-русскаго государства. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ учености и таланту почтеннаго автора, мы, тѣмъ не менѣе, позволили себѣ не согласиться съ нѣкоторыми взглядами его, но, предваряемъ, мы далеки въ этихъ случаяхъ отъ признанія въ трудѣ автора крупныхъ недосмотровъ: разногласіе возможно преимущественно вслѣдствіе скудости извѣстій о нѣкоторыхъ эпохахъ и событіяхъ, причемъ иной разъ не исключается возможность гипотезъ и толкованій, отличныхъ отъ предложенныхъ авторомъ, изслѣдованіе котораго, во всякомъ случаѣ, должно служить исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ работъ по литовско-русской исторіи. Предлагаемыя читателю соображенія составляютъ рядъ такого рода отправляющихся отъ труда В. Б. Антоновича гипотезъ и сомнѣній. При обзорѣ содержанія монографіи В. Б. Антоновича, мы остановимся преимущественно на тѣхъ ея положеніяхъ, относительно которыхъ имѣемъ иное мнѣніе. Такихъ мѣстъ немного по сравненію съ массою содержанія, обнимаемаго изслѣдованіемъ В. Б. Антоновича, но, въ виду важности вопросовъ и авторитета книги, мы сочли не лишнимъ разсмотрѣть поподробнѣе эти страницы, оставляя безъ подробнаго разбора ту часть книги, которая подаетъ менѣе поводовъ къ разногласію.

I.

Представивъ краткій очеркъ территоріи, занятой литовскимъ племенемъ, и перечисливъ народы, на которые оно распадалось въ X—XI вв., авторъ переходитъ къ описанію быта ихъ до половины XIII стол., когда впервые, по его мнѣнію, замѣчаются признаки политической связи между отдѣльными небольшими волостями.

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ въ русской литературѣ о книгѣ г. Антоновича явился одинъ отзывъ Н. И. Костомарова (Историч. Вѣстн. 1880, май), но почтенный ученый ограничился одною передачею содержанія ея.

По словамъ автора (стр. 6), „вслѣдствіе географическаго положенія своей страны, Пруссы весьма рано должны были вступить въ борьбу съ иноплеменными сосѣдями для защиты своей самобытности, и потому они раньше и полнѣе другихъ народовъ Литовскаго племени развили своеобразные признаки первобытной народной культуры“. Тѣмъ не менѣе, и ихъ культура мало ушла впередъ по мнѣнію автора, и, характеризуя вслѣдъ затѣмъ бытъ литовскихъ народовъ, В. Б. Антоновичъ подводитъ всѣхъ ихъ подъ одну группу и полагаетъ, что они оставались долго безъ всякихъ началъ государственности; до половины XIII столѣтія у литовцевъ не было даже „первыхъ началъ государственности, выразившейся у Славянъ возникновеніемъ городовъ, т. е. центральныхъ пунктовъ земскаго единства въ территоріи каждаго племени, гдѣ обсуждались общественныя дѣла и откуда истекали рѣшенія, которымъ подчинялись тянувшія къ городамъ племена“ (стр. 7).

Едвали всѣ литовскіе народы въ періодъ отъ IX до XIII стол. стояли на одной культурной ступени; весьма вѣроятно, что между ними существовали различія въ общественномъ устройствѣ, какъ были различія этнографическія. [1]) Въ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ, трудно доступныхъ и находившихся въ удаленіи отъ торговыхъ дорогъ, первобытность, старина и грубость могли держаться дольше, чѣмъ, напр., у Вислы и моря, гдѣ литовскія племена приходили въ болѣе или менѣе близкія соприкосновенія съ другими народами и подпадали вліянію ихъ образованности. Существуютъ указанія, что нѣкоторые изъ древнихъ пруссовъ были знакомы съ польскимъ языкомъ, а равно открываютъ въ языкѣ пруссовъ слѣды общенія съ балтійскими славянами. До XIII столѣтія пруссы уже испытывали значительное вліяніе со стороны поляковъ и поморянъ, которые подвигались въ ихъ земли. Что касается городовъ, то Терветенъ въ землѣ Жемгалы упоминается въ началѣ XIII столѣтія. Не оспариваемъ сказаннаго авторомъ относительно ятвяговъ, которые были однимъ изъ самыхъ упорныхъ и неподатливыхъ литовскихъ народовъ [2]) и почти до конца оста-

---

[1]) На такія различія указываетъ Дусбургъ, говоря о пруссахъ. Фойгтъ различаетъ степень культуры литовскихъ народовъ въ отношеніи къ поземельной собственности.

[2]) Недаромъ галицко-волынская лѣтопись назвала Ятвяговъ „гордыми“. Лѣт. по Ипатскому списку, стр. 552. Еще не рѣшено окончательно, были ли тявяги ближе къ пруссамъ или къ литовцамъ.

лись вѣрны старинѣ; но едвали можно съ полнымъ правомъ думать, что и въ собственной Литвѣ и въ Жмуди города начали возникать не ранѣе второй половины XIII-го стол. Правда, слѣды кочеваго быта довольно долго держались у литовцевъ, особенно въ Жмуди (житье особнякомъ и въ шалашахъ), но съ другой стороны упоминанія о городахъ встрѣчаются въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ XIII в., лишь только русская лѣтопись начала сообщать подробныя извѣстія о Литвѣ; съ полною вѣроятностью можно предположить, что города эти возникли раньше. Подъ 1252 г. галицко-волынская лѣтопись назвала литовскій городъ Воруту [1]), а подъ 1253 г. упомянула неопредѣленно литовскіе „грады“ [2]), въ землѣ же Жмуди былъ въ то время, по ея словамъ, [3]) городъ Твиреметь. Вильно было основано ранѣе половины XIII столѣтія. [4]) Около 1256 г. были „грады“ даже у Ятваговъ. [5]) На

[1]) Ип. сп., 543.

[2]) Ип., 544.

[3]) Ип., 543.

[4]) *Jaroszewicz*, cz. I, str. 94; цитир. ст., стр. 103. Нарбуттъ, говоря о княженіи Свинторога, умершаго будто-бы въ 1270 г., и о началѣ Вильна при немъ, замѣчаетъ: Jstotnie stare podania odnoszą założenie pierwotne światyni, do lat, poprzedzających panowanie Swyntoroga. Dzieje narodu litewskiego, t. IV, str. 249, nota I. Cf. str. 494, not. 3. Легенда объ основаніи Вильна относится къ разряду общихъ эпическихъ сказаній. Занесенное въ лѣтопись Быховца (стр. 16—17) преданіе о построеніи Вильна напоминаетъ разсказъ Воскресенской лѣтописи о поселеніи Румынъ въ Молдавіи: оба преданія сообщаютъ, что красивое мѣсто для поселенія было найдено во время охоты за туромъ. Ср., далѣе, преданіе объ основаніи Каменца-Подольскаго, переданное литовско-русскою лѣтописью, а также разсказъ галицко-волынской лѣтописи о началѣ Холма. Укажемъ еще на легенду IX в. о Hariolf'ѣ *Ebert*, Allgem. Gesch. der Literatur des Mittelalt., II Bd., Leipz. 1880, S. 180—181. Открытіе чего-либо во время охоты за оленемъ или за туромъ—довольно распространенный эпическій мотивъ. Напечатанныя Нарбуттомъ записки нѣмецкаго посольства 1397 г, если только можно относиться къ нимъ съ довѣріемъ, утверждаютъ, что, Гедыминъ лишь возстановилъ Вильно (*Narbutt*, Pomniejsze pisma historyczne, Wilno, 1856, стр. 142), и что поселеніе на томъ мѣстѣ существовало до Гедымина (стр. 145, 147); Гедымину, повидимому, должно приписать укрѣпленіе этого мѣста (ib., 46).

[5]) Ип., 553. Татищевъ упоминаетъ о городахъ у Ятвяговъ уже подъ 1036 годомъ. Лѣтописное обозначеніе *грады Ятвяговъ* Sjögren переводилъ

основанiи этихъ данныхъ, количество которыхъ могло-бы быть увеличено,[1]) можно, кажется, думать, что уже въ первой половинѣ XIII вѣка, если не ранѣе, у литовцевъ началась постройка городовъ, и это не покажется невѣроятнымъ, если вспомнимъ, что уже тогда литовцы были достаточно знакомы съ бытомъ болѣе просвѣщенныхъ сосѣдей[2]) и господствовавшiй до того времени у литовцевъ строй началъ измѣняться. Уже до половины XIII стол. въ Литвѣ замѣчаются зародыши политическаго сплоченiя отдѣльныхъ поселенiй и округовъ.

Въ этомъ случаѣ мы также нѣсколько отступаемъ отъ мнѣнiя почтеннаго автора, рѣшаясь выдвинуть на болѣе видное мѣсто факты, которые онъ признаетъ и отмѣчаетъ только мимоходомъ. В. Б. Антоновичъ говоритъ, что „до половины XIII столѣтiя литовское племя не составляло государства; оно представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ“ (стр. 14). „Волости эти не

словомъ Burgen. Въ 82 примѣч. своего изслѣдованiя „Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen“, S. 187, онъ говоритъ: „So glaube ich mit der grössten Wahrscheinlichkeit das Wort грады hier fassen zu müssen, da es notorisch ist, dass es solche Burgen in Ostpreussen schon vor dessen Eroberung durch den Orden gab.—По нѣкоторымъ извѣстiямъ, въ этихъ бургахъ сидѣли знатные. Ibid. S. 217. Kętrzyński въ статьей своей: „Prusy a polska przed przybyciem krzyźaków („Przewodnik naukowy i literacki“, 1881, Marzec, str. 272) считаетъ прусскiе бурги пунктами временной торговли.

[1]) Нѣкоторые видятъ указанiя на литовскiе города у Снорръ-Стурлезона, упоминающаго о городахъ Triki, Welnii... Drysen въ Померанiи (Elbing), какъ торговый пунктъ, существовало уже въ X стол.: о немъ говоритъ Вульффстанъ.

[2]) Нападая въ началѣ XIII стол. на Эстляндiю и Лифляндiю, литовцы укрывались, въ случаѣ надобности, въ укрѣпленiи, принадлежавшемъ Земамъ. Литовскiя названiя башни, кирпича, извести, черепицы, торговой площади свидѣтельствуютъ о томъ, что возведенiю каменныхъ построекъ литовцы научились не только у нѣмцевъ, но и у русскихъ. Было-бы весьма интересно подвергнуть изслѣдованiю литовскiя нарѣчiя въ томъ направленiи, въ какомъ Альквистъ разсмотрѣлъ языкъ финновъ. Книга Брикнера: Litu-slavische Studien. I. Theil. Die slavischen Frewdwörter im Litauischen. Weimar 1877, положила прекрасное начало. См. отзывъ о ней въ III мъ т. „Archiv f. slawische Philologie“.

только не были связаны между собою никакою общею государственною властью, но и, весьма часто, не сознавали общихъ политическихъ интересовъ по отношенію къ иноплеменникамъ; каждая волость и каждый вождь дѣйствовали на свою руку независимо, *иногда въ союзѣ другъ съ другомъ* [1]), иногда врозь и даже во вредъ другъ другу" (стр. 10). Конечно, сознаніе общности интересовъ не было и не могло быть постояннымъ, но все-таки слѣдуетъ предположить, по нашему мнѣнію, существованіе его въ нѣкоторой степени и въ то время, что́, впрочемъ, не отрицаетъ В. Б. Антоновичъ, какъ видно изъ отмѣченныхъ выше его словъ. Уже тѣсная религіозная связь отдѣльныхъ литовскихъ племенъ, проявлявшаяся во всеобщемъ и полномъ подчиненіи ихъ велѣніямъ верховнаго жреца Криве-Кривейто, должна была приводить и къ нѣкоторому политическому единенію. Замѣчательно, что уже въ началѣ XIII столѣтія литовцы помогали туземцамъ Балтійскаго побережья въ борьбѣ ихъ съ утверждавшимися тамъ нѣмцами, между тѣмъ какъ послѣдніе еще не думали обращать оружіе противъ литовцевъ. Послѣдніе какъ-бы провидѣли въ нѣмцахъ будущихъ жестокихъ враговъ. Обращаясь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, укажемъ на то, что Литва и Жмудь являются въ извѣстной связи въ разсказѣ галицко-волынской лѣтописи подъ 1215 г.; при заключеніи мира съ Романовичами у Литвы и Жмуди былъ *„старѣйшей"* князь Живинбудъ [2]). Литовцы потомъ *довольно долго* соблюдали этотъ миръ и даже помогали, въ силу договора, матери Даніила Романовича противъ поляковъ, что́ опять указываетъ на ихъ единодушіе въ этомъ случаѣ. Ясно, что и въ первой половинѣ XIII вѣка не всегда имѣла мѣсто политическая разрозненность, а развивалось нѣчто въ родѣ федераціи, въ которую входили Литва и Жмудь; само собою разумѣется, что тогда еще не было въ Литвѣ мысли объ установленіи единодержавія, которое попытался ввести впервые Миндове. Интересно, что Миндове, по сказанію нашей лѣтописи, имѣлъ весьма видныхъ родственниковъ въ Литвѣ и Жмуди. Забота о родственныхъ связяхъ также указываетъ на союзы князей, въ силу чего становились возможны общія предпріятія. Быть можетъ, у литовскихъ племенъ существовали родовыя феде-

---

[1]) Курсивъ принадлежитъ намъ.

[2]) Ип. сп., стр. 492.

раціи князей, какъ это было на Руси [1]). Иногда даже Ятвяги собирались вмѣстѣ. Такъ, подъ 1215 г. читаемъ въ Ипатскомъ спискѣ: „и собрася *вся* земля Ятвяская" [2]). Ятвягамъ помогали однажды пруссы и борты [3]). Есть основанія думать, что и ранѣе литовскія волости собирались въ большія ополченія для самозащиты. Подъ 1106 г. въ нашу лѣтопись занесено извѣстіе о томъ, что „побѣдиша Зимѣгола Всеславичь всю братью и дружины убиша 9 тысящь" [4]). Для такого торжества необходимо было вывести въ бой значительное количество людей. Точно также должно предположить соединеніе силъ отдѣльныхъ литовскихъ округовъ при нападеніяхъ литовцевъ большими отрядами, на что, впрочемъ, есть и положительныя указанія, восходящія къ концу XII-го столѣтія. Въ 1225 г. сдѣлала набѣгъ литовская „рать велика зѣло, якаже не была отъ начала міру" [5]). При обзорѣ быта литовскихъ племенъ предъ возникновеніемъ литовско-русскаго государства необходимо отличать первую половину XIII-го вѣка отъ предшествовавшаго времени, какъ эпоху подготовленія Литвы къ идеѣ государственнаго единенія. Не будь такой подготовки, не была-бы возможна и попытка Миндове.

Для своего вывода о существованіи въ Литвѣ и Жмуди одновременно многихъ мелкихъ князей, г. Антоновичъ имѣлъ положительное основаніе въ упомянутомъ нами мѣстѣ Ипатскаго списка подъ 1215 г. [6]). Указаніе на тотъ-же фактъ г. Антоновичъ видитъ еще въ литовско-рус-

---

[1]) См. ст. Бервинскаго въ „Achtzehnter Jahres—Bericht über das königliche katholische Gymnasium zu Trzemeszno (Trzemeszno, 1857), стр. 6—7; ср. ниже.

[2]) Ип., 538.

[3]) Лѣтопись по Ип. сп., стр. 540.

[4]) Лѣт. по списку Лаврентія, стр. 271. По свидѣтельству Дусбурга, пруссы также собирались въ большія толпы, которыя дѣйствовали совмѣстно и имѣли иногда общаго вождя. Преданіе о Видевутѣ и Прутенѣ, указанное г. Антоновичемъ на 6-й страницѣ,—не народнаго происхожденія. См. въ диссертаціи Bender'a: De veterum Prutenorum diis, Brunsbergae, MDCCCLXV, pag. 13—19.

[5]) Послѣдній фактъ отмѣченъ и В. Б. Антоновичемъ на стр. 22.

[6]) Нѣкоторые находятъ такое основаніе и въ свидѣтельствахъ довольно раннихъ иностранныхъ источниковъ.

ской лѣтописи, изданной по списку Быховца и затѣмъ по списку, принадлежащему Познанской библіотекѣ. Изъ литовскихъ будто-бы лѣтописей, передававшихъ древнѣйшую исторію Литвы, это единственная дошедшая до насъ въ цѣльномъ видѣ.

Г. Антоновичъ, относясь съ крайнею осторожностію къ извѣстіямъ источниковъ, вступилъ можно сказать, на надлежащую дорогу и по отношенію къ этой лѣтописи, значительно подорвавъ ея авторитетъ столь превознесенный Нарбуттомъ, и признавъ текстъ ея „темнымъ, исполненнымъ анахронизмовъ и искусственныхъ сближеній“ (стр. 12). Мы рѣшаемся пойдти еще далѣе. Г. Антоновичъ все еще приписываетъ нѣкоторое значеніе легендамъ занесеннымъ въ литовскую лѣтопись, и подобно другимъ ученымъ, признаетъ за этими легендами нѣкоторое значеніе для исторіи Литвы до XIV стол., хотя видитъ въ нихъ уже не фактическія данныя, а единственно отголосокъ преданій, почерпнутыхъ изъ мѣстныхъ или фамильныхъ традицій и переплетенныхъ вставками собирателя [1]). Мы рѣшаемся утверждать, что преданія объ основаніи различныхъ городовъ, изложенныя литовскою лѣтописью, *по большей части* (не говоримъ—всѣ)—позднѣйшіе книжные вымыслы, происхожденіе которыхъ весьма ясно: это—эпонимныя легенды. Нѣкоторое право на вниманіе имѣютъ преданія о мѣстностяхъ замѣчательныхъ битвъ литовцевъ съ татарами, каковы, напр., разсказы о Кайдановѣ, Могильной. Извѣстенъ цѣлый рядъ нападеній татаръ на Литву, начиная съ 1258 г., и въ XIII стол., дѣйствительно, могли происходить битвы у Кайданова и Могильной, хотя наши лѣтописи не упоминаютъ объ этихъ сраженіяхъ [2]), но только исходъ битвъ былъ отличенъ отъ того, о какомъ повѣствуетъ литовская лѣтопись: извѣстія XIII в. говорятъ о пораженіи литовцевъ, а не о торжествѣ ихъ [3]). Очевидно, что разсказы о битвахъ съ татарами, вошедшіе въ такъ наз. литовскую лѣтопись, искажены, но только

---

[1]) Ср. у Карамзина: IV, пр. 175.

[2]) Кайданъ упоминается въ числѣ татарскихъ вождей XIII стол. какъ въ нашихъ лѣтописяхъ (Ип., 522), такъ и въ иностранныхъ повѣствованіяхъ о нашествіи татаръ на Венгрію.

[3]) Monumenta Poloniae, II, 806: III, 73.

неизвѣстно, кому приписать это искаженіе [1]). Весьма сомнительно также значеніе „фамильныхъ преданій“, представляющихся намъ позднѣйшими генеалогическими построеніями, которыя были въ большомъ ходу въ XV и XVI вв., хотя не отрицаемъ, что отдѣльныя имена могли быть заимствованы изъ народныхъ названій [2]). Литовскіе вельможи или правильнѣе—услужливые историки фамилій могли составлять эти генеалогіи и безъ фамильныхъ преданій, и изъ этихъ родословныхъ еще нельзя заключать о княжескомъ происхожденіи родовъ, которымъ онѣ усвоялись [3]). Во всякомъ случаѣ, сказанія о древнѣйшемъ періодѣ литовской исторіи, занесенныя въ литовско-русскую лѣтопись, никакъ не могутъ быть отнесены ко времени, предшествовавшему возникновенію литовско-русскаго государства.

Изобразивъ общественный строй, господствовавшій у литовцевъ до начала попытокъ государственнаго объединенія, г. Антоновичъ выясняетъ затѣмъ условія, повліявшія на политическую организацію литовскаго племени, которое, сколько ни ненавидѣло подчиненность [4]), должно было въ концѣ концовъ примириться съ мыслью о ней, потому что не было иного средства спасенія. Г. Антоновичъ совершенно справедливо указываетъ на давленіе извнѣ, какъ на главное побужденіе къ образованію государства у литовцевъ, но только приписываетъ значеніе въ этомъ отношеніи лишь напору съ одной стороны, именно—со стороны нѣмцевъ, не придавая большой важности натиску съ другихъ сторонъ, который замѣчается задолго до поселенія нѣмцевъ на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря. На ряду съ мирными попытками Войтѣха и Брунона, а также нѣсколькихъ миссіонеровъ въ началѣ XIII стол., предпринимались польскими князьями въ XI и XII стол. походы на

---

[1]) Ср. „Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ“, Кіевъ 1873, стр. 85—86.

[2]) Такъ, до сихъ поръ указываютъ Палемонову гору. См. цит. ст. Ярошевича въ „Pismo zbiorowe Wileńskie“, стр. 90.

[3]) Касательно происхожденія Гаштольдовъ см. данныя въ Script. rer. Pruss. II, S. 540 и прим. 654.

[4]) Галлъ причисляетъ пруссовъ къ тремъ barbarorum gentilium ferocissimae nationes. О нихъ читаемъ; „... inaccessi paludibus, *nullum* inter se pati dominum volunt.

пруссовъ и Литву съ цѣлью обращенія ихъ въ христіанство [1]). По взгляду г. Антоновича, образованіе болѣе или менѣе прочнаго государственнаго строя въ собственной Литвѣ и Жмуди было вызвано необходимостью самозащиты противъ энергическаго и непрестаннаго стремленія нѣмцевъ, поселившихся на границахъ литовскихъ земель, къ обращенію въ христіанство и въ сущности къ политическому подчиненію литовскихъ народовъ. Инымъ характеромъ отличались, по мнѣнію г. Антоновича враждебныя отношенія русскихъ и поляковъ въ Литвѣ, ограничивавшіяся „временнымъ разореніемъ пограничныхъ волостей и требованіемъ дани"; со стороны русскихъ и поляковъ не было „посягательства на самобытность литовскаго племени" (стр. 15). Но и сосѣдство русскихъ съ литовцами—поляковъ оставимъ въ сторонѣ—также не могло остаться безъ вліянія на зарожденіе государственной идеи у литовцевъ. Литва не могла долѣе оставаться среди далеко двинувшихся впередъ по пути культуры и политическаго развитія сосѣдей, не испытывая ихъ вліянія; рано или поздно язычеству долженъ былъ быть положенъ конецъ, тѣмъ болѣе, что къ тому вызывали набѣги литовцевъ. Отсутствіе подробныхъ извѣстій не позволяетъ точно опредѣлить характеръ отношеній Руси къ Литвѣ до половины XIII-го стол., но, повидимому, и тогда уже литовцамъ приходилось испытывать сильное давленіе, на что намекаетъ отчасти самъ авторъ, говоря, что „въ продолженіи долгаго времени литовцамъ принадлежитъ роль исключительно пассивная" (стр. 51). Не обходилось безъ вражды и столкновеній, и русскіе князья постоянно пытались уладить взаимныя отношенія, предпринимая походы и налагая дань. Нѣкоторые изъ этихъ походовъ были весьма серьезны; такъ, лѣтопись говоритъ о Владимірѣ, что онъ *взялъ* землю ятвяговъ [2]). Литовцы принуждены были платить болѣе или менѣе постоянную дань русскимъ [3]). Было, конечно, и сопротивленіе,

---

[1]) О Болеславѣ Храбромъ схоліастъ Адама Бременскаго говоритъ, что тотъ „omnem vi Sclavoniam subiecit, et Ruziam (Rugiam) et Pruzzos, a quibus passus est sanctus Adalbertus". Ср. у Кадлубка. Въ числѣ возставшихъ подъ начальствомъ Моислава были пруссы. Нѣкоторые памятники въ числѣ данниковъ Болеслава Храбраго называютъ литовцевъ.

[2]) Лѣт. по Лавр. сп., стр. 80.

[3]) Г. Антоновичъ считаетъ эту дань временною. Не говоря о польскихъ извѣстіяхъ, и въ нашей начальной лѣтописи нѣкоторыя изъ литовскихъ пле-

чѣмъ объясняются довольно частые походы русскихъ князей [1]), но до второй половины XII-го в. кіевскіе князья были достаточно сильны для подавленія возстаній. На ряду съ обложеніемъ данью происходило, безъ сомнѣнія, и постепенное оттѣсненіе литовскаго племени съ земель, искони занятыхъ имъ, а также захватъ въ плѣнъ побѣжденнаго населенія, чѣмъ постоянно сопровождались тогдашнія войны [2]).

Литовцы, сколько можно судить по описанію набѣговъ ихъ, отличались храбростію, составлявшею коренную черту ихъ народнаго характера. Куроны издавна занимались разбойничествомъ и названы въ источникахъ „populus ferox", т. е. свирѣпымъ народомъ. Писатель XII в., каноникъ Плоцкій Ярославъ, если вѣрить извѣстію о немъ, озаглавилъ свою хронику: „Liber originis et furiarum gentis indomitae Brutenorum in sanguinem christianum". Подвергаясь нападенію во время набѣговъ, литовцы не сдавались и иной разъ гибли всѣ до единаго. Историческія обстоятельства, только что описанныя, содѣйствовали развитію этого народнаго свойства и привели къ выработкѣ дружиннаго строя, который далъ опору въ борьбѣ съ крестоносцами и въ концѣ концовъ долженъ

менъ причислены къ языкамъ, „иже дань дають Руси" (Лѣт. по сп. Лавр., 10), а въ Переяславскомъ спискѣ прибавлены слѣдующія слова о Литвѣ: „испръва исконніи данници и конокръмци". Въ виду этихъ извѣстій невозможно согласиться съ сомнѣніемъ, высказаннымъ Лелевелемъ.

[1]) Къ перечисленнымъ авторомъ на стр. 7-й должно прибавить еще нѣсколько, именно походы: Бориса Полоцкаго на Ятвяговъ 1102 г.,—полоцкихъ князей на Зимѣголу 1106 г., два похода Ярослава Святополковича на Ятвяговъ 1112 и 1113 г. Было, безъ сомнѣнія, больше походовъ, но они не записаны, потому что не имѣли особенно важнаго значенія, а отчасти остались намъ неизвѣстны потому, что до насъ не дошли лѣтописи княжествъ, граничившихъ съ Литвою.

[2]) Интересно въ этомъ отношеніи упоминаніе о Голяди въ глубинѣ Руси. Мѣстность древнѣйшаго жительства Голяди долго носила имя этого народа. См., напр., документъ 1255 г. у Dogiel'я въ Cod. dipl. IV, 25: „super terris Polexia et Galenz". Ср. папскую буллу 1257 г.; въ которой упоминаются „terrae paganorum que Golens et Polexia vulgariter appellantur". (*Theiner*, I, № CXLI p. 72). Поллексіанами называетъ ятвяговъ и Кадлубекъ. Въ галицко-волынской лѣтописи также упоминается Полѣсье. Около Владиміра Вол. и теперь есть *Голядинъ*.

былъ, при удобномъ случаѣ, положить начало государству, какъ на Западѣ дружинный строй германцевъ. Данныя второй половины XII стол. свидѣтельствуютъ, что уже въ то время въ Литвѣ господствовалъ подобный строй [1]), и у литовцевъ возникло-бы мало по малу военное государство, еслибы даже и не поселились въ сосѣдствѣ нѣмцы. Знатные издавна выдѣлялись изъ народной массы [2]), и княжеское достоинство было, повидимому, наслѣдственнымъ въ ихъ сословіи [3]). Интересно, что для обозначенія князя литовцы заимствовали названія извнѣ.

Дружинный строй поддерживался постояннымъ участіемъ литовцевъ въ междоусобіяхъ русскихъ князей. Г. Антоновичъ указываетъ на такое участіе ихъ въ междоусобіяхъ полоцкой земли. Были вмѣшательства литовцевъ во внутреннія дѣла и другихъ русскихъ земель. Мало по малу пограничные русскіе князья привыкли постоянно обращаться къ Литвѣ за помощью, какъ обращались за нею къ половцамъ. Литва участвовала въ походѣ 1169 г. на Кіевъ [4]). Русскимъ наддвинскимъ князьямъ она помогала въ борьбѣ ихъ съ нѣмцами, а князьямъ юго-западной Руси въ борьбѣ ихъ съ венграми и поляками [5]). По временамъ литовцы вмѣшивались и въ польскія распри [6]).

Путемъ постоянныхъ соприкосновеній и вмѣшательства Литвы во внутреннія дѣла Руси пролагалась дорога сближенію и взаимному вліянію. То и другое началось давно и ранѣе всего—въ землѣ Полоц-

[1]) По словамъ г. *Барсова* („Очерки р. ист. геогр., 33), „имя одного изъ русскихъ пословъ, заключившихъ миръ съ Греціей въ 945 г., „Ятвягъ" даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что выходцы изъ этого племени уже тогда служили въ княжескихъ дружинахъ".

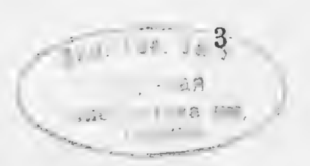
[2]) Ср. ст. Бервинскаго въ Jahres—Bericht etc., стр. 9—10.

[3]) Князь второй половины XIII стол. Эрдень былъ, по словамъ нашихъ лѣтописей, сынъ Давиловъ, а Довьялъ упомянутъ галицко-волынскою лѣтописью въ числѣ литовскихъ князей первой половины XIII стол. (Ип., 492). По словамъ Дусбурга, у nobiles была hereditas paterna. Script. rer. Pruss. I, 129. Въ castra ихъ было много добычи in equis, pecudibus et aliis rebus. Ib., 132. Отличительнымъ достояніемъ знатныхъ пруссовъ были arma, equi, servi et ancillae, vestes, canes venatici et aves rapaces et alia, que spectant ad miliciam. Ib. 54.

[4]) Ник. II, 204.

[5]) Ип. сп. подъ 1215 г.; Stryjk., I, 220.

[6]) Monum. Pol. II, 564; III, 49.

кой. Была высказана нѣкоторыми учеными мысль, что славяне, ближайшіе къ литовцамъ, подпали въ религіозномъ отношеніи нѣкоторому вліянію послѣднихъ. Интересно, что повѣрье полочанъ, занесенное въ нашу начальную лѣтопись подъ 1092 г. [1], напоминаетъ вѣрованія литовскаго племени [2]). Дневникъ нѣмецкаго посольства, бывшаго въ Вильнѣ въ концѣ XIV стол., сообщаетъ, что литовцы издавна праздновали Купалу вмѣстѣ съ русскими [3]). Мирное вліяніе Руси могло имѣть мѣсто въ особенности со второй половины XII-го стол., когда отношенія обѣихъ народностей начали становиться нѣсколько болѣе благопріятными для литовцевъ: цѣлыя дружины послѣднихъ пребывали нерѣдко довольно долго въ русской землѣ; затѣмъ не лишены были значенія родственныя и торговыя связи и масса плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ.

Во второй половинѣ XII-го стол. литовцы начинаютъ причинять не мало безпокойства сосѣдямъ. Къ этому времени относятся вполнѣ опредѣленныя извѣстія о набѣгахъ литовцевъ на окрестныя страны, что́ также указываетъ на развитіе дружиннаго строя. Пруссы издавна нападали на Польшу, а предъ 1215 г. они захватили было даже часть земли Любавской, которую потомъ, по обращеніи въ христіанство, уступили епископу. Ятвягамъ покровительствовалъ во второй половинѣ XII в., при ихъ вторженіяхъ въ Польшу, русскій Дрогичинскій князь [4]). По всей вѣроятности, литовскія племена переходили по временамъ въ наступленіе и по отношенію къ Руси уже до половины XII стол. Намъ кажется, г. Барсовъ совершенно справедливо объясняетъ [5]) походы на ятвяговъ въ 983 и слѣд. гг. присоединеніемъ къ

[1]) Лѣт. по сп. Лавр., стр. 207—208.

[2]) У пруссовъ были Tulissones и Ligaschones, которые, восхваляя мертвыхъ, утверждали, между прочимъ, „se videre presentem defunctum per medium celi volantem in equo armis fulgentibus decoratum, nisum in manu ferentem et cum comitatu magno in aliud seculum procedentem“. Впрочемъ, подобное-же читаемъ и въ Еллинскомъ лѣтописцѣ 1-й редакціи. *А. Поповъ*, Обз. Хрон. I, 42. Подробный перечень подобныхъ повѣрій см. въ монографіи И. Н. Жданова: „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“. К. 1881, стр. 230—231.

[3]) *Narbutt*, Pomniejsze pisma historyczne, стр. 143.

[4]) По Богухвалу (Monum. Pol. II, 556) первое нападеніе *литовцевъ* на Польшу относится къ двадцатымъ годамъ *XIII-го столѣтія*, но это невѣрно.

[5]) „Очерки“ и пр., 33—34.

русскому государству области Буга и Днѣстра. Если литовскія племена не дѣлали *слишкомъ частыхъ* набѣговъ до половины XII-го столѣтія, то это объясняется вѣскимъ значеніемъ въ то время центральной кіевской власти, обладавшей значительными силами вслѣдствіе того, что она стояла во главѣ союза князей. Со времени усвоенія великокняжескаго достоинства Владимірскимъ князьямъ пала власть великаго князя и ослабѣло его значеніе какъ общерусскаго главы. Издавна ведшаяся борьба съ Литвою начала въ общемъ получать теперь неблагопріятный оборотъ для Руси. Распаденіе Руси на земли болѣе сильныя по своему строю и менѣе сильныя и разобщеніе между этими землями только обезпечивало возможность успѣха литовцамъ, позволяя направлять удары на слабѣйшія княжества [1]). Этимъ же обусловливались въ значительной мѣрѣ позднѣйшія завоеванія литовцевъ на Руси, какъ на это указываетъ В. Б. Антоновичъ (стр. 18—19).

Набѣги литовцевъ на окрестныя страны продолжались все XIII-е столѣтіе и въ XIV-мъ прекратились только съ принятіемъ христіанства Литвою. До конца они отличались быстротою, ловкостью, неожиданностью. Эти постоянные набѣги указываютъ на чрезвычайное развитіе воинственности. Литва, и безъ того не чуждая воинскаго духа, вступила теперь въ тотъ періодъ воинственнаго одушевленія, который переживаютъ многіе народы въ началѣ своего историческаго существованія. Какъ вездѣ въ такой періодъ, и у литовцевъ воинскіе подвиги пользовались высокою славой. По извѣстію, относящемуся къ половинѣ XIII-го столѣтія, у пруссовъ были Tulissones vel Ligaschones, родъ жрецовъ, восхвалявшихъ мертвыхъ, употребляя выраженіе документа, „за ихъ воровство, и грабежи, хищенія и другіе пороки и проступки, совершенные при жизни“.

Развитіе дружиннаго строя, имѣвшее мѣсто въ Литвѣ еще до столкновенія ея съ нѣмцами, вызывалось, какъ и въ предшествовавшій періодъ (до половины XII-го стол.), между прочимъ, борьбою съ Русью, хотя теперь походы русскихъ на Литву имѣли оборонительное только значеніе, благодаря разрозненности русскихъ силъ, придававшей болѣе смѣлости литовцамъ. Для лучшаго отраженія набѣговъ русскіе князья предпринимали сами нападенія на Литву, и послѣдняя встрѣчала отпоръ не только со стороны Волыни и Новгорода, о чемъ говоритъ

[1]) Во второй половинѣ XII стол. литовцы нападали, между проч., на Волынскую землю.

г. Антоновичъ (стр. 22), но и со стороны другихъ земель [1]). Повторялись и прежнія попытки рѣшительнаго подчиненія Литвы. Извѣстна такая попытка Романа Мстиславича, галицко-волынскаго князя, который, видно, проникалъ далеко въ глубь литовскихъ земель, если „Слово о п. Иг." говоритъ о немъ и братѣ его Мстиславѣ: „тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела". По словамъ Стрыйковскаго, литовцы нерѣдко покушались освободиться изъ-подъ власти Романа; значитъ, давленіе было сильное, и было весьма естественно ожидать его со стороны Романа, отличавшагося замѣчательною энергіею и требовавшаго полнаго подчиненія. По разсказу галицко-волынской лѣтописи, Романъ „бѣ изоострился на поганыя яко левъ", „губяше яко и коркодилъ и прохожаше землю ихъ яко и орелъ". Эти слова должно относить не только къ половцамъ, но, согласно приведенной выдержкѣ изъ „Сл. о п. Иг.", и къ литовцамъ, которыхъ галицко-волынская лѣтопись также называетъ „погаными".

Сказаннымъ мы желали бы обосновать предположеніе, что Литва встрѣчала и со стороны Руси немало толчковъ къ образованію болѣе или менѣе обширныхъ политическихъ единеній и вообще немало побужденій къ политическому развитію. Но, конечно, не будь татарскаго нашествія, кто знаетъ, успѣла ли бы Литва отстоять свою самостоятельность и создать независимое государство? Безъ завоеваній на Руси не такъ скоро образовалось-бы государство въ самой Литвѣ. Для утвержденія единовластія необходимо было, чтобы одинъ изъ князей получилъ перевѣсъ надъ другими, а это могло случиться лишь при полученіи опоры внѣ Литвы.

Выяснивъ обстоятельства, вызывавшія литовцевъ къ образованію государства, В. Б. Антоновичъ переходитъ ко внѣшней исторіи возникновенія великаго княжества литовскаго. Онъ вновь обращается къ такъ наз. литовской лѣтописи и передаетъ ея извѣстія о первыхъ завоеваніяхъ литовцевъ на Руси. Этимъ извѣстіямъ историки прежняго времени приписывали огромное значеніе, и Нарбуттъ и его послѣдователи построили на основаніи ихъ цѣлый рядъ небывалыхъ событій. В. Б. Антоновичъ придаетъ этимъ легендамъ сравнительно уже весьма

---

[1]) См. „Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ", стр. 110—111.

мало значенія и полагаетъ, что подробности основанія первыхъ литовскихъ владѣній на Руси не сохранились въ источникахъ вполнѣ достовѣрныхъ и „дошли до насъ въ легендарной формѣ очень поздно записанныхъ литовскихъ преданій“ (стр. 23). Г. Антоновичъ отрицаетъ достовѣрность этихъ преданій въ подробностяхъ и говоритъ, что онѣ „заслуживаютъ только вниманіе, какъ свидѣтельство поздняго преданія, указывающее на то, что въ половинѣ XIII столѣтія случилось общее движеніе многихъ литовскихъ вождей на Русь съ цѣлью территоріальнаго захвата“ (стр. 24). Г. Антоновичъ старается подтвердить этотъ выводъ данными, сохранившимися въ русскихъ лѣтописяхъ. Сказанія литовской лѣтописи о первыхъ литовскихъ князьяхъ на Руси не заслуживаютъ на нашъ взглядъ никакого вниманія, потому что совершенно недостовѣрны, за исключеніемъ развѣ самаго факта завладѣнія Полоцкомъ, Новгородкомъ и Гродномъ, для разсказа о которомъ нечего было все-таки лѣтописцу обращаться къ преданію [1]). Можно думать, что завоеваніе Полоцка находилось въ связи съ движеніемъ Миндове на русскія земли. По словамъ Стрыйковскаго, Полоцкъ во время захвата литовцами управлялся вѣчемъ, а это могло случиться не ранѣе конца тридцатыхъ годовъ XIII-го стол. [2]). Изъ извѣстія Ипатскаго списка подъ 1247 г. не видно, чтобы пинскіе князья признавали верховную власть Литвы; они только благопріятствовали ей, опасаясь чрезмѣрнаго возвышенія галицко-волынскихъ князей, но, тѣмъ не менѣе, должны были примкнуть къ послѣднимъ [3]). Что касается толковъ литовской

---

[1]) Имя Эрдивила взято литовскимъ лѣтописцемъ изъ галицко-волынской лѣтописи.

[2]) О вѣчевомъ правленіи въ Полоцкѣ говоритъ и извѣстіе о Мингайлѣ. Разборъ литовскихъ извѣстій о занятіи Полоцка см. въ нашей монографіи: „Княженіе Даніила Галицкаго“, стр. 119—123. Если наполненъ выдумками разсказъ о преемникахъ Мингайла, то слѣдуетъ отринуть и самого Мингайла. Товтивилъ былъ, по всей вѣроятности, первый литовскій князь Полоцка. По словамъ Стрыйковскаго, онъ владѣлъ Полоцкомъ уже въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIII-го вѣка. По догадкѣ Карамзина (IV, пр. 107), онъ сѣлъ въ Полоцкѣ съ согласія гражданъ.

[3]) См. Ип. сп. подъ 1262 г., стр. 566. Тоже говоритъ и г. Антоновичъ.—О завоеваніи Берестья и Дрогичина см. „Княженіе Даніила Галицкаго“, стр. 124: о завоеваніи Турова и Пинска—ib. стр. 125.

лѣтописи о завоеваніи уже въ половинѣ XIII-го в. Стародуба, Карачева, Чернигова, то полагаемъ—нелѣпость ихъ очевидна безъ особенныхъ опроверженій.

Для общаго вывода о завоеваніи литовцами нѣкоторыхъ русскихъ земель въ половинѣ XIII-го стол. нѣтъ надобности обращаться къ такому мутному источнику какъ сказанія литовской лѣтописи. Повторяемъ, это не преданія, а книжные вымыслы; изъ исторіи взято нѣсколько именъ [1]).

Обратившись къ русскимъ извѣстіямъ о первыхъ литовскихъ князьяхъ на русской территоріи, г. Антоновичъ устанавливаетъ (стр. 25), что первымъ литовскимъ княжествомъ на Руси было княжество, основанное въ Новгородкѣ Литовскомъ Мендовгомъ, сыномъ Рынгольта. Не рѣшаясь окончательно отвергнуть „преданіе" литовской лѣтописи, между прочимъ—сказаніе объ основаніи княжества въ Новгородкѣ еще Рынгольтомъ, мнимымъ отцемъ Миндове [2]), г. Антоновичъ удержалъ въ данномъ случаѣ обломокъ легендарной генеалогіи. Не существовало въ 1235 г. и самое княжество новгородское (литовское); въ Новгородкѣ княжилъ въ то время не Миндове, а русскій князь Изяславъ [3]).

Успѣлъ ли кто изъ литовскихъ вождей ранѣе Миндове утвердиться на русской территоріи, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что Миндове былъ рѣшительнымъ начинателемъ въ томъ смыслѣ, что его попытка захвата русскихъ земель имѣла наиболѣе

---

[1]) См. имена литовскихъ вождей въ Ип. сп. подъ 1215 г. (стр. 492). Ср. „Княж. Дан. Гал.", стр. 129. Вообще въ лѣтописи Быховца замѣтны слѣды пользованія галицко-волынскою лѣтописью; см., напр., сказаніе о Воишелкѣ.

[2]) Ср. на стр. 49, гдѣ г. Антоновичъ говоритъ, что Черная Русь вошла въ составъ великаго княжества литовскаго еще *при Рынгольтѣ*, между тѣмъ какъ ею не владѣлъ въ началѣ Миндове. О Рынгольтѣ не упоминаютъ достовѣрные источники. Въ одномъ актѣ 1560 г. мы встрѣтили мѣстныя названія Риньголевщина, Довьятовщина въ Литвѣ, но они не доказываютъ того, что Рынгольтъ былъ отецъ Миндове и основалъ литовское княжество на Руси.

[3]) Подъ 1256 г. въ галицко-волынской лѣтописи названъ Изяславъ Вислочьскій; не перешелъ ли въ Свислочь Изяславъ изъ Новгородка? Онъ также является въ связи съ Литвою.

широкіе размѣры, сопровождалась значительною удачею и привела къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. Это объясняется политическою даровитостью Миндове, его необыкновенною энергіею и неразборчивостью относительно средствъ: онъ не останавливался ни предъ избіеніемъ соперниковъ, ни предъ измѣною вѣрѣ отцовъ. Миндове удивительно вѣрно понялъ положеніе дѣлъ, всю опасность, какая грозила со стороны нѣмцевъ, и съумѣлъ выискать, какъ никто другой, путь обороны. Силѣ нѣмцевъ онъ задумалъ противопоставить соединенныя силы Литвы и Руси. Миндове, безспорно, положилъ начало великому княжеству литовскому. Онъ первый возымѣлъ идею такого княжества, повидимому носилъ даже титулъ великаго князя и намѣтилъ до извѣстной степени позднѣйшія границы великаго княжества литовскаго. Широкіе планы Миндове не осуществились вполнѣ, но много значило то, что Миндове стремился къ подчиненію не только Черной Руси, но и Чернигова [1]) и Смоленска [2]), а равно заявлялъ притязанія на гегемонію подъ всѣми литовскими племенами. Повидимому, онъ даже успѣлъ было вытѣснить нѣмцевъ изъ одного завоеваннаго ими въ началѣ XIII стол. участка [3]), и, какъ видно изъ дарственныхъ записей ордену, признавалъ за собою права на всѣ литовскія земли. Желая доставить санкцію своимъ захватамъ, Миндове добился того, что папа призналъ его королемъ всѣхъ земель, которыя Миндове отнялъ у язычниковъ и отнялъ-бы у кого-нибудь впредь. Наконецъ, въ эпоху Миндове обозначились ясно особенности внутренняго строя будущаго великаго княжества литовскаго. При Миндове былъ намѣченъ путь, идя по которому литовскіе князья могли достигнуть укрѣпленія своего государства,—путь полнаго сближенія съ русскою народностью, чего, впрочемъ, не хотѣлъ самъ Миндове, желавшій доставить перевѣсъ въ пограничныхъ русскихъ земляхъ литовскому народному началу. Примѣръ Миндове показалъ однако необходимость усвоенія началъ хри-

---

[1]) Ип., 556.

[2]) Ип., 541. Г. Антоновичъ утверждаетъ (стр. 27), что Миндове владѣлъ Смоленскомъ; онъ только посылалъ рать къ Смоленску, и позднѣе въ Смоленскѣ упоминаются русскіе князья; Ип. сп. подъ 1274 г., стр. 575.

[3]) Ph. *Schwartz*, Kurland im dreizehnten Jahrhundert, Leipzig 1875, стр. 18 и 70.

стіанскаго просвѣщенія и сторону, въ какую должно было обратиться за этимъ просвѣщеніемъ. Ненасытность и крайне своекорыстная политика нѣмцевъ надолго отвратили литовцевъ отъ католицизма и побудили послѣднихъ примкнуть тѣснѣе къ Руси. Сближеніе обѣихъ народностей подготовлялось давно, но до Миндове мысль о сліяніи Литвы съ Русью, объ образованіи изъ нихъ одного государства проводилась слабо, непостоянно. Теперь она выступила замѣтно, при чемъ имѣлось въ виду соединеніе Литвы съ Русью на началахъ равноправности, и Миндове, въ концѣ концовъ, долженъ былъ сдѣлать уступку въ этомъ отношеніи русской народности. Въ теченіе нѣкотораго времени, казалось, значительная часть литовскихъ земель готова была даже подпасть верховному владычеству русскихъ князей галицко-волынской вѣтви. Со стороны Руси мысль объ этомъ сочувственно встрѣтилъ Даніилъ Галицкій, согласившійся на княженіе въ Литвѣ своего сына Романа, а потомъ Шварна. Со стороны же Литвы эту мысль поддерживалъ и старался провести сынъ Миндове Воишелкъ, который вообще представляетъ разительный примѣръ вліянія русской культуры. Весьма интересно описаніе въ лѣтописи перемѣны, какую произвело въ Воишелкѣ принятіе христіанства. Юные неофиты отдавались христіанству со всѣмъ жаромъ религіознаго чувства (ср. мѣсто лѣтописи о братьяхъ Тройдена) и, само собою разумѣется, не могли быть врагами русской народности, отъ которой получали религіозное просвѣщеніе. Въ усвоеніи Литвою такого просвѣщенія отъ Руси Воишелкъ видѣлъ лучшее средство сближенія обѣихъ народностей.

Одновременно съ закладкою прочныхъ связей Руси съ Литвою въ эпоху Миндове ярко выступаетъ и другая крупная особенность внутренней жизни литовско-русскаго государства во все время его существованія: разумѣемъ феодализмъ, на который прямо указываютъ грамоты Миндове. Литовско-русское государство могло на первыхъ порахъ держаться только сильнѣйшимъ развитіемъ военнаго строя, а феодализмъ являлся въ то время готовою формою такого строя. Почва для феодализма была подготовлена отчасти предшествовавшею исторіею и народнымъ бытомъ. Какъ явствуетъ изъ одного документа половины XIII-го стол., у пруссовъ была знать, какъ выдѣленное сословіе [1]). По

---

[1]) „Illi ex ipsis neophitis, qui sunt *vel* erunt ex nobili prosapia procreati, accingi possunt cingulo militari". Monum. hist. Warm. Cod. diplom. Warm, I,

словамъ Дусбурга, Пруссы думали, что знатный будетъ таковымъ и въ будущей жизни. Позднѣе въ собственной Литвѣ также было крупное землевладѣніе [1]). Замѣчательно, что лѣтопись наша постоянно называетъ представителей отдѣльныхъ округовъ князьями и упоминаетъ о цѣлыхъ владѣтельныхъ родахъ [2]). Интересно, далѣе, что многіе знатные носили прозванія, тождественныя съ названіями поселковъ [3]). Ясно, что ко времени образованія государства въ Литвѣ успѣли уже образоваться зародыши довольно численнаго высшаго класса населенія, съ которымъ не могло не считаться государство при своемъ возникновеніи. Кромѣ ума и энергіи, много помогло Миндове, то что онъ былъ въ родствѣ съ самыми видными литовско-жмудскими князьями: свояченица Миндове была за Довмонтомъ Нальщанскимъ, Тренята Жмудскій былъ его племянникъ, какъ и Товтивилъ. На первыхъ порахъ, не разгадавъ всѣхъ плановъ Миндове, они были готовы пособлять ему. Стремясь къ верховному владычеству, Миндове однакожъ волей-неволею долженъ былъ терпѣть подручныхъ князей, такъ какъ невозможно было вполнѣ устранить ихъ, и не лишалъ власти князей покоренныхъ

---

28 seqq. Крестьяне, впрочемъ, оставались наслѣдственными землевладѣльцами: по словамъ одного источника, (terra) per sortes hereditarias ruricolis et habitatoribus dispartita". Знатные выдавались родовитостью. Script. rer. Pruss. I, 145, 146. Они видимо заправляли дѣлами вмѣстѣ съ жрецами и содержали цѣлые отряды. Изъ нихъ-то, вѣроятно, избирались предводители на время войны, которые у Дусбурга называются постоянно capitanei; см. о Скомондѣ, ятвяжскомъ предводителѣ, у Дусбурга стр. 143 и 146. Повидимому, въ ряду знати нѣкоторые пользовались особеннымъ значеніемъ: у Дусбурга встрѣчаемъ выраженія: prepotentes (p. 63), pociores domini (p. 135), famosi domini (p. 139).

[1]) См., напр. Chron. Livoniae Hermanni de Wartberge подъ 1377 г. въ Script. rer. Pruss. t. II, 113.

[2]) См. Ип. сп. подъ 1215 г.: Рушковичи; потомъ называется по имени одинъ изъ нихъ—Айшвно Рушковичъ. Дусбургъ упоминаетъ однажды о reges Pruthenorum; въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ самаитскихъ regulos. Script. rer. Pruss. I, 53—54, 241.

[3]) Напр., Ятвягъ Коматъ. Укрѣпленія прусской знати, устраивавшіяся на горахъ, у рѣкъ, озеръ, болотъ, назывались нерѣдко по имени владѣльцевъ. Script. rer. Pr. I, 55, 60, 122.

русскихъ областей; въ качествѣ князей упоминаются при немъ Изяславъ Свислочьскій и Глѣбъ въ Черной Руси [1]. Подручникомъ Миндове былъ и Романъ Даниловичъ [2]. Въ такое же положеніе были поставлены и сыновья Миндове [3].

Въ разсматриваемомъ нами выпускѣ своего труда г. Антоновичъ оставилъ въ сторонѣ это важное явленіе внутренней жизни слагавшагося литовско-русскаго государства, предполагая, вѣроятно, обозрѣть общественный строй литовскихъ земель въ отдѣльномъ очеркѣ въ заключеніи внѣшней исторіи великаго княжества литовскаго.

Эпоха Миндове была временемъ рѣшительнаго перелома въ исторіи Литвы, какъ вообще половина XIII-го стол. ознаменовалась поворотомъ на новую дорогу во всей восточной Европѣ. Не говоря объ утвержденіи татарскаго владычества на Руси, сопровождавшагося столь важными послѣдствіями, укажемъ на то, что въ юго-западной Руси въ это время замѣчаются явленія, въ значительной мѣрѣ сходныя съ тѣми, которыя совершались въ Литвѣ.

Съ убіеніемъ Миндове, на время пріостановился ростъ государства, которому онъ положилъ начало, и былъ моментъ, когда можно было думать—дѣло Миндове рушится, но идея Миндове все-таки не исчезла, и съ того времени постоянно замѣчается стремленіе къ осуществленію ея со стороны то одного, то другого изъ литовскихъ вождей.

Говоря о періодѣ отъ смерти Миндове до прочнаго утвержденія въ Литвѣ новой династіи, окончательно организовавшей литовско-русское государство, В. Б. Антоновичъ употребляетъ, кажется намъ, слишкомъ густыя краски и видитъ болѣе мрака, чѣмъ сколько было на самомъ дѣлѣ.

Конечно, въ критическіе моменты исторіи государствъ личности и передовые носители той или иной идеи имѣютъ огромное значеніе, и убіеніе Миндове въ значительной мѣрѣ *задержало* ходъ его дѣла, но послѣднее не было разрушено вполнѣ. Тренята сразу „нача княжити

---

[1] Ип., 551 и 561.

[2] Ип., 555.

[3] Не только Воишелкъ былъ соправителемъ Миндове, но и другіе сыновья послѣдняго. Еп. Христіану Миндове выдалъ грамоту на нѣкоторыя земли „presentibus et consentientibus filiis Replen et Gerstuchen“.

во *всей* землѣ литовьской и въ Жемоти" [1]). Убіеніе Миндове доставило полную возможность высказаться всѣмъ началамъ, которыя были враждебны зарождавшемуся объединенію, но въ тоже время ясно обнаружилось, насколько успѣла уже привиться идея общаго литовско-русскаго государства.

Было у этой идеи много враговъ, но было и много поборниковъ, какъ между Русью, такъ и въ средѣ Литвы.

Г. Антоновичъ представляетъ время, слѣдовавшее за смертью Миндове, временемъ борьбы двухъ народныхъ началъ, вошедшихъ въ составъ литовскаго государства: „на этотъ національный антагонизмъ опираются поочередно соискатели великокняжескаго стола" (стр. 32). Эта борьба прорывалась, по мнѣнію г. Антоновича, нерѣдко во все время существованія литовскаго государства и была главною причиною ослабленія великаго княжества литовскаго и подпаденія его польскому вліянію (стр. 2—3). Г. Антоновичъ весьма мѣтко уловилъ причину слабости литовско-русскаго государства, открылъ самое больное его мѣсто, и, благодаря тому, литовско-русская исторія получаетъ теперь болѣе глубокій смыслъ, важнѣйшія событія ея предстанутъ въ истинномъ свѣтѣ и будутъ вполнѣ разгаданы. Остается желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ второй части труда г. Антоновича, которая будетъ посвящена времени, когда „борьба двухъ началъ этнографическихъ и бытовыхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества литовскаго, попытки къ ихъ взаимному сближенію и взаимное ихъ воздѣйствіе другъ на друга составляютъ главный интересъ, преисполненный по временамъ высокаго драматизма" (стр. 3). Признавая въ высшей степени важнымъ указаніе на такое раздвоеніе силъ литовско-русскаго государства въ позднѣйшее время, мы позволяемъ себѣ однако думать, что это раздѣленіе явилось именно послѣ 1386 г., и едвали найдутся достаточно убѣдительныя основанія относить это сравнительно позднѣйшее явленіе къ древнѣйшему періоду литовско-русской исторіи.

Послѣ убіенія Миндове, безспорно, въ теченіи нѣкотораго времени происходила внутренняя борьба въ основанномъ имъ государствѣ, но то была просто борьба отдѣльныхъ князей изъ-за верховной власти,—„борьба областныхъ представителей за великокняжескій столъ" (выраженіе г. Антоновича на стр. 32), и не видно распри *народно-*

---

[1]) Ип., 569.

стей—русской и литовской—изъ-за преобладанія. Продолжалось то, что началось при Миндове. По примѣру послѣдняго, нѣкоторые изъ князей стремились достигнуть единовластія, но встрѣчали препятствія со стороны остальныхъ князей, а иногда и со стороны литовской народной массы, собственно—Жмуди, не успѣвшей еще вполнѣ свыкнуться съ мыслью о политическомъ объединеніи литовско-русскихъ земель подъ властью одного князя. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется бóльшая часть смутъ. Мы видѣли, что издавна, уже въ XII стол., если не ранѣе, пролагалась дорога взаимному, болѣе тѣсному ознакомленію Литвы и Руси, а потомъ и сближенію. Само собою разумѣется, *литовскія* народныя *массы*, постоянно остававшіяся на родинѣ, были тронуты сравнительно меньше этимъ движеніемъ. Онѣ видѣли только русскихъ плѣнниковъ и колонистовъ. Начало русской колонизаціи въ литовскихъ земляхъ относится къ довольно раннему времени. Къ сожалѣнію, В. Б. Антоновичъ оставилъ ее безъ разсмотрѣнія, а равно тѣ связи русской народности съ литовскою, на которыя давно уже обращено вниманіе въ исторической литературѣ [1]). Главнымъ посредствующимъ звеномъ между Литвою и Русью служили литовскіе князья, имѣвшіе владѣнія на Руси, и ихъ дружинники. Каково было взаимное отношеніе народныхъ массъ, можно видѣть изъ разсказа галицко-волынской лѣтописи о поведеніи Литвы, которую привелъ однажды на помощь своему отцу Романъ Даниловичъ, княжившій въ литовскихъ областяхъ, уступленныхъ ему Воишелкомъ. Романъ опоздалъ ко взятію города Возвягля, и литовскій отрядъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что уже не было чего грабить, началъ опустошать окрестности Луцка и былъ избитъ русскими, при чемъ лѣтопись называетъ литовцевъ „погаными“ [2]). Эти дикіе инстинкты были довольно долго присущи литовцамъ. Въ XIV стол. литовцы, явившіеся въ Польшу по поводу бракосочетанія короля Казиміра съ дочерью Гедемина [3]), опустошили страну на двадцать миль въ окружности [4]).

[1]) Одной изъ первыхъ попытокъ выясненія ихъ была книга Боричевскаго: „Православіе и русская народность въ Литвѣ“, Спб. 1851, въ которой принято на вѣру немало апокрифическихъ извѣстій.

[2]) Ип., 556.

[3]) Пишемъ такъ это имя примѣнительно къ той формѣ, въ которой оно встрѣчается въ актахъ, современныхъ Гедемину.

[4]) Script. rer. Prussic., II Bd., s. 6, Anm.

Вообще литовцы не отличались мягкостью нравовъ, жесткость которыхъ видна изъ разсказовъ о дѣяніяхъ князей, о которыхъ дошли до насъ извѣстія, начиная съ Миндове и оканчивая Кейстутомъ и Свидригайломъ: источники постоянно говорятъ объ убійствахъ. Въ тотъ вѣкъ религіозное различіе имѣло огромное значеніе, и, конечно, Литва и Русь не могли питать большаго взаимнаго сочувствія. Связь Литвы и Руси была въ теченіи долгаго времени преимущественно административная, какъ и основаніе литовско-русскихъ княжествъ было дѣломъ умной политики предводителей литовскихъ дружинъ. Дружины и ихъ вожди видѣли прямой интересъ въ созиданіи такихъ княжествъ и въ разширеніи ихъ предѣловъ. Не то должно сказать о народныхъ массахъ, изъ которыхъ слагалось литовско-русское государство. Ихъ можно подвести подъ три главныя этнографическія группы: Русь, Литву и Жмудь; что касается ятвяговъ, то они весьма скоро сошли со сцены послѣ испытанныхъ отовсюду пораженій. Эти три группы выступаютъ и въ позднѣйшемъ титулѣ великихъ князей литовскихъ. Изъ этихъ народностей Литва и Жмудь въ особенности долго не сознавали результатовъ, къ какимъ могло привести политическое единеніе съ Русью. Что же касается русскихъ, то послѣдніе съ видимымъ сочувствіемъ принимали литовскихъ князей, надѣясь достигнуть тѣмъ мира и безопасности: укажемъ на признаніе Довмонта полоцкимъ княземъ. Литовцы и жмудины, оставшіеся на мѣстѣ—внѣ княжескихъ дружинъ, пребывавшихъ на Руси,—думали только о самозащитѣ противъ нѣмцевъ и о сохраненіи своей старой народной вольности и, не сознавая всей пользы централизаціи [1]), готовы были стоять противъ князей, пріобрѣтавшихъ значительныя владѣнія и, слѣдовательно, имѣвшихъ достаточно силы для стѣсненія старой народной свободы. Болѣе другихъ областей упорствовала въ стремленіи къ сохраненію своей особности Жмудь, граничившая непосредственно съ заклятымъ врагомъ всего литовскаго племени—нѣмецкимъ орденомъ. Вѣчная борьба съ нѣмцами за независимость развила въ жмудинахъ въ высокой степени національное чувство, любовь къ роднымъ установленіемъ

---

[1]) Народныя массы признавали только необходимость единенія во время опасности. Такъ, къ ятвягамъ приходили на помощь пруссы и борты.

и отвращеніе ко всякаго рода нововведеніямъ, которыя казались посягательствомъ на народную свободу. Жмудь была областью, гдѣ въ наиболѣе чистомъ видѣ держалось литовское народное начало и куда русскій элементъ проникалъ въ слабой степени вслѣдствіе того, что это была самая западная окраина литовско-русскаго государства. При Гедеминѣ, когда въ другихъ земляхъ феодализмъ достигъ прочнаго господства, въ Жмуди знать не имѣла особенныхъ правъ въ сравненіи съ народомъ. Жмудь упорно держалась старины и не желала быть подъ властью христіанъ еще въ концѣ XIV стол., когда жмудины заявили Ягайлу, что будутъ за Кейстута, если только Ягайло останется христіаниномъ. При введеніи католицизма въ Литвѣ, жмудины оказались весьма неподатливыми и не перестали думать о своей самостоятельности еще и въ половинѣ XV-го столѣтія [1]). Да и въ послѣдующее время эта провинція польско-русско-литовскаго государства болѣе другихъ устояла противъ вліянія польскихъ порядковъ, и послѣдніе привились въ ней сравнительно слабѣе. Лучшій представитель языческой Литвы, Кейстутъ, и теперь еще живетъ въ народныхъ преданіяхъ Жмуди [2]). Не понимая хитрой политики Миндове, который, уступая нѣмцамъ мало по малу права на всѣ земли, занятыя литовскими народностями [3]), думалъ только одурачить орденъ и въ тоже время раздуть сильнѣйшую ненависть къ нему въ литовскихъ племенахъ, жмудины не взлюбили централизаціоннаго начала, которое—казалось имъ—готово было жертвовать народною свободою. Нѣмецкая лѣтопись (Reimchr.) нѣсколько разъ отмѣчаетъ то, что Жмуди была крайне непріятна дружба Миндове съ нѣмцами.—Въ силу всего этого во второй половинѣ XIII-го стол. литовскія народныя массы, среди борьбы князей, *бывшей главною пружиною событій*, поддерживали, когда представлялся къ тому случай, только одно изъ двухъ параллельныхъ движеній, имѣвшихъ мѣсто въ литовско-русскихъ областяхъ того времени: онѣ стояли по временамъ за предводителей дружинъ, стремившихся къ

---

[1]) Стадницкій, Bracia Władysława—Jagiełły, стр. 296.

[2]) Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów skreślona przez Ludwika z Pokiewa, Wilno 1854, стр. 47, примѣч.

[3]) Ph. Schwartz, Kurland im dreizehnten Jahrh., s. 88—90. В. Б. Антоновичъ, стр. 29—31.

отчужденію отдѣльныхъ областей и не могшихъ быть опасными по своей силѣ, и мало заботились о поддержаніи обширнаго литовско-русскаго государства, идея котораго была еще нова для литовскаго народа, не привыкшаго къ жизни въ большомъ политическомъ организмѣ [1]). Литовскія народныя массы оказывали иногда поддержку *князьямъ*, работавшимъ для разрушенія государственнаго сплоченія, противъ князей, старавшихся водворить единовластіе, но при этомъ литовскому народу было мало дѣла до русскихъ земель, и если въ то время еще не было значительнаго сближенія литовской и русской народностей, то не было и вражды изъ-за преобладанія. Не было и жестокой племенной вражды. Послѣ Романа русскіе уже не помышляли о завоеваніяхъ въ самой Литвѣ. Даніилъ стремился преимущественно къ подчиненію своей власти Полѣсья, т. е. земли ятвяговъ, и Черной Руси, въ которой однако не замѣчаемъ особаго тяготѣнія къ Галичу и Волыни. Преемники же Даніила вовсе не предпринимали завоевательныхъ походовъ. Въ Литвѣ было много враговъ зарождавшагося объединенія,—гораздо болѣе, чѣмъ ихъ было въ русскихъ земляхъ, не противившихся основанію литовско-русскаго государства, но это не приводило къ *борьбѣ народностей*.

Изъ источниковъ видно, что реакція со стороны литовскихъ народныхъ массъ и—главнымъ образомъ—со стороны мелкихъ князей направлялась противъ общей власти великаго князя безотносительно къ тому, на сторону какой народности и культуры (русской или литовской) онъ склонялся. Такъ было при Миндове, такъ было и при Воишелкѣ и слѣдовавшихъ за нимъ князьяхъ. Жмудь готова была стоять противъ Миндове, когда онъ не обнаруживалъ еще ни малѣйшаго намѣренія принять крещеніе [2]). Очевидно, ей не нравилось стремленіе Миндове къ единовластію, и одинъ изъ жмудскихъ князей, Тренята, родственникъ Миндове, задумалъ воспользоваться этимъ настроеніемъ народа для своихъ личныхъ цѣлей. Онъ принялъ на себя роль

---

[1]) Повидимому, еще въ XIV стол. это государство вызывало неудовольствіе въ массахъ коренной Литвы. Въ Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae (Script. rer. Pruss. II, 78) читаемъ: „Hoc tempore (т. е. въ 50-хъ годахъ XIV стол.) Letwini de Stripeyke, Opythen, Mezevilte, Austeyten volebant se a Lethowia transferre; sed refutati per magistrum.“

[2]) Ип., 541.

защитника жмудскаго народа противъ нѣмцевъ и, по словамъ нѣмецкихъ извѣстій, былъ отправляемъ Жмудью къ Миндове, чтобы отклонить его отъ союза съ нѣмцами. Миндове пересталъ, наконецъ, лицемѣрить, отрекся отъ принятаго крещенія и, по сообщенію нѣмецкихъ источниковъ, сталъ преслѣдовать христіанъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ нѣмцевъ [1]), русскіе помогали ему. Ясно, что гоненію подверглись только католики [2]). Въ концѣ концовъ, Миндове, несмотря на то, что порвалъ связи съ христіанами, былъ убитъ: новое доказательство того, что противники его имѣли въ виду не мнимую благосклонность Миндове къ христіанству, но руководствовались чисто своекорыстными побужденіями; о борьбѣ съ Русью, о подавленіи послѣдней они не думали [3]). Изъ разсказа лѣтописей о послѣдовавшей затѣмъ распрѣ убійцъ Миндове изъ-за оставшагося послѣ Миндове наслѣдія не видно, чтобы партіи Треняты и Товтивила состояли исключительно изъ людей одной какой-нибудь народности. Далѣе, Воишелкъ представляется въ нашихъ лѣтописяхъ ревностнымъ поборникомъ русскаго просвѣщенія и, очевидно, долженъ былъ стоять во главѣ русской партіи, если только таковая существовала, какъ политическая партія, противопоставлявшая себя національной литовской

---

[1]) Script. rer. Pruss. II, s. 42, 3. Anm.

[2]) Ненависть вызывало не православіе, но католицизмъ. Въ одной изъ грамотъ Миндове говоритъ: ut fine laudabili valeat consumari. quod in nobis est inchoatum. *Fideique rebelles et turbatores regni nostri* manu potenti reprimere valeamus. necessarium nobis vidimus. Magistri et fratrum auxilium." Очевидно, что противъ Миндове враждовали за принятіе *католицизма*, какъ знамени заклятыхъ враговъ Литвы—нѣмцевъ; Миндове требовалъ помощи противъ nostros *ac Fidei inimicos*.

[3]) Въ спискѣ лѣтописи, посящемъ имя Ивана Черноризца (мы пользовались имъ въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ: Ms. № 2126) 6771 (стр. 143) г. о смерти Миндове говорится такъ: „Быⷭ҇ мѧтежъ влиⷮвѣ, и *всташа сами на сѧ* и ꙋбиша книⷥ҇ великого Меньдовта, *свои сродничы* тогоⷤ҇ лѣта *раⷥпрьвши* ꙋбоици Миндовговиы ѡ *товарꙋ* еⷮ҇ и оубиша кнѧзѧ полотскаго Товтовила... и *просяче* ꙋ половчаⷩ҇ сн҃а товтовилова ꙋбити, ѡнъ же бѣжа вноⷡ҇гороⷣ҇ зⷡ҇ороⷣ҇ своиⷨ҇". Тоже читаемъ и въ лѣтописи Новгор. I (П. С. Р. Л., т. III, 58), гдѣ прибавлено, что Миндове убили „свои *родици, свѣщавшеся отаи всѣхъ*".

партіи [1]). Почему же Литва не поднялась противъ него, какъ скоро онъ выступилъ мстителемъ за смерть отца? Повидимому, Воишелкъ имѣлъ сторонниковъ и въ собственной Литвѣ, которые послали за нимъ на Русь послѣ убіенія Миндове [2]). Въ большинствѣ лѣтописей не встрѣчаемъ извѣстій о борьбѣ Воишелка съ Литвою вообще, а только объ избіеніи имъ враговъ, которыхъ, сколько можно судить по разсказу источниковъ, было не слишкомъ много [3]); въ числѣ ихъ былъ убитъ и забѣжавшій изъ Рязани русскій князь Остафій Константиновичъ [4]). По словамъ нашей лѣтописи, „Литва же вся прияша и съ радостію своего господичица". Литовцы присягнули Воишелку по языческому обычаю, и онъ принялъ предводительство надъ ними противъ нѣмцевъ [5]).

Такимъ образомъ, нѣкоторые изъ литовскихъ князей могли болѣе или менѣе поддаваться русской культурѣ, обнаруживать къ ней болѣе

---

[1]) Въ Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae Воишелкъ названъ прямо Rutenus. Script. rer. Pruss. II, 45.

[2]) Ibid., 2 Anmerk. Ср. ниже извѣстіе Новгор. I лѣтописи о вояхъ Миндове и пріятеляхъ.

[3]) Въ упомянутомъ спискѣ лѣтописи (Ms. Zakładu Narodowego Imienia Ossolińskich we Lwowie № 2126, стр. 142) говорится слѣдующее о Воишелкѣ подъ 6773 г.: „соима ссебѧ ризꙋ свою и на г҃. лѣта, и ѡбѣщася Бг҃ꙋ, како приıати ризꙋ свою, а ꙋстава мнишьскаго не ѿстꙋпатисѧ и совокꙋпь ѡколо себѧ вой многь, и ѿц҃а своѥ приıатели, и помолисѧ хр҃тꙋ и шє на поганою литву, и побѣди ıа и иссѣче". Извѣстіе Новгор. лѣт. о мести Воишелка (П. С. Р. Л. III, 58) принадлежитъ не очевидцу и должно быть отвергнуто въ нѣкоторыхъ подробностяхъ по сравненію съ другими лѣтописями: у южнаго лѣтописца нетерпимость замѣтна въ меньшей степени. Въ Monumenta Poloniae, III, Lwów 1878, p. 133, читаемъ: „Anno domini 1264 Mendog rex Lythwanie a Thrognath nepote suo *dolose* (обратимъ вниманіе на это выраженіе: очевидно, открытаго возстанія не было противъ Миндове) cum filiis suis occiditur. Quod nefas Woysalk, filius regis Mendok, existens monachus Russie, egrediens de claustro regicidam Thrognath cum aliis ducibus, ulciscens patris mortem, occidit."

[4]) Ип., 569.

[5]) Script. rer. Pruss. II, 45. Перечень свидѣтельствъ источниковъ о Войшелкѣ см. на стр. 303 монографіи Sjögren'a объ ятвягахъ.

или менѣе симпатіи, но не это было причиною междоусобій. Во второй половинѣ XIII в. не замѣчаемъ никакихъ возстаній русскаго люда въ земляхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, а равно не видно стремленій русской народности опереться, въ противовѣсъ утѣсненіямъ со стороны Литвы, на южную или сѣверо-восточную Русь, что́ было въ XV в. До конца XIV стол. въ литовско-русскихъ областяхъ не было ничего подобнаго. При Ольгердѣ, напр., язычество мирно уживалось въ Литвѣ съ христіанствомъ, и нѣтъ слѣдовъ попытокъ достигнуть преобладанія со стороны какого-нибудь начала, не видно насильственной пропаганды. Это признаетъ самъ г. Антоновичъ, указывая (стр. 101) на то, что „...реакція въ княженіе Ольгерда не вспыхнула и мы не находимъ даже слѣда раздора между двумя народностями, населявшими великое княжество...“ Вообще религіозныя различія не приводили ко взаимной ненависти, какъ не вызывали ея и племенныя. До конца XIV стол. въ Литвѣ не было борьбы народностей, и въ этой характеристической чертѣ литовско-русской исторіи и должно искать объясненія образованія литовско-русскаго государства и быстраго развитія его. Въ особенности много значила готовность литовскихъ вождей идти въ сдѣлку съ русской культурой и дѣлать ей уступки. Воишелкъ представилъ собою въ высшей степени яркій и не единственный примѣръ такой податливости литовскихъ князей.

Если допустить все только что сказанное, то едва ли можно будетъ принять безъ ограниченія утвержденіе г. Антоновича, что „послѣ смерти Шварна Даниловича въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ преобладаетъ литовское начало“ (стр. 35). *Всѣ* братья Тройдена представляются въ лѣтописи кроткими христіанами, да и нелестные эпитеты, которыми она надѣляетъ Тройдена, сами по себѣ мало значатъ и объясняются или неудовольствіемъ лѣтописца на то, что Тройденъ не принялъ христіанства, какъ его братья, или мѣстною точкою зрѣнія [1]): новгородскія лѣтописи на-

---

[1]) Что при Тройденѣ не было отчужденія литовской и русской народностей, свидѣтельствуетъ, между проч., разсказъ Дусбурга о пребываніи нѣкоторое время на Руси Скомонда, знаменитаго вождя Судовитовъ. Dusburg I, 143. Н. И. Костомаровъ неправильно относилъ это извѣстіе къ языческой Руси (Современникъ 1860, № 1, стр. 10—11).

зываютъ Ольгерда *зловѣрнымъ, безбожнымъ, лъстивымъ*, а какъ извѣстно, онъ не былъ гонителемъ русской народности. Въ повѣсти о Довмонтѣ жена Герденя называется Евпраксіею, значитъ—была христіанкой. Съ ограниченіями, кажется намъ, можно допустить „устраненіе Литвы отъ русской жизни“ (стр. 35). Ослабѣли, главнымъ образомъ, связи Литвы съ юго-западною Русью, чтó и понятно послѣ убіенія Воишелка Львомъ Даниловичемъ и при враждебности послѣдняго; но литовскіе князья, правившіе въ русскихъ земляхъ, подчинившихся Литвѣ, поддавались русскому вліянію и признавали права русской народности. Такъ, въ грамотѣ Герденя читаемъ: „Руськая земля словетъ Полочьская“. Дружественныя сношенія Литвы съ сосѣдями—христіанами не прерывались. Сохранились извѣстія о брачныхъ связяхъ [1]). Даже Льву помогали иногда литовцы [2]).

Равнымъ образомъ не слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, принимать въ слишкомъ большихъ размѣрахъ „стремленіе областей къ обособленію и пріобрѣтенію многими изъ нихъ независимости по отношенію къ власти великаго князя“. При Герденѣ, Полоцкая и Витебская земли признавали верховную власть Воишелка [3]). Обособленіе полоцкой земли могло произойдти потомъ. Что же касается переуступки верховныхъ правъ на Полоцкъ Рижской церкви (Антоновичъ, стр. 50), то ее могъ сдѣлать еще Товтивилъ, который, какъ извѣстно, крестился въ Ригѣ [4]). Извѣстіе галицко-волынской лѣтописи о самостоятельномъ

---

[1]) Такъ, одинъ изъ мазовецкихъ князей, которые вообще дружили съ Литвою, Болеславъ Сомовитовичъ, былъ женатъ на литовкѣ, и ея вліянію должно приписать имя одного изъ сыновей отъ этого брака: „Boleslaus autem de Lithuana Gaudemunda, devotissima domina, genuit Troydenum...“ *Monum. Pol.* III, 47. О краковскомъ епископѣ Павлѣ Полуцкомъ читаемъ: „hic eciam cum Lithvanis connubia miscuit, ut forcius resisteret suis aduersariis, quos plures habebat propter sua facinora.“ *Ibid.*, 363.

[2]) Monum. Pol. III, 50, 181.

[3]) См. упоминаніе о послѣднемъ въ документѣ XXV[b] в. Русско-Ливонскихъ актовъ и стр. 26 тамъ же.

[4]) Интересныя данныя для исторіи отношеній Полоцка къ Ригѣ въ то время находятся въ грамотѣ полоцкаго епископа Якова къ рижанамъ. См. о ней замѣчаніе г. Васильевскаго въ ст. его „Письма Гедимина и католическое посольство въ Вильнѣ“. *Виленскій Вѣстникъ* 1869, № 63.

будто-бы князѣ въ собственной Литвѣ—Буркивидѣ [1]—ничего не значитъ, такъ какъ и при Миндове держались отдѣльные мелкіе князья, да и въ послѣдующее время встрѣчаемъ ихъ, когда централизація сдѣлала замѣтные успѣхи. Упоминанія о такихъ князьяхъ могутъ свидѣтельствовать только о феодальномъ строѣ. И въ разсматриваемый періодъ находимъ упоминанія о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ всей Литвы и Жмуди. Такъ, въ галицко-волынской лѣтописи говорится: „Ходиша *Литва вся* и *Жемоть вся* на нѣмцѣ къ Ризи“ [2]). Вообще, по нашему мнѣнію, не было особеннаго ослабленія Литвы послѣ смерти Миндове. Тройдену принадлежали изъ русскихъ земель „отъ Копыля Полѣсье“, Турійскъ, Волковыйскъ, Слонимъ, Гродно [3]). При Миндове Турійскъ не входилъ еще въ составъ литовскихъ владѣній [4]); значитъ, границы литовскихъ земель съ этой стороны нѣсколько раздвинулись послѣ его смерти. Къ этому времени относится упоминаніе въ галицко-волынской лѣтописи о литовской „рати великой“ [5]). Отъ натиска крестоносцевъ пруссы и борты бѣжали къ Тройдену и были поселены въ Гроднѣ и Слонимѣ; этимъ литовская колонизація подвинулась въ русскіе предѣлы [6]). Жемгала посылала иногда взятыхъ плѣнныхъ въ Литву. Литва продолжала, такимъ образомъ, быть защитницею общихъ интересовъ литовскаго племени, и роль ея въ этомъ отношеніи уже вполнѣ опредѣлилась. Подчиненіе крестоносцами пруссовъ и жемгалы было результомъ предшествовавшей давно тянувшейся борьбы и, конечно, не могло быть предотвращено теперь Литвою. Гибель же ятвяговъ и безучастность къ тому Литвы объясняются упорствомъ ятвяговъ и нежеланіемъ примкнуть къ Литвѣ, отъ которой, впрочемъ, отдѣляла ихъ значительная

---

[1]) Будикида, о которомъ говоритъ галицко-волынская лѣтопись подъ 1289 г., кажется, слѣдуетъ признать жмудскимъ княземъ Butegejde. Къ такому отождествленію склонялся и Даниловичъ: Skarbiec, I, 125, пр. 1.

[2]) Ип., 590.

[3]) Ип., 576, 578, 579.

[4]) Ип., 544.

[5]) Ип., 580.

[6]) О поселеніяхъ въ Литвѣ и Жмуди другихъ литовскихъ племенъ см. цитированную ст. Ярошевича въ „Pismo zbiorowe wileńskie“, стр. 108—109. Dusburg, pp. 132 и прим., 136, 145, 146.

разность [1]). Ятвяговъ не пытался защищать уже Миндове,—вѣроятно вслѣдствіе того, что они поддерживали реакцію. Ятвяги помогали русскимъ за серебро противъ Литвы [2]) и вообще готовы были стоять противъ нея [3]) и потомъ сами же пострадали отъ нѣмцевъ, русскихъ и поляковъ: Даніилъ, въ соединеніи съ поляками, нанесъ имъ жестокіе удары, послѣ которыхъ они не могли оправиться. Уже при Миндове ятвяги изъявляли готовность принять крещеніе и поступить подъ власть одного изъ польскихъ князей (Ленчицкаго и Куявскаго), если только можно вѣрить словамъ его [4]). Послѣ Миндове ятвяги, повидимому, были въ союзѣ съ литовцами [5]), но это сознаніе ими своей ошибки явилось поздно на помощь имъ. Что касается Литвы и Жмуди въ разсматриваемый періодъ, то тамъ нѣмцы не имѣли успѣховъ и, при вторженіяхъ, терпѣли пораженія.

Намъ кажется поэтому через-чуръ темнымъ освѣщеніе, которое придалъ В. Б. Антоновичъ картинѣ литовско-русскихъ земель въ періодъ отъ убіенія Миндове до княженія Витена.

Въ концѣ XIII стол. въ Литвѣ стала княжить новая династія [6]), „окончательно установившая и упрочившая литовско-русское государство и расширившая его предѣлы до значительныхъ размѣровъ“ (стр. 39), и со времени ея вокняженія В. Б. Антоновичъ полагаетъ второй періодъ въ исторіи литовско-русскаго государства.

По мнѣнію г. Антоновича, княженіе Витеня и Гедемина ознаменовалось поворотомъ во внутреннемъ строѣ великаго княжества литов-

---

[1]) Матвѣй изъ Мѣхова, писатель XVI в., говоритъ: „Lithuani et Samogitae proprium linguagium sortiti sunt, aliud a Jaczwingis“.

[2]) Ип., 541.

[3]) Ип., 544.

[4]) Theiner, Vet. monum. Pol. et. Lithuaniae, I, № CX.

[5]) Dusburg, pp. 137, 141.

[6]) *Новымъ* можно назвать этотъ родъ въ томъ смыслѣ, что онъ не занималъ прежде великокняжескаго стола; тѣмъ не менѣе, члены этого рода могли *княжить* и до того времени; онъ могъ принадлежать къ мелкимъ княжескимъ родамъ, которыхъ было такъ много въ Литвѣ. Интересно, что Гедеминъ говоритъ въ своей грамотѣ о progenitores. Что касается вопроса объ отношеніи Гедемина къ Витену, то указаніе относительно того, есть, между прочимъ, и въ надгробной надписи Софіи изъ рода Олельковичей, гдѣ Олелько названъ Gedymini pronepos, Viteni abnepos. Впервые родство Гедемина и Витена выяснилъ г. Bonnell въ „Russisch—liwländische Chronographie“.

скаго и усвоеніемъ имъ болѣе культурныхъ формъ быта (стр. 42). Г. Антоновичъ обращаетъ вниманіе на „замѣтное усиленіе и усовершенствованіе строя литовскихъ военныхъ силъ".

Въ этомъ отношеніи литовцы обнаружили замѣчательно быстрые успѣхи уже въ XIII стол. Подъ 1234 г. [1]) встрѣчаемъ упоминаніе объ „оружіи и щитахъ" литовцевъ, подъ 1262 г. упоминаются „конѣ и во сѣдлѣхъ, щиты, сулицѣ, шеломы" [2]). Уже при Миндове у литовцевъ были въ употребленіи окопы; Даніилъ Галицкій говорилъ своимъ воинамъ: „крестьяномъ пространство есть крѣпость, поганымъ же есть тѣснота (окопъ): деряждье есть обычай на брань" [3]). При осадѣ нѣмецкихъ крѣпостей литовцы устраивали иногда укрѣпленные лагери. Объ одномъ принадлежавшемъ литовцамъ городѣ галицко-волынская лѣтопись сообщаетъ [4]): „столпъ бѣ каменъ высокъ стоя передъ высоты города"; при этомъ упоминаются „забрала". Въ Новгородкѣ былъ „дѣтинецъ" и „околный городъ" [5]). Не только при Витенѣ и Гедеминѣ, но и при Миндове на границѣ разставлялись сторожа, которые должны были подавать вѣсть о приближеніи непріятеля [6]). Уже при Миндове со стороны Ливонскаго ордена въ Куроніи были сооружены бурги [7]). Одною изъ грамотъ Миндове уступилъ нѣмецкому ордену нѣсколько мѣстностей, которыя въ папской грамотѣ названы „castra seu munitiones et eorum villae" [8]).—Наносились литовцами и пораженія непріятелямъ. Такъ, въ 1236 г. Ливонцы были совершенно разбиты, и при этомъ палъ магистръ Вольквинъ. Crinota (Тренята) выступилъ однажды съ войскомъ въ 21000 человѣкъ, по другимъ извѣстіямъ съ 30000 [9]). Упомянемъ, далѣе, о неудачѣ, которую потерпѣли нѣмцы при Дурбе. Подъ 1270 г. нѣмецкія лѣтописи сообщаютъ объ убіеніи литовцами преслѣдовавшаго ихъ магистра, 52 братьевъ и 600 другихъ

---

[1]) Лѣт. по Акад. сп., стр. 486.
[2]) Ип., 567.
[3]) Ип., 539.
[4]) Ип., 579—подъ 1277 г.
[5]) Ип., 576.
[6]) Ип., 543.
[7]) Script. rer. Prussic. II, 44.
[8]) Грамота Иннокентія IV отъ 23 мая 1254.
[9]) Sjögren, s. 302.

христіанскихъ витязей. Въ 1277 г. литовцы совершили жестокій набѣгъ [1]), а въ 1294 нанесли жестокое пораженіе полякамъ [2]).—Въ 1289 г. Витень нападалъ съ 8000 конницы, имя его упоминается и раньше. Нѣмцы рано должны были повліять на литовцевъ въ военномъ дѣлѣ; при Миндове нѣкоторое время они находились въ литовскихъ рядахъ. Впрочемъ, еще и въ половинѣ XIV столѣтія литовцы отличались своимъ вооруженіемъ; по одному извѣстію, они любили сражаться *lanceis*, между тѣмъ какъ русскіе выступали съ луками и стрѣлами.

Во всякомъ случаѣ, княженіе Гедемина начинаетъ собою новую эпоху литовско-русской исторіи. Самымъ виднымъ фактомъ этого княженія было включеніе въ составъ литовско-русскаго государства огромнаго пространства русскихъ земель, чѣмъ надолго опредѣлились судьбы этого государства. Къ сожалѣнію, извѣстія о покореніи Литвою западно-русскихъ земель, или крайне скудны, или весьма искажены. В. Б. Антоновичъ подвергъ ихъ весьма тщательному критическому пересмотру.

Въ виду важности этого событія мы остановимся на немъ подробнѣе.

II.

По мнѣнію В. Б. Антоновича, „древнѣйшее владѣніе, пріобрѣтенное литовцами на Руси еще въ первой половинѣ XIII столѣтія и служившее основнымъ ядромъ, около котораго слагалось литовско-русское государство, составляла Черная Русь съ городами: Новгородкомъ, Здитовымъ, Гродномъ, Слонимомъ и Волковыскомъ“ (стр. 4). Къ сожалѣнію, въ достовѣрныхъ источникахъ не дошло до насъ никакого извѣстія о покореніи Литвою этого участка, и о завоеваніи его говоритъ только вторая литовская лѣтопись, сохранившаяся въ рукописи Быховца и познанской [3]). По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Смоленскъ должно признать первымъ русскимъ городомъ, противъ котораго устремились литовцы съ цѣлью захвата. Татарское нашествіе на Русь доставило имъ полную возможность завоеваній, ослабивъ русскія воен-

---

[1]) Monum. Pol. III, 176.

[2]) Strages maxima facta est in militibus per Lithuanos et dux Kazimirus, dux Lancicie occiditur per eosdem. Mon. Pol. III, 186.

[3]) В. Б. Антоновичъ, стр. 23.

ныя силы, тогда какъ силы литовцевъ остались нетронутыми, и послѣ 1250 г.[1]) Литва заняла Полоцкъ.

Ростъ литовско-русскаго государства нѣсколько замедлился послѣ смерти Миндове и обнаружился съ особенною силою въ правленіе Гедемина, истиннаго продолжателя начинаній Миндове. Въ промежуточное время между княженіями этихъ основателей литовско-русскаго государства также должны были происходить территоріальныя приращенія.

Говоря о занятіи литовцами Турово-Пинской земли, В. Б. Антоновичъ оставилъ въ сторонѣ находящееся въ Воскресенской лѣтописи извѣстіе о присоединеніи Видомъ къ Литвѣ Деревской земли, а Витеномъ—земель до Буга. Быть можетъ, В. Б. Антоновичъ обошелъ это извѣстіе по обычной своей осторожности, руководясь тѣмъ, что оно передано въ позднѣйшемъ источникѣ; тѣмъ не менѣе, оно заслуживаетъ вниманія [2]).

Относительно Витебска, присоединеннаго къ Литвѣ при Гедеминѣ, замѣтимъ, что онъ уже въ XIII столѣтіи тяготѣлъ къ литовскому князю, сидѣвшему въ Полоцкѣ.

В. Б. Антоновичъ, перечисливъ земли, дѣйствительно признававшія, по его мнѣнію, власть Гедемина, обращается къ разбору преданій о завоеваніи Гедеминомъ Волыни и Кіевской земли, которыя, по его словамъ, „присоединены были гораздо позже къ великому княжеству Литовскому“ (стр. 52).

Завоеваніе Волыни и Кіевскаго княжества было весьма важнымъ событіемъ въ исторіи литовско-русскаго государства. Несмотря на упадокъ Кіева въ XIV и послѣдующихъ столѣтіяхъ, онъ все еще не вполнѣ лишился своего давняго значенія, которое не могло быть такъ скоро забыто, и продолжалъ еще нѣкоторое время считаться религіознымъ центромъ Руси, хотя митрополія была перенесена на сѣверъ;

---

[1]) Ср. у Bonnell'я: Russisch-liwländische Chronographie, St.-Petersburg 1862, Commentar, s. 83.

[2]) Необходимо только примирить разногласіе источниковъ относительно именъ князей, правившихъ въ Литвѣ послѣ Тройдена. Несомнѣнно, что нѣкоторыя не одинаково переданныя имена относятся къ одному и тому-же лицу. Опыты соглашенія противорѣчій см. у Карамзина, Voigt'а, Даниловича (Skarbiec I, № 229) и въ Script. rer. Pruss. I, 146, Anm. 2.

не вполнѣ изгладилось изъ памяти народа и политическое его значеніе. Витовтъ выразился такъ однажды о Кіевѣ: „Kywen ein hepth ist von alders aller Russischen landen“ [1]). Присоединеніе Кіева къ Литвѣ должно было значительно усилить авторитетъ послѣдней въ глазахъ русской народности. Съ паденіемъ галицко-волынскаго княжества собираніемъ западно-русскихъ земель могла заняться исключительно Литва, между тѣмъ какъ до того времени она имѣла весьма сильныхъ соперниковъ въ лицѣ галицко-волынскихъ князей. Правда, Польша также заявила притязанія на ихъ наслѣдіе, но въ теченіи долгаго времени споръ шелъ только о западной Волыни и о Подольѣ. Вмѣстѣ съ Кіевомъ Литвѣ досталось огромное пространство приднѣпровскихъ земель, которыя, на ряду съ Волынью и Подольемъ, сдѣлались лучшими областями Литвы, какъ потомъ—Польши. Присоединеніе этихъ земель чрезвычайно усилило Литву и окончательно доставило перевѣсъ въ ней русскому началу. Ясно изъ этого, насколько важенъ вопросъ о времени и обстоятельствахъ подчиненія Литвою Волыни и Кіевскаго княжества. Вопросъ этотъ поднятъ въ исторической наукѣ не такъ давно, въ 40-хъ годахъ, въ извѣстной книгѣ Стадницкаго „Synowie Gedymina“. До того времени лишь повторяли въ продолженіи $2^1/_2$ столѣтій разсказъ, занесенный въ хронику Стрыйковскаго, не сомнѣваясь въ полной его достовѣрности. Стадницкій, не отрицая самого факта завоеванія южной Руси Гедеминомъ, не нашелъ возможнымъ согласиться съ поставленною у Стрыйковскаго датою и попытался установить время дѣйствительнаго присоединенія южной Руси къ Литвѣ. Съ тѣхъ поръ рѣшеніе вопроса почти вовсе не подвинулось до появленія „Очерка исторіи великаго княжества Литовскаго“ В. Б. Антоновича, и нельзя не поблагодарить автора этой книги за то, что онъ посвятилъ обстоятельный трактатъ извѣстіямъ объ этомъ событіи и подвергъ ихъ тщательному разсмотрѣнію. Разборъ разсказа о покореніи Гедеминомъ южной Руси привелъ В. Б. Антоновича къ отрицанію этого событія и къ отнесенію его въ позднѣйшее время.

В. Б. Антоновичъ превосходно доказалъ невѣроятность извѣстія объ одновременномъ завоеваніи Волыни и Кіева Гедеминомъ въ

---

[1]) Editionum collegii historici Acad. literarum Cracoviensis № 23. Codex epistolaris Vitoldi, collectus opera Antonii Prochaska, Cracoviae 1882, p. 780.

1319—21 гг. и освѣтилъ всю недостовѣрность этого разсказа, который нашелъ доступъ въ весьма многія ученыя изслѣдованія и учебники. Кромѣ того, замѣчаніемъ, что „событія въ повѣствованіи лѣтописи Быховца насильственно сведены лѣтописцемъ въ одну картину“ (стр. 63), В. Б. Антоновичъ проложилъ дорогу правильному и научно-критическому отношенію къ этому сказанію, а равно собралъ немало матерьяла для рѣшенія вопроса.

Послѣ труда г. Антоновича нѣкоторое разногласіе возможно на нашъ взглядъ только въ различеніи отдѣльныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ составлено сказаніе лѣтописи Быховца, и въ опредѣленіи источниковъ и цѣнности различныхъ частей этого сказанія, и мы позволимъ себѣ значительно отступить отъ мнѣнія г. Антоновича, что завоеваніе Кіева и вообще южной Руси вовсе не имѣло мѣста при Гедеминѣ (Г. Антоновичъ, какъ увидимъ, предполагаетъ, что Гедеминомъ была отнята только Подляхія). Въ виду того, что вопросъ все еще не можетъ считаться рѣшеннымъ, предложимъ нѣсколько гипотетическихъ соображеній.

О времени завоеванія Волыни Литвою мы подробнѣе поговоримъ въ иномъ мѣстѣ, а здѣсь ограничимся немногими замѣчаніями о томъ и перейдемъ къ разсказу о завоеваніи Кіева.

Извѣстіе о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ, безспорно, заключаетъ въ себѣ немало анахронизмовъ на первый взглядъ и не можетъ быть принято историческою наукою *въ томъ видѣ, въ какомъ занесено во вторую литовскую лѣтопись (Быховца) и въ хронику Стрыйковскаго*, но сущность этого извѣстія заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія, а равно и многія подробности. Слѣдуетъ только отнестись къ нему не какъ къ строгому документальному или лѣтописному свидѣтельству современника, а какъ къ позднѣйшей передачѣ и своду первоначальныхъ данныхъ. Раскраска скудныхъ извѣстій первоисточниковъ, произвольное сопоставленіе ихъ свидѣтельствъ и дополненіе по собственному усмотрѣнію были нерѣдки у польскихъ и литовско-русскихъ историковъ XV и XVI-го стол. Какъ извѣстно, Длугошъ и Стрыйковскій допустили немало подобныхъ погрѣшностей. Сказаніе о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ представляетъ именно такого рода распространеніе и произвольную обработку первоначально вполнѣ *достовѣрныхъ*, но относившихся къ *разновременнымъ* происшествіямъ извѣстій, и мы не находимъ возможнымъ отринуть вполнѣ это сказа-

ніе и не считаемъ вымышленными всѣ его подробности; не выдерживаетъ критики только общая комбинація.

Такъ какъ и Стрыйковскій, и Густынская лѣтопись, подробно говорящіе о завоеваніи Волыни и Кіева Гедеминомъ [1]), черпали изъ второй литовской лѣтописи (такъ наз. лѣтописи Быховца) (В. Б. Антоновичъ, стр. 53), то слѣдуетъ остановить вниманіе преимущественно на разборѣ разсказа этой послѣдней.

При оцѣнкѣ повѣствованія второй литовской лѣтописи прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что оно лишено опредѣленной даты, встрѣчающейся лишь у писавшаго позднѣе Стрыйковскаго. Лѣтопись эта сообщаетъ только, что война Гедемина съ южнорусскими князьями началась, когда онъ „вспокоилъ землю жомоитскую отъ нѣмцовъ". Очевидно, что изъ такого указанія не вполнѣ ясно время похода Гедемина: онъ могъ случиться сейчасъ послѣ примиренія съ нѣмцами, но могъ также произойдти позднѣе. Притомъ нападенія нѣмцевъ на Жмудь при Гедеминѣ возобновлялись нѣсколько разъ [2]). Отсутствіемъ точной даты отнимается извѣстная доля недостовѣрности, усвояемой сказанію лѣтописи Быховца, хотя съ другой стороны можно думать, что лѣтописатель умышленно не проставилъ даты, для чего—сейчасъ увидимъ. Такъ какъ годъ описываемыхъ во второй литовской лѣтописи событій не обозначенъ, то нѣтъ основанія отвергать разсказъ ея въ силу хронологической его несостоятельности, и возникаетъ вопросъ о времени этихъ событій.

Опредѣляя это время путемъ тщательнаго анализа подробностей разсказа и провѣряя частности посторонними данными, нельзя не признать, что отдѣльные эпизоды сказанія (не говоримъ: общій ходъ), которыхъ мы насчитываемъ четыре, находятъ, если только разсматривать ихъ въ отдѣльности, подтвержденіе въ достойныхъ вниманія свидѣтельствахъ Мы не признаемъ потому возможнымъ согласиться съ мнѣ-

---

[1]) Извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедеминомъ встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ русскихъ родословныхъ книгахъ.

[2]) Если исходнымъ пунктомъ сказанія лѣтописи Быховца было въ первоисточникѣ извѣстіе о завоеваніи Гедеминомъ Кіева, то можно допустить, что въ приведенныхъ словахъ разумѣлся рядъ нападеній нѣмцевъ на Жмудь въ 30-хъ годахъ XIV-го столѣтія.

ніемъ В. Б. Антоновича, что „подробности, которыми изобилуетъ этотъ разсказъ,... частью вымышлены, частью-же состоятъ изъ набора лицъ и событій, заимствованныхъ на протяженіи почти двухъ столѣтій“ (стр. 59). Весьма многія, даже мелкія подробности могутъ быть приняты послѣ провѣрки.

Начнемъ съ разсказа о столкновеніи Гедемина съ Волынскими князьями. Вторая литовская лѣтопись говоритъ, что ранѣе другихъ войнъ Гедемина съ южнорусскими князьями произошла стычка его съ Владимірскимъ княземъ: „и пошелъ на князи Русскія, и приде напередъ къ городу Володиміру“, князь котораго назывался также Владиміромъ. Самъ В. Б. Антоновичъ допускаетъ, что „несомнѣнно въ началѣ своего княженія Гедеминъ велъ войну съ Галицко-Володимірскими князьями“, что „Подляхія вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго“, и самъ готовъ признать нѣкоторую долю достовѣрности за этой частью повѣствованія лѣтописи Быховца (стр. 64—65). Защищая ее, мы имѣемъ, слѣдовательно, опору уже въ столь авторитетномъ мнѣніи автора „Очерка исторіи великаго княжества литовскаго“. Мы рѣшаемся пойдти дальше по проложенной имъ дорогѣ и расширить количество данныхъ, которыя могутъ быть признаны достовѣрными. Не раздѣляя мнѣнія В. Б. Антоновича о томъ, что „послѣдній князь Волынскій, носившій имя Владиміра, былъ внукъ Даніила Романовича—Владиміръ Васильковичъ“, который „не могъ принимать участія въ войнѣ противъ Гедымина“ (стр. 59—60), я сошлюсь, вслѣдъ за гг. Стадницкимъ и Шараневичемъ, на факты, свидѣтельствующіе, что въ первой четверти XIV-го вѣка былъ во Владимірѣ-Волынскомъ князь, носившій имя Владиміра [1]). В. Б. Антоновичу были извѣстны эти факты, и онъ, по поводу догадки Стадницкаго, что „князь Владиміръ (по лѣтописи Быховца) вѣроятно тоже лице, что и Андрей Юрьевичъ, кото-

---

[1]) Въ дополненіе къ указаніямъ этихъ ученыхъ обратимъ вниманіе еще на одно упоминаніе о князѣ Владимірѣ первой четверти XIV-го в.: Стрыйковскій называетъ такъ Владимірскаго князя, отца Любартовой жены. Интересно далѣе, что князь Владиміръ упомянутъ Стрыйковскимъ въ извѣстіи о покореніи Литвою пинскихъ земель (Stryjkowski, I, 381—382). Ясно, что это имя встрѣчалось не только въ разсказѣ лѣтописи Быховца о покореніи Литвою Волыни и Кіева, но и въ другихъ источникахъ.

рый могъ носить, по обычаю того времени, два имени: мірское и церковное", [1]) замѣчаетъ: „предположеніе это устраняется уже на томъ основаніи, что оба имени: Владиміръ и Андрей—церковныя, а не мірскія" (стр. 60, примѣч. 1). Мы позволимъ себѣ указать на то, что церковное имя Владиміра I—было Василій, а Владиміра Васильковича—Іоаннъ [2]), какъ назывался и одинъ изъ незаконныхъ сыновей послѣдняго галицкаго князя изъ дома Ростиславичей [3]). Точно также и одинъ изъ Владимірскихъ князей первой четверти XIV-го в. могъ имѣть двойное имя. Мы только не беремся рѣшать, о комъ это должно сказать, о Юріи ли I, какъ думаетъ г. Шараневичъ [4]), или объ Андреѣ Юрьевичѣ, какъ думаетъ г. Стадницкій; отдаемъ, впрочемъ, предпочтеніе послѣднему предположенію. Помимо того обстоятельства, что Владиміръ, по лѣтописи Быховца, княжилъ одновременно съ Львомъ Луцкимъ, [5]) обратимъ вниманіе на то, что Гедеминъ, по этой лѣтописи, не завоевывалъ Берестья и другихъ лежавшихъ сѣвернѣе Владиміра городовъ, а пошелъ прямо ко Владиміру. Съ этимъ согласуются приведенное выше извѣстіе Воскресенской лѣтописи о присоединеніи Берестья и Черной Руси къ Литвѣ уже при Витенѣ, извѣстіе, переданное Стрыйковскимъ, о томъ, что Левъ Луцкій пытался отнять Берестье и Дрогичинъ у Гедемина, и сообщеніе Равданской рукописи о томъ, что, въ концѣ 1315 г., когда умеръ Витенъ, Гедеминъ находился въ походѣ противъ русскихъ князей [6]). Мы

---

[1]) Ср. у Зубрицкаго: Исторія древняго галическо-русскаго княж., III, 250.

[2]) Жена Владиміра Васильковича причитывала надъ нимъ: „воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеніи Иванъ" (Ип., 604).

[3]) Одинъ изъ сыновей Владиміра Ярославича Галицкаго назывался Іоанномъ Владиміромъ. Theiner, Vetera monumenta historica, Hung. sacram illustrantia, I, № 16, p. 9.

[4]) Ист. Гал.-Волод. Руси, стр. 128, прим. 3.

[5]) Андрей Юрьевичъ *Владиміро-Волынскій* также княжилъ одновременно съ Львомъ. См. грамоту его 1320 г.

[6]) Narbutt, Dzieje nar. lit., t. IV, 466. Свѣдѣнія о Равданской рукописи Нарбуттъ сообщилъ въ 1-мъ томѣ на стр. 159. О той-же войнѣ въ концѣ 1315 г. и въ началѣ 1316 г. Нарбуттъ упоминаетъ на стр. 469, предполагая, что она была вызвана территоріальнымъ расширеніемъ Литвы съ юга насчетъ русскихъ областей.

даже готовы признать вѣроятнымъ самый фактъ гибели Владимірскаго князя въ этой борьбѣ: какъ извѣстно, въ 1324 г. ни Владимірскаго князя, ни Льва Луцкаго уже не было въ живыхъ [1]). Эта хронологическая дата не противорѣчитъ сказанію 2-й лит. лѣтописи о томъ, что война Гедемина съ волынскими князьями случилась вскорѣ послѣ улаженія отношеній къ нѣмцамъ. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, нельзя отвергать подробности разсказа лѣтописи Быховца о войнѣ Гедемина съ Владимірскимъ княземъ. Вымысломъ должно признать лишь выставленный 2-ю лит. лѣтописью результатъ этой войны, т. е. подчиненіе Гедеминомъ Владиміра-Волынскаго тотчасъ послѣ этого пораженія Владимірскаго князя, правившаго не позднѣе 1324 г. Присоединеніе Владиміра къ Литвѣ произошло, какъ это неопровержимо доказываютъ выдвинутые В. Б. Антоновичемъ факты, только 20 лѣтъ спустя. Тогда также не обошлось, по всей вѣроятности, безъ борьбы, [2]) и вотъ, быть можетъ, въ силу этой аналогіи и слито было болѣе раннее извѣстіе о походѣ Гедемина на Владиміръ съ извѣстіемъ о полномъ подчиненіи этого города, относившимся къ послѣднему году княженія Гедемина, къ каковому должно пріурочить занятіе Литвою Владиміра-Волынскаго. На первый-же разъ дѣло окончилось полнымъ присоединеніемъ къ Литвѣ Берестья и окрестныхъ земель, несомнѣнно послѣ смерти Андрея и Льва уже не принадлежавшихъ преемнику ихъ, Юрію II-му, который, какъ мы скажемъ о томъ въ иномъ мѣстѣ, былъ не кто иной, какъ пресловутый Болеславъ Тройденовичъ Мазовецкій [3]). О томъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, грамота

---

[1]) До сихъ поръ указываютъ мѣсто погребенія этого Владиміра. См. „Труды Вол. губ. статистич. комитета на 1867 г.“, „Историческій очеркъ Волыни“, стр. 53, примѣч.

[2]) Мы не находимъ возможнымъ принять извѣстіе 1-й литовской лѣтописи, изданной Даниловичемъ, о томъ, что Волынская земля перешла къ Любарту Гедеминовичу въ качествѣ наслѣдія по смерти тестя его Владимірскаго князя, и что „слѣд., она не была завоевана Гедеминомъ“ (Б. В. Антоновичъ, стр. 52). Мы считаемъ это извѣстіе тенденціознымъ, если только усвоять ему тотъ смыслъ, какой придаютъ ему, и доказательства представимъ въ изготовленной нами къ печати монографіи по исторіи южной Руси во второй половинѣ XIII-го стол. и въ первой XIV-го.

[3]) Что Берестье и Черная Русь не принадлежали къ Галичу и Во-

его 1339 г., давно изданная, но доселѣ остававшаяся неизвѣстною русскимъ изслѣдователямъ.

Разсказавъ о столкновеніи Гедемина съ Владимірскимъ княземъ, 2-я литовская лѣтопись сообщаетъ затѣмъ о борьбѣ его съ княземъ Луцкимъ—Львомъ. Этотъ второй отдѣлъ сказанія лѣтописи Быховца можетъ быть обоснованъ не менѣе перваго. Личность князя Льва Луцкаго въ первой четверти XIV-го в., а равно отдѣльность въ то время Луцка отъ Владиміра-Волынскаго не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію; это признаетъ и В. Б. Антоновичъ. У Стрыйковскаго есть заимствованное не изъ лѣтописи Быховца, а изъ какого-то другаго источника, извѣстіе о войнѣ этого князя съ Литвою за Подляхію. Вполнѣ правдоподобнымъ является фактъ борьбы этого князя въ отдѣльности отъ Владимірскаго князя. Мы думаемъ лишь, что Левъ Луцкій погибъ, если только это случилось во время войны съ Литвою [1]), ранѣе борьбы Гедемина съ Владимірскимъ княземъ: повидимому, Льва Луцкаго не было въ живыхъ уже въ 1320 г., отъ каковаго года имѣется грамота, писанная отъ имени одного Андрея, между тѣмъ какъ въ грамотѣ 1316 г. поименованы оба князя. Притомъ 2-я литовская лѣтопись, говоря о походѣ Гедемина ко Владиміру-Волынскому, не упоминаетъ о покореніи Подляхіи, что должно было, такимъ образомъ, совершиться раньше. Во всякомъ случаѣ, достойно вниманія, что сама литовско-русская лѣтопись отдѣляетъ войну Гедемина съ Луцкимъ княземъ отъ войны его съ Владиміро-Волынскимъ.

Переходимъ къ извѣстію лѣтописи Быховца о покореніи Гедеминомъ Житомира и Овруча. По словамъ этой лѣтописи, округъ назван-

---

лыни при Юріи II-мъ, доказываетъ грамота послѣдняго, въ которой перечислены воеводы, сидѣвшіе въ главныхъ городахъ галицко-волынской земли: Берестейскій воевода не названъ въ ней.

[1]) По сказанію литовско-русской лѣтописи, Луцкій князь былъ убитъ позднѣе—во время движенія Гедемина къ Кіеву. В. Б. Антоновичъ не придаетъ (стр. 60), повидимому, значенія извѣстію этой лѣтописи о гибели Владимірскаго и Луцкаго князей въ битвахъ съ Литвою, ссылаясь на письмо современника этихъ князей—польскаго короля къ папѣ, въ которомъ говорится, что они „decesserunt ex hac luce". Но эти слова неопредѣленны и не даютъ яснаго понятія о причинѣ смерти лицъ, къ которымъ относятся.

ныхъ городовъ принадлежалъ къ кіевскому княжеству и былъ занятъ Гедеминомъ предъ завоеваніемъ Кіева.—В. Б. Антоновичъ, обвиняя литовско-русскую лѣтопись въ топографическихъ анахронизмахъ, говоритъ: „города кіевской области названы въ разсказѣ этой лѣтописи сообразно съ ихъ позднѣйшимъ значеніемъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ“. Житомиръ и Овручъ В. Б. Антоновичъ причисляетъ къ тѣмъ городамъ, въ „которыхъ существовали „господарскіе замки“ и которые служили центрами управленія „повѣтовъ“ только со времени Витовта“ (стр. 61—62), и этимъ какъ-бы хочетъ сказать, что извѣстіе о подчиненіи этихъ городовъ въ качествѣ важнѣйшихъ пунктовъ кіевской земли при Гедеминѣ должно считать вымысломъ.

Что касается Житомира, то есть полное право думать, что онъ и до Витовта былъ уже значительнымъ городомъ. Онъ является въ числѣ городовъ, названныхъ Свидригайломъ въ запискѣ, сообщенной нѣмецкому ордену, а въ ней упомянуты главнѣйшіе города литовской Руси. Житомиръ оказывается въ числѣ значительнѣйшихъ городовъ Литвы и въ грамотѣ Казиміра IV 1441 г. Въ половинѣ XV-го стол. онъ велъ торговлю съ Данцигомъ [1]). Естественно, что онъ не могъ такъ возрасти въ нѣсколько лѣтъ [2]).

Равнымъ образомъ и Овручъ могъ пользоваться значеніемъ виднаго земскаго центра не только при Витовтѣ, но и во времена Гедемина. Подъ 1202 г. Овручъ упомянутъ въ лѣтописи по кенигсбергскому списку [3]), какъ городъ кіевскаго княжества. Насколько можно судить на основаніи Любечскаго помянника, въ Овручѣ сидѣли послѣ татарскаго нашествія князья черниговской вѣтви [4]); такъ какъ нѣкоторые изъ князей этого дома правили по временамъ и въ Кіевѣ послѣ татарскаго нашествія, то можно думать, что Овручъ причислялся къ

---

[1]) *Hirsch*, Danzigs Handels- und Gewerbegeschichte, Leipzig 1858, s. 175.

[2]) Нѣкоторые предполагаютъ, что Житомиръ существовалъ уже во время татарскаго нашествія (см. „Волынскія Губ. Вѣд.“ 1847, ст. „Житоміръ“), но едвали это можно доказать.

[3]) Спб. 1767, стр. 297.

[4]) Во время, непосредственно слѣдовавшее за татарскимъ погромомъ, извѣстіе объ Овручѣ встрѣчается подъ 1259 г.: Ип. 559. Предшествующее упоминаніе, кажется, у Татищева подъ 1219 г.: III, 425.

кіевскому княжеству. Грамоты Владиміра Ольгердовича и Александра Владиміровича также указываютъ на то, что въ составъ кіевскаго княжества татарскаго періода входили, между прочимъ, теперешніе уѣзды Житомирскій и Радомысльскій [1]). Изъ записи сына Владиміра Ольгердовича, Василія Владиміровича, видно, что Овручъ принадлежалъ къ его удѣлу [2]).

Точно также мы находимъ возможнымъ принять извѣстіе 2-й литовской лѣтописи и относительно другихъ городовъ, которые будто-бы принадлежали къ кіевскому княжеству при Гедеминѣ, пользовались виднымъ значеніемъ въ этомъ княжествѣ въ качествѣ кіевскихъ пригородовъ [3]) и были покорены Гедеминомъ.

Едвали слѣдуетъ думать, что Бѣлгородъ и Вышгородъ заимствованы авторомъ лѣтописи Быховца изъ старыхъ русскихъ лѣтописей и что въ XIV стол. они уже не были кіевскими пригородами и находились въ упадкѣ съ XIII-го стол. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о Вышгородѣ подъ 1214 г. [4]), а Лаврентьевскій списокъ называетъ Бѣлгородскаго епископа подъ 1231 г. [5]) Тѣже пункты являются *кіевскими городами* въ извѣстномъ географическомъ отрывкѣ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись, гдѣ говорится: „А се грады кіевскіе: ..... Каневъ...Переяславль. Русскій... Бѣлгородокъ. Вышегородъ, Мирославицъ, Тмутораканъ, Остреческый“ [6]). Этотъ отрывокъ, доселѣ еще не вполнѣ объясненный, былъ относимъ Ходаковскимъ ко времени Витовта; мы думаемъ, что онъ написанъ послѣ смерти Витовта и заключаетъ, быть можетъ, разнообразныя вставки; во всякомъ случаѣ, изъ него явствуетъ, что Бѣлгородъ и Вышгородъ заимствованы 2-ю литовскою лѣтописью не изъ древне-русской лѣтописи, и что они въ мо-

---

[1]) *Rulikowski*, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warsz. 1853, стр. 33—35.

[2]) *Антоновичъ и Козловскій*, Грамоты великихъ князей литовскихъ, Кіевъ 1868, стр. 74.

[3]) О „пригородкахъ“ лѣтопись Быховца говоритъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 56 по изд. Нарбутта.

[4]) Никон. II, 317.

[5]) Лѣт. по сп. Лаврент., стр. 434.

[6]) П. С. Р. Л. VII, 240—241. Поправки текста у Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ“, № XL (Приложеніе къ XI-му т. Зап. Ак. Н., № 2, стр. 98—99).

ментъ составленія географическаго отрывка еще не были деревнями. Въ грамотѣ вел. кн. Александра кіевскимъ мѣщанамъ (1494 г.) говорится: „А Вышегородскаго и Чернобыльскаго и Бѣлогородскаго и Глевацкаго мыта имъ не платити". Долго держалось и самое названіе пригородовъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ упоминаемый ниже ярлыкъ Менгли-Гирея [1]).

Въ приведенныхъ нами словахъ географическаго отрывка Воскресенской лѣтописи названы кіевскими городами почти всѣ пункты, упомянутые 2-ю литовскою лѣтописью въ разсказѣ о завоеваніи Кіева. Но кромѣ этого свидѣтельства въ защиту литовско-русской лѣтописи можно найдти и другія данныя. Сообщаемъ, что́ намъ удалось подыскать.

Не станемъ распространяться о Каневѣ, о которомъ послѣ татарскаго нашествія упоминаетъ Плано-Карпини. Что касается Черкасъ, то преданіе объ основаніи этого города, существовавшее будтобы у приднѣпровскаго населенія въ XVI стол. [2]), и въ которомъ, по мнѣнію В. Б. Антоновича, вмѣсто имени Гедемина должно поставить имя Витовта, не можетъ быть выдвигаемо противъ лѣтописи Быховца, такъ какъ нельзя приписать ему безусловной вѣрности: вѣдь смѣшало оно Витовта съ Гедеминомъ, усвоивъ послѣднему и основаніе Канева. Преданіе половины XV в., которымъ, по словамъ В. Б. Антоновича (стр. 63), воспользовался составитель 2-й литовской лѣтописи, еще не могло смѣшивать Витовта съ Гедеминомъ и существовать въ томъ видѣ, въ какомъ передавалось въ XVI в., да и не было надобности составителю литовско-русской лѣтописи знать это преданіе для включенія Черкасъ въ число городовъ Кіевской земли, признавшихъ власть Гедемина. Притомъ, судя по словамъ Папроцкаго, что „Черкасы основалъ какой-то Остафій", у черкассцевъ въ концѣ XVI стол. было какое-то

---

[1]) Тотъ-же терминъ пригородовъ встрѣчается и въ русской лѣтописи, въ разсказѣ ея о событіяхъ XV-го стол. У селъ были *приселки*. См., напр., Грамоты великихъ кн. лит., собр. и изд. подъ ред. В. Б. Антоновича и К. Козловскаго, К. 1868, стр. 2.

[2]) Ср. слова Стрыйковскаго объ Ольгердѣ: „Torgowicę, Białą—cérkiew, Swinogród, i wszystkie pola aż za Oczaków do Kijowa, i od Putywla aż do ujścia Donu (Litwa) wolne uczynili od tatarów... i wyploszyli ich aż do Wołgi".

особенное преданіе [1]), а въ метрику литовскую занесено каневское преданіе. Въ началѣ XVII стол. исчезла и память, когда были основаны Черкасы [2]). Этотъ городъ не могъ быть построенъ Витовтомъ который засталъ его, покоряя кіевскую землю [3]). Черкасы являются въ ярлыкѣ, которымъ Хаджи-Гирей уступалъ Витовту свои права на Подолье, какъ то можно видѣть изъ цитаты самого В. Б. Антоновича (стр. 150, примѣч.), но основаніе ихъ восходитъ къ болѣе раннему времени [4]), и городъ Черкасы могъ существовать въ концѣ первой половины XIV в. По словамъ ревизіи каневскаго замка 1552 г., Черкасы были воздвигнуты Гедеминомъ *одновременно съ Каневомъ*, а такъ какъ Каневъ возникъ раньше, то не слѣдуетъ ли истолковать преданіе половины XVI стол. такъ, что, по смыслу его, Гедеминъ только возобновилъ Черкасы, которые были разрушены? Черкасы, какъ народъ, упомянуты въ Троицкой лѣтописи въ половинѣ XIV в. рядомъ съ Фрязами (Генуэзцами и Венеціанцами), жившими на сѣверномъ Черноморскомъ побережьи. Замѣчательно, что, по словамъ Михалона Литвина, въ Крыму въ его время были указываемы „quidam *Gedimin* ac Vitoldani valles, colli, putei, pontes, viae, fossae et moenia etc.“ Оказывается, что преданіе о походѣ Гедемина въ приднѣпровье было широко распространено въ XVI столѣтіи.

---

[1]) Оно не могло относиться къ Остафію Дашкевичу, жившему въ первой половинѣ XVI в., потому что была-бы названа фамилія послѣдняго: онъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ.

[2]) См. цитату изъ рукоп. Спб. Имп. Публ. Библ. у г. Кулиша въ І-мъ т. его „Исторіи возсоединенія Руси“.

[3]) Лѣтопись, изданная Даниловичемъ, упоминаетъ о Черкасахъ въ разсказѣ о борьбѣ Витовта съ Владиміромъ Ольгердовичемъ.

[4]) *Брунъ*, Черноморье, ч. I, Одесса 1879, стр. 117. Статья Руликовскаго о Черкасахъ въ „Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich, wydany pod redakcyą F. Sulimirskiego, B. Chlebowskiego, W. Walewskiego“, t. I, (Warsz. 1880), str. 803-804. Ср. „Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи“, стр. 50. Въ числѣ татарскихъ данниковъ у Ruysbroek'a названы Cherkisii: равнымъ образомъ о нихъ упоминаетъ Benedictus Polonus, спутникъ Плано-Карпини. У кавказскихъ черкесовъ сохранилось преданіе, что предки ихъ обитали нѣкогда въ Крыму. Городъ Czirkassy встрѣчаемъ въ перечнѣ городовъ, принадлежавшихъ Свидригайлу.

О Переяславлѣ встрѣчаемъ упоминаніе послѣ татарскаго погрома у Плано-Карпини и въ галицко-волынской лѣтописи. Что къ Кіеву могли принадлежать волости на лѣвой сторонѣ Днѣпра и послѣ татарскаго нашествія и что къ нему и тогда тянули, по старой памяти, нѣкоторыя лѣвобережныя земли, это становится вѣроятнымъ въ виду нѣсколькихъ отрывочныхъ фактовъ и прежде всего—разсказа о смерти Скиргайла. Владѣлъ землями за Днѣпромъ и Владиміръ Ольгердовичъ, если считать подлинною грамоту его, польскій переводъ которой напечатанъ Руликовскимъ въ „Opis powiatu Wasylkowskiego" [1]). На основаніи грамоты Семена Александровича [2]) можно, кажется, думать, что къ Кіеву причислялась Прилука. Разсказъ половины XVI-го в., приведенный В. Б. Антоновичемъ (стр. 63), также указываетъ на то, что связь правобережнаго населенія съ Заднѣпровьемъ не была порвана и въ преданіи. Въ концѣ XVI стол. кіевская область также простиралась за Днѣпръ [3]).

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Слѣповродѣ, упомянутомъ во 2-й литовской лѣтописи. Повидимому, существовало населенное мѣсто такого названія. Оно встрѣчается въ перечнѣ городовъ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись, въ числѣ кіевскихъ городовъ: „а на Сꙋлѣ Снипорѡ̑" (по тексту Срезневскаго). Ярлыкъ Менгли-Гирея 1506 г., перечисляя земли, которыя будто-бы были пожалованы ханомъ великому князю литовскому, говоритъ: „ино почении отъ Кіева, и Днѣпромъ и до устья, и *Снепорожъ* и Глинескъ *со всими ихъ людьми*, Жолважъ, Путивль зъ землями и зъ водами..." [4])

---

[1]) Стр. 33.

[2]) *Антоновичъ* и *Козловскій*, Грамоты и пр., стр. 20.

[3]) Въ брошюрѣ *Верещинскаго:* „Publika Xiędza Wereszczyńskiego z Wereszczyna z łaski Bożey Biskupa Kiiowskiego i Opata Sieciechowskiego.... W Krakowie Roku Pańskiego 1594" (въ концѣ 50-хъ годовъ эта брошюра была перепечатана въ Краковѣ; мы пользовались оригинальнымъ изданіемъ, принадлежащимъ краковской Ягеллонской библіотекѣ) говорится о великомъ князѣ Московскомъ: „ważył się zamek zbudować w własnym gruncie Biskupstwa Kijowskiego nazwiskiem Kuropiem ábo ráczey z wieku názwánym ná Horodyszczu Murowieyskim od Ostrzá zamku J. K. M. Ukráinnego iedno we dwu mil á od Kijowá, we trzynaście mil gdzie iuż y Miásto niemałe osadza się zbiegi..." (str. 3).

[4]) *Акты Зап. Россіи, II*, 4. Замѣчательно, что и въ приведенномъ

Что касается бѣгства кіевскаго князя въ Брянскъ, то этотъ фактъ, повидимому, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго [1]).

Мы разсмотрѣли повѣствованіе лѣтописи Быховца о завоеваніи кіевской земли Гедеминомъ съ историко-географической точки зрѣнія. Попытаемся теперь провѣрить основной фактъ, передаваемый этимъ повѣствованіемъ, т. е. самое завоеваніе.

Не можетъ быть спора о завоеваніи Гедеминомъ Житомира и Овруча, такъ какъ нѣтъ никакихъ постороннихъ извѣстій ни за, ни противъ. Мы, съ своей стороны, готовы считать не невѣроятнымъ это завоеваніе въ силу того, что, съ занятіемъ Турово-Пинской земли, Литвѣ не трудно было овладѣть и Деревскою землею, которая не принадлежала къ сильному галицко-волынскому княжеству. По свидѣтельству Плано-Карпини, литовцы дѣлали постоянные набѣги на кіевскую территорію уже въ половинѣ XIII-го столѣтія.

Не такъ съ завоеваніемъ Кіева Гедеминомъ. Указываютъ, въ противовѣсъ литовско-русской лѣтописи, на то, что въ 1331 г. въ Кіевѣ сидѣлъ князь Ѳеодоръ, независимо отъ Литвы, и что Кіевомъ онъ владѣлъ еще въ 1362 г., когда Кіевъ былъ отнятъ у него Ольгердомъ, по словамъ Густынской лѣтописи. Тогда-то, по мнѣнію В. Б. Антоновича, и произошло присоединеніе Кіева къ Литвѣ.

Намъ кажется, что показаніе Густынской лѣтописи не можетъ опровергнуть возможности болѣе ранняго завоеванія Кіева Литвою, о чемъ также говоритъ Густынская лѣтопись.

Какъ признаетъ это самъ В. Б. Антоновичъ, Густынская лѣтопись не говоритъ о *завоеваніи* Кіева въ 1362 г., она говоритъ только о *смѣщеніи* въ этомъ году князя Ѳеодора (стр. 151). Правда, она тутъ же замѣчаетъ, что Ольгердъ началъ владѣть тѣми, которымъ отцы его дань давали, но эти слова могли указывать на полное под-

---

В. Б. Антоновичемъ каневскомъ преданіи XVI в., занесенномъ въ литовскую метрику, говорится о *Снепородцахъ*, которые такъ названы по имени Снепорода. Это преданіе приводитъ Снепородцевъ въ связь съ позднѣйшимъ населеніемъ кіевской земли. О названіи Слѣпородъ см. въ III-мъ выпускѣ монографій А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“ (Варшава, 1881, стр. 68 и сл.). О Снопородѣ въ до-татарскій періодъ см. въ ст. г. Ламбина въ Ж. М. Н. Пр. 1877, № 5, стр. 61.

[1]) Болоховская земля, стр. 38.

чиненіе Кіева съ этого времени; притомъ они сильно напоминаютъ подобную же фразу польскихъ историковъ, напр.—Длугоша. Если наше толкованіе извѣстія Густынской лѣтописи справедливо, то до 1362 г. Θеодоръ могъ княжить въ Кіевѣ какъ подручникъ великаго князя литовскаго.

Трудно допустить *завоеваніе* [1]) Кіева литовцами впервые въ 1362 г. Намъ кажется сомнительною хронологическая дата, выставленная Густынскою лѣтописью. Годы 1360—62 прошли въ усиленной борьбѣ литовцевъ съ нѣмцами. Въ 1362 г. Литва долженствовала въ особенности напрягать свои силы для самозащиты, потому что въ этомъ году былъ предпринятъ цѣлый рядъ нападеній со стороны нѣмцевъ: нѣмецкія лѣтописи насчитываютъ четыре похода. Есть указаніе на то, что вмѣстѣ съ Кейстутомъ выступалъ противъ нѣмцевъ въ это время и Ольгердъ [2]). Въ 1363—64 гг. продолжались военныя дѣйствія рыцарей противъ Литвы [3]). Заставляютъ заподозрить справедливость даты Густынской лѣтописи и другіе факты. Котлубегъ, который, согласно лѣтописи, былъ разбитъ въ этомъ году Ольгердомъ, умеръ предъ 1359 г. [4]) В. Б. Антоновичъ ссылается на документъ 1362 г., по которому Кутлубуга былъ начальникомъ Крымской области (стр. 149, прим. 3). [5]) Послѣднее обстоятельство, если только Кутлубуга этого документа тождественъ съ названнымъ въ литовскихъ лѣтописяхъ, подтверждаетъ наше сомнѣніе, указывая на то, что въ это время часть татаръ была уже вытѣснена изъ Подолья въ Крымъ. Наконецъ, въ документѣ, изготовленномъ въ 1367 г. со стороны нѣмецкаго ордена, Владиміръ Ольгердовичъ является представителемъ своего отца: значитъ, онъ не былъ еще въ Кіевѣ, или же не жилъ въ немъ постоянно. Всѣмъ этимъ мы не отрицаемъ вполнѣ событія,

---

[1]) В. Б. Антоновичъ утверждаетъ (стр. 150—151), что Кіевъ былъ занятъ „безъ борьбы" вслѣдствіе предварительнаго разбитія татаръ на Подольѣ, и, такимъ образомъ, допускаетъ завоеваніе, хотя и непрямое.

[2]) Script. rer. Prussicar., II, 81—82, 533, 537.

[3]) Ibid., 84.

[4]) *Шараневичъ*, Ист., 187.

[5]) Объ этомъ Кутлубугѣ и Кутлубугѣ, который выступаетъ въ актахъ конца XIV-го стол., см. у Бруна: Черноморье, I, 224—225; II, 145.—Подъ 1277 г. въ Ипатскомъ спискѣ также упоминается Котлубуга. Повидимому, имя это было довольно распространено у татаръ.

переданнаго Густынскою лѣтописью, мы стоимъ только противъ толкованія его въ смыслѣ *завоеванія*, встрѣчая хронологическія затрудненія, какъ и завоеваніе Подолья относимъ къ болѣе раннему времени, о чемъ рѣчь впереди. Всѣ трудности исчезнутъ, если предположить въ 1362 г. не завоеваніе Подолья и Кіева, а лишь смѣщеніе Өеодора. Извѣстіе Густынской лѣтописи будетъ согласоваться тогда съ другимъ извѣстіемъ, на которое мы хотимъ обратить вниманіе читателей вслѣдъ за Стадницкимъ.

Принимая къ свѣдѣнію показаніе Густынской лѣтописи, сообщающей о Кіевѣ противорѣчащія нерѣдко и весьма сомнительныя извѣстія, каковыхъ, впрочемъ, въ ней вообще немало [1]), не слѣдуетъ оставлять безъ разсмотрѣнія упоминаніе о завоеваніи Кіева, сохранившееся въ такъ называемой Кіево-Печерской рукописи XVII стол. [2]): „*В лѣто*

---

[1]) Напр., она утверждаетъ, что Кіевъ принадлежалъ одно время Калитѣ. П. С. Р. Л. II, 348.

[2]) Такъ обозначена эта рукопись Стадницкимъ въ Syn. Ged. t. II, Lwów 1853, стр. 26 и прим. 45. Бѣлёвскій сопровождаетъ выписку, приведенную изъ нея, такою цитатой: „*Rękopism meżyhorski*, str. 104" (Bibl. Ossol. poczet nowy, t. III, Lwów 1863, str. 361, nota), что́ правильнѣе. На верхней доскѣ пергам. переплета этого манускрипта вытиснута золотомъ надпись: „Лѣтописи Волыни и Оукра́ины". Рукопись представляетъ собою сборникъ нѣсколькихъ лѣтописей, заключающихъ въ себѣ рядъ извѣстій, нигдѣ доселѣ не встрѣчавшихся. По всей вѣроятности, одну изъ этихъ лѣтописей имѣлъ въ виду Стадницкій, говоря о неизданной Кіевской лѣтописи (Olgierd i Kiejstut, str. 157, прим.) Въ половинѣ прошлаго столѣтія рукопись поступила въ книгохранилище Львовскаго Юрьевскаго монастыря. Въ настоящемъ столѣтіи она, какъ намъ передавали, принадлежала Свято-Онуфріевскому Базиліанскому монастырю во Львовѣ, откуда была взята извѣстнымъ польскимъ ученымъ Бѣлёвскимъ (ср. Стадницкаго Synowie Gedymina, t. II, Lwów 1853, str. 26) и, вмѣстѣ съ другими манускриптами Бѣлёвскаго, поступила послѣ его смерти въ библіотеку Института Оссолинскихъ во Львовѣ, директоромъ котораго былъ Бѣлёвскій въ послѣдніе годы своей жизни. Въ „Русалкѣ Днѣстровой" (Будимъ, 1837) помѣщено (на стр. 122—129) описаніе манускриптовъ монастыря св. Василія Вел. во Львовѣ, составленное Я. Θ. Головацкимъ, но тамъ нашъ сборникъ уже не значится, а равно мы не встрѣтили упоминанія о немъ у Дудика (Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien, Wien 1867). Въ рукописномъ каталогѣ манускриптовъ Института Оссолинскихъ Межигорская рукопись значится

҂ѕ.ѡма. Гедими кнїа литовски, повсталъ на князя кїевского Станислава и побѣди его з рускимъ и татарски воско на рѣкою Ирпѣню, и прогнавши татаръ Кїевъ в свою власть взя [1]).

подъ № 2168. Въ бытность нашу во Львовѣ осенью 1879 г. мы не успѣли разсмотрѣть эту рукопись, не предполагая по разсказу о ней, что она могла быть занесена въ каталогъ подъ тѣмъ названіемъ, съ какимъ тамъ значится, и ознакомились съ ея содержаніемъ лишь въ маѣ 1880 года благодаря В. Б. Антоновичу, сообщившему номеръ ея по каталогу, за что долгомъ считаемъ выразить нашу искреннюю признательность В. Б. Антоновичу. На ту же рукопись указалъ г. Шараневичъ въ 1880 году: „Pamiętnik pierwszego zjazdu historycznego polskiego imienia Jana Długosza, Kraków 1881“, str. 38. Подробное описаніе Межигорской рукописи, составленное В. Б. Антоновичемъ, а равно одна изъ статей ея уже явились въ іюльской книжкѣ „Кіевской Старины“ 1882 г. (стр. 97—105).

[1]) Тоже извѣстіе встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Межигорской рукописи. На стр. 72, въ отдѣлѣ „Ѿ Литвѣ“, послѣ разсказа объ Эрдивилѣ, говорится: „По смерти за того Ердивила князя, потомки его почали шире панство свое в землѣ руской розширяти, которы посполу из сѣвером и с Кїевомъ, волынем и подолемъ и иными панствы ѡдержали. Въ року за ҂ѧтм Гедими кня литовски повсталъ на князя кїевского Станислава, и побѣди его зъ кїевски и татарскимъ воскомъ на рѣкою Ирпѣню, и Кїевъ въ свою влаc взялъ, и застава Кїевъ под литовскою влаcю ажъ до князя литовского ягела которы поты зосталъ королем Поски, а ѿтол под королевскою влас Кїевъ ажъ до Гетмана Хмелницкого зосталъ“. — На стр. 80-й, между прочимъ, говорится: „В лѣто ѕ҂ѡмѳ. Умеръ кня литовски Гедиминъ, которы выгна татаръ с Кїева, и Кїевъ взя во свою влас, а поне сѣлъ сйъ его ѡлгердъ въ литвѣ. — На стр. 90, упомянувъ о завоеваніи Кіева Гедеминомъ, лѣтопись продолжаетъ: „Поты Гедими кня литовски выгна татаръ съ Кїева, и владѣли Кїевом князи литовскїи. Которы Гедими бы въ лѣто ҂ѕѡми а поне Ягело кро полски подалъ Кіевъ и всю землю малоросиску по кролевство Поское, а ѿ того часу королѣ поскїи владѣли Кїевомъ до Гетмана Хмелницкого. — А о батїя, до Гедимина, бы Кїевъ под влаcїю татарскою, лѣтъ сто. А ѿ Гедимина былъ Кіевъ подъ властію Литовскою...“ Внизу на полѣ припи-

Несомнѣнно, что *подобное* же, если не тоже самое, извѣстіе положено въ основу сказанія 2-й литовской лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедеминомъ: какъ въ лѣтописи, такъ и въ Межигорской рукописи встрѣчаемъ одинаковыя подробности: князя Станислава, битву при Ирпени. Лѣтопись Быховца передаетъ исторію покоренія Кіева только подроб-

---

сано: „ѿ Гедимина до кролевства Іаге̑лова по̑ вла̑ю литовскою бы̑ Кіевъ лѣтъ й̃.“—На стр. 11-й говорится о Кіевѣ: „и стоꙗла таꙗ мона̑хїа и кнꙗженіе ажъ до царꙗ татарского Батїꙗ лѣ̑ т҃ос, а татарове владѣли Кіевомъ лѣтъ сто, ажъ до кнꙗзіа литовского Гедимина коли ѿпановалъ Кіевъ Гедиминъ року ҂ат҃мл“.—Такимъ образомъ, извѣстіе о завоеваніи Кіева Гедеминомъ повторяется нѣсколько разъ въ Межигорской рукописи съ небольшими разницами въ хронологическихъ датахъ. Повидимому, оно уцѣлѣло не въ одной только этой рукописи. Въ концѣ ея на оставшихся двухъ чистыхъ листкахъ Бѣлёвскимъ написано:

Do str. 104

Na tey stronicy mówi rocznikarz: „W leto 6841 (1333 p. Chr.) Gedymin.. wział.“

Do ztwierdzenia tego zdarzenia posłużyć może następujący szczegół zaciągniony w roczniku przy tłumaczeniu polskiem Nestora znajdnjącym się na str. 32 (w moim odpisie str. 68)

„Anno 1333. Albracht Gastoldus Palatinus Vilnensis fundavit arcem et monasterium inter Kijoviam et Czernichoviam super fluvium Ostr extra Boristhenem et Desnam, fluvios in bonis suis hereditariis (sic), et tradidit villas: Wypołczow, Philipowszczyzna, Jestaminka, Krochajew, Bodenkowicze, Zuwin, Czerwin, Zowłyńszczyzna, Prorokowszczyzna, et circa monasterium ac arcem oppidum Ostr, ac stagna, in Czerwin stagnum ex Boristhene toni dwie, in Chodenkowicze stagnum ex Desna, toni dwie, in Krochajew stagnum ex Desna tonia jedna, in Jalmunka stagnum ex Desna toni dwie, et stagnum civitatense ex Desna tonia jedna. Cum vero illud cum arce monasterium subverterent Tartari, non est amplius reddificatum: unde Sigismundus Augustus arcem solam reddificavit et primum Capitaneum Ostrensem Constantinum Ratomski instituit“.

Gastold był istotnie hetmanem Gedymina, jak to widać z kroniki Bychowca (wyd. Narbutta str. 14)...“

Стрыйковскій считаетъ родоначальникомъ Гаштольдовъ Skoldon'a, котораго онъ называетъ Stoldonem, упоминаемаго лѣтописями подъ 1313 г.

нѣе. Нельзя думать, что извѣстіе Межигорской рукописи заимствовано изъ литовско-русской лѣтописи: не говоря о томъ, что въ Кіево-Печерской рукописи оно сопровождается хронологическою датою, какой нѣтъ въ лѣтописи, оно исполнено въ послѣдней амплификацій, не встрѣчающихся въ Межигорскомъ манускриптѣ. Съ другой стороны, повѣствованіе Межигорской рукописи не заключаетъ въ себѣ никакой несообразности, между тѣмъ какъ въ сказаніи литовско-русской лѣтописи есть нѣсколько очевидныхъ искаженій и анахронизмовъ. Остается допустить, что литовско-русская лѣтопись и Межигорскій манускриптъ черпали изъ одного источника, такъ какъ въ противномъ случаѣ будетъ непонятно совпаденіе частностей въ обоихъ извѣстіяхъ. Притомъ, отрицая тотъ фактъ, что въ основу сказанія 2-й литовской лѣтописи о завоеваніи Кіева было положено извѣстіе въ родѣ сохраненнаго Межигорскимъ манускриптомъ, трудно будетъ объяснить возникновеніе этого сказанія.

Весь вопросъ о времени присоединенія Кіева къ Литвѣ сводится, такимъ образомъ, къ провѣркѣ факта, сообщеннаго въ Межигорской рукописи. Выдумывать его не было никакой подобности и интереса въ періодъ, предшествовавшій 1569 г., такъ какъ до того времени изъ-за Кіева не было споровъ у Литвы съ Польшею [1]), а еслибы и происходили они, то для рѣшенія ихъ было безразлично, былъ-ли покоренъ Кіевъ Гедеминомъ или Ольгердомъ. Послѣ Люблинской уніи извѣстіе о завоеваніи Кіева, переданное Межигорскою рукописью, не могло быть измышлено [2]). По всей вѣроятности, оно заимствовано ею, какъ и нѣкоторыя другія указанія, сохраненныя исключительно ею, изъ болѣе древняго манускрипта. Легенда о завоеваніи Кіева Гедеминомъ не могла быть выдумана и ради большаго возвеличенія этого князя: въ Межигорскомъ манускриптѣ она стоитъ особнякомъ. Сообщенію этой рукописи противорѣчитъ, повидимому, извѣстіе русскихъ лѣтописей о томъ, что въ 30-хъ годахъ XIV-го стол. въ Кіевѣ княжилъ не Станиславъ, а Ѳеодоръ, но это противорѣчіе не имѣетъ слишкомъ серьезнаго

---

[1]) Ср. у *Максимовича*: Собраніе сочиненій, т. I, Кіевъ 1876, стр. 150—151.

[2]) Въ Межигорской рукописи есть подробность (объ участіи татаръ), не вошедшая въ лѣтопись Быховца, но включенная въ хронику Стрыйковскимъ, писавшимъ во второй половинѣ XVI вѣка.

значенія: Ѳеодоръ могъ носить, по обычаю того времени, свѣтское имя Станислава (не Святослава-ли скорѣе?) [1]), да и другіе извѣстные факты не только не подрываютъ разбираемаго извѣстія, но, напротивъ, даже объясняются имъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ тридцатыхъ годахъ XIV-го вѣка въ борьбѣ Литвы съ нѣмецкимъ орденомъ замѣчается перерывъ и какъ-бы роздыхъ. Въ „Die ältere Chronik von Oliva" читаемъ: „...per XXXVI. annos nihil notabilis mali in terra factum est per Letwinos" [2]). Это не совсѣмъ вѣрно, но все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIV вѣка мирныя отношенія Литвы и ордена не нарушались [3])—фактъ, довольно рѣдкій въ исторіи Литвы XIII и XIV столѣтій. Вполнѣ правдоподобнымъ является засвидѣтельствованное Межигорскою рукописью и литовско-русскою лѣтописью присутствіе татаръ въ войскѣ кіевскаго князя. Русскія лѣтописи упоминаютъ о татарскомъ баскакѣ въ Кіевѣ подъ 1331 г. Татары, считая Кіевъ и южную Русь своимъ владѣніемъ, должны были отстаивать ихъ противъ литовцевъ, и подъ 1336 г. въ русскихъ лѣтописяхъ значится, что татары воевали Литву; предшествующій походъ ихъ на Литву относится къ 1324 г., что также даетъ поводъ думать, что онъ былъ обусловленъ движеніемъ литовцевъ на южную Русь [4]). Враждебное отношеніе татаръ къ Литвѣ при Гедеминѣ и Ольгердѣ [5]) объясняется завоевательными стремленіями Литвы. При этомъ необходимо различать татаръ, подъ нѣкоторою властью которыхъ могло пребывать Подолье, отъ татаръ приволжскихъ (Золотой Орды). Кіевъ нахо-

---

[1]) Имя Станислава уже до того времени давалось въ родѣ Владиміра I. Это имя носилъ одинъ изъ сыновей Владиміра. Интересно, что Стебельскій (Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim, t. III, Lwów 1867, str. 12) называетъ Станислава Кіевскаго сыномъ Данила Александровича. Ср. извѣстія Густинской лѣтописи о принадлежности Кіева послѣ татарскаго нашествія сѣвернымъ князьямъ. Въ сокращенной Новгородской лѣтописи князь Михаилъ, убитый въ ордѣ въ 1245 г., названъ кіевскимъ княземъ (изд. Оболенскаго, М. 1836, стр. 34) и т. д.

[2]) Script. rer. Prussic., V, 606.

[3]) Ср. у В. Б. Антоновича стр. 79—80. Script. rer. Pruss., III, 67 и сл.

[4]) По иностраннымъ извѣстіямъ, Гедеминъ три раза воевалъ съ татарами (Lucas David).

[5]) См. у В. Б. Антоновича стр. 80 и 136.

дился въ зависимости отъ послѣднихъ [1]), заявлявшихъ притязаніе также на верховное владычество въ Галичѣ и на Волыни. Завоеваніе Кіева могло потому произойдти помимо присоединенія Подолья, и, для занятія Кіева, не было надобности разбить предварительно подольскихъ татаръ [2]). Интересно, далѣе, что верховенство татаръ признавалось до извѣстной степени въ Кіевѣ довольно долго и при литовскомъ владычествѣ [3]), что̀ не могло-бы имѣть мѣста, еслибы Кіевъ достался Литвѣ вслѣдствіе пораженія татаръ на Подольѣ [4]): подольскіе татары не были особенно сильны. Вѣроятнѣе предположить, что Гедеминъ, взявъ Кіевъ, былъ принужденъ впослѣдствіи, въ виду сопротивленія татаръ, оставить Ѳеодора своимъ намѣстникомъ [5]) и призналъ

---

[1]) По словамъ папской буллы 1320 г., онъ былъ „in confinibus Ruthenorum et Tartarorum“. *Theiner*, Vet. monum. Pol. et Lithuan. I, № CCLII, p. 162, и № CCLV, p. 167. И во время Витовта Кіевъ былъ какъ-бы важнѣйшимъ пограничнымъ городомъ со стороны татаръ. См. цѣлый рядъ упоминаній о сношеніяхъ съ татарами въ Кіевѣ и о пребываніи послѣдних въ окрестностяхъ его въ „Codex epistolaris Vitoldi“.

[2]) Если Черкасы и Звенигородъ причислялись къ Подолью—см. у В. Б. Антоновича стр. 150, примѣч.—то такъ было въ позднѣйшее время. Во время составленія 1-й литовско-русской лѣтописи (въ началѣ XV-го столѣтія) этого еще не видимъ. Ученыя записки втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, книга I, Спб. 1854, Лѣтопись великихъ князей литовскихъ, стр. 40.

[3]) См. рефератъ *В. Б. Антоновича*: „О новонайденныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра“ въ „Трудахъ третьяго археологическаго съѣзда“, т. II, стр. 153—164. Ср. въ монографіи Стадницкаго „Koriat Gedyminowicz“. Съ выводомъ В. Б. Антоновича относительно монеты Владиміра Ольгердовича согласился и графъ И. И. Толстой въ своемъ изслѣдованіи „Древнія монеты Великаго Княжества Кіевскаго“, Спб. 1882.

[4]) Впрочемъ, и на Подольи литовскіе князья не сразу достигли полной независимости. См. ниже.

[5]) По Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 350), Ѳеодоръ былъ посаженъ въ Кіевѣ какъ-бы въ 1361 г. По словамъ 2-й литовской лѣтописи, занявъ Кіевъ, Гедеминъ посадилъ тамъ своимъ намѣстникомъ „Миндогова сына Ольгимонта, великого князя Гольшанского“. Мы не встрѣтили другихъ упоминаній объ этомъ Миндогѣ, но личность Ольгимонта, посаженнаго въ Кіевѣ (такъ понимаемъ мы приведенныя слова лѣтописи вопреки ученымъ, думающимъ, что намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ оставленъ Миндогъ), несомнѣнно историческая. *Narbutt*, Dzieje narodu litewskiego, t. IV, Wilno, 1838, str. 273, 295, 296, dodatek X, str. 39 и Dodatek X Tomu VII, считаетъ Ольгимунта сыномъ Гольши, брата

въ тоже время верховную власть татаръ надъ Кіевомъ. Этимъ было-бы примирено извѣстіе Межигорской рукописи и 2-й литовской лѣтописи

Тройдена. Хроника Германна Вартбергскаго упоминаетъ подъ 1371 г. объ укрѣпленіи „Algeminen (въ Жмуди), ubi Algeminne magnus satrapa habitationem suam elegit". Совпаденіе названія мѣстности съ именемъ владѣльца заставляетъ предположить, что это было родовое имѣніе, и что были и прежде лица съ этимъ прозвищемъ. Упомянутый Ольгимунтъ былъ въ числѣ пословъ, отправленныхъ Ягайломъ въ Польшу въ 1385 г. (*Stadnicky*, Bracia Władysława-Iagiełły, str. 242, nota 4), а въ 1388 г. былъ посылаемъ, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, въ Новгородъ. Трактатъ съ крестоносцами 1379 г. подписалъ съ литовской стороны, между проч., Иванъ, сынъ Ольгимунта. Въ документѣ 1390 г. онъ обозначенъ какъ „ilruchte furst herczog Iwan von *Galschan* Ougemundes son". Cod. ep., № LXII, p. 20. Поэтому можно думать, что прозвище Гольшанскій также заимствовано отъ мѣстности.—Не Өеодоръ ли, сидѣвшій потомъ въ Кіевѣ, упомянутъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1326 г.? Въ числѣ пословъ, прибывшихъ въ Новгородъ изъ Литвы, тамъ названъ Өеодоръ Святославичъ. Супр. рукопись, стр. 51; Новгор. I: П. С. Р. Л. III, 74. Въ Никоновской лѣт. (III, 130) названъ „Князь Өедоръ Ростиславичь Менскии". Кіевскій князь Өеодоръ, судя по извѣстію новгородскихъ лѣтописей подъ 1331 г., былъ, повидимому, въ зависимости отъ Гедемина; по крайней мѣрѣ, онъ держался стороны литовскаго князя и дѣйствовалъ въ его интересѣ: Супральская рукопись, стр. 55. Новгор. I, 75—76. Новг. IV: П. С. Р. Л., т. IV, стр. 52. Арсеній, посланный къ митрополиту литовцами, возвращался чрезъ Кіевъ, Василій же, архіепископъ новгородскій, не рѣшился на то. Нѣкоторое время этотъ Өеодоръ могъ быть и въ Рязани, исторія которой представляетъ не мало пробѣловъ. Такой пробѣлъ замѣчается въ извѣстіяхъ о Рязани въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Ивана Коротопола, не имѣвшаго, повидимому, сыновей. *Д. И. Иловайскаго* Исторія Рязанскаго Княжества, стр. 140; ср. стр. 158 и на стр. 146 извѣстіе о какомъ-то Өеодорѣ.—Косвенное подтвержденіе того обстоятельства, что Кіевъ уже до 1362 г. находился во власти Литвы, можно видѣть въ соборномъ опредѣленіи патріарха Каллиста о предѣлахъ кіевской и литовской митрополій, относящемся къ іюлю 1361 г., гдѣ сказано, что литовскій митрополитъ Романъ, пришедши въ Кіевъ (въ 1356 г.), „не по праву совершалъ здѣсь литургіи и рукоположенія и дерзостно называлъ себя единственнымъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, что̀ вызвало смуту и замѣшательство въ области преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси и побудило литовскаго государя возстать противъ христіанъ и причинить имъ не мало бѣдъ и кровопролитія". *Русская историч. библіотека*, изд. Археографиче-

о завоеваніи Кіева Гедеминомъ съ извѣстіемъ Густинской лѣтописи о смѣщеніи Θеодора Ольгердомъ [1]).

Въ Межигорской рукописи извѣстіе о подчиненіи Кіева Гедеминомъ стоитъ, повидимому, въ совершенной отдѣльности отъ сказанія о покореніи Волыни; не видно, чтобы рукопись сообщала объ одновременномъ присоединеніи этихъ земель. Если же литовско-русская лѣтопись, пользовавшаяся для разсказа о завоеваніи Кіева Гедеминомъ тѣмъ же извѣстіемъ, которое вошло и въ Межигорскую рукопись, говоритъ объ одновременномъ присоединеніи къ Литвѣ Кіева и Во-

скою Коммиссіею, т. VI, Спб. 1880, прилож., столб. 78. Ясно, что Кіевъ принадлежалъ ко владѣніямъ Ольгерда, будучи причисляемъ въ тоже время въ Константинополѣ къ вѣдомству московскаго митрополита въ подтвержденіе всероссійскаго авторитета его. Романъ видимо простиралъ свои притязанія на епископіи, находившіяся въ предѣлахъ литовско-русскаго государства, потому что присвоилъ себѣ, между проч., и Брянскую (тамъ-же, столб. 80).

[1]) Не на покореніе ли *всей* южной Руси (по крайней мѣрѣ—Волыни и Кіева) литовцами указываютъ и слова папской буллы 1351 г., цитируемой В. Б. Антоновичемъ въ примѣч. на стр. 148? Особенно важными кажутся намъ слова буллы, что въ захваченныхъ Ольгердомъ земляхъ „possunt constitui septem episcopatus *cum suo metropolitano*". Укажемъ здѣсь еще на то, что въ инвентарѣ польскаго королевскаго архива, составленномъ въ 1730 г., копія котораго хранится въ Дрезденской королевской библіотекѣ (Ms. G. 25. Fol.), мы встрѣтили слѣдующія интересныя указанія: въ отдѣлѣ „Palatinatus Cijoviae": „Cuius nulla in Archivo reperiuntur Documenta tantum modo ex antiquis Connotationibus patet Descriptio quinque Instrumentorum quae hic in Thesauro reperiebant...

1333

2. Kłodimirus Vladislao Homagium praestat и т. д. (Pag. 377).

Palatinatus Volhiniae

1333

Theodori Romani et Alexandri Ducum et Aliorum Homagium et Fidelitas Vladislao Regi promissa (Pag. 400).

Замѣчательно хронологическое совпаденіе этихъ документовъ съ датою завоеванія Кіева въ Межигорской рукописи.—Манускриптъ Дрезденскій, изъ котораго мы привели выписки, описанъ въ приложеніи къ одному изъ отчетовъ о заграничной командировкѣ г. Вѣржбовскаго, напечатанныхъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ". См. также „Katalog der Handschriften der königl. öffentlichen Bibliothek zu Dresden, bearbeitet von Dr. Franz Schnorr von Karolsfeld. I Bd., Leipzig 1882, s. 439.

лыни, то ясно, что разсказъ этой лѣтописи представляетъ сплавъ нѣсколькихъ первоначально отдѣльныхъ извѣстій о разновременныхъ событіяхъ. Тоже до извѣстной степени принимаетъ и В. Б. Антоновичъ, который вообще предложилъ въ этомъ случаѣ образцовый критическій анализъ свидѣтельствъ о завоеваніи Кіева. По приведенному уже разъ нами мнѣнію В. Б. Антоновича (стр. 63), „событія въ повѣствованіи лѣтописи Быховца насильственно сведены лѣтописцемъ въ одну картину". В. Б. Антоновичъ различаетъ два преданія въ этомъ повѣствованіи: первое—о походѣ Гедемина на Волынь, кажущееся ему правдоподобнымъ, и второе—о походѣ на Кіевъ, передѣланное будто-бы изъ разсказа древнѣйшей литовской лѣтописи о походѣ Витовта на Кіевъ въ 1392 г. и потому ложное (стр. 63—65) [1].

Читатель могъ замѣтить изъ предыдущаго, въ чемъ мы рѣшились уклониться отъ выводовъ почтеннаго автора „Очерка исторіи великаго княжества литовскаго", вполнѣ раздѣляя въ тоже время общій взглядъ его на сказаніе лѣтописи Быховца о покореніи южной Руси Гедеминомъ, какъ на составное. Мы различаемъ въ этомъ сказаніи сплавъ достовѣрныхъ извѣстій о четырехъ или трехъ разновременныхъ движеніяхъ литовскихъ князей съ цѣлью захвата южно-русской территоріи, именно: 1) о столкновеніи Гедемина съ княземъ Луцкимъ, 2) о войнѣ его съ княземъ Владимірскимъ, 3) о захватѣ имъ Овруча и Житомира и 4) о покореніи Кіева и остальной части Кіевской земли. Два послѣднія пріобрѣтенія Гедеминъ могъ, впрочемъ, сдѣлать въ одинъ походъ [2].

Первоначальныя краткія извѣстія, въ родѣ сохраненнаго Межигорскою рукописью, были распространены, слиты въ литовско-русской лѣтописи въ одну картину и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнены произвольными вставками и умышленно искажены, что́ можно сказать, напр., о легендѣ касательно борьбы Гедемина съ галицко-волынскими князьями: послѣдніе могли быть только разбиты, но позднѣйшій компиляторъ обратилъ побѣду надъ ними въ полное завоеваніе ихъ зе-

---

[1]) Мы не замѣтили въ этомъ послѣднемъ разсказѣ особаго сходства со сказаніемъ о завоеваніи Кіевской земли Гедеминомъ.

[2]) Въ Познанскомъ спискѣ литовско-русской лѣтописи, fac—simile котораго мы видѣли въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ (Ms. № 2070), описаніе битвы съ Владимірскимъ княземъ, Владиміромъ, имѣетъ особое заглавіе, при чемъ годъ не выставленъ; затѣмъ говорится: „*И потомъ* пойдеть на князя Льва Луцкого.."

мель. Ясно, что все повѣствованіе 2-й литовской лѣтописи расположено такъ, чтобы представить покореніе южной Руси Литвою фактомъ, совершившимся весьма быстро и съ большою удачею для литовцевъ. Весь разсказъ оканчивается словами: „А князь великии Гидиминъ прогнавши князей русскихъ и ѿ немецъ землю свою вспокоившы и пановалъ много лѣтъ во впокои". Предъ этими словами говорится о судьбѣ Станислава Кіевскаго, а послѣ нихъ—объ основаніи Трокъ и Вильна. Очевидно, что весь разсказъ литовско-русской лѣтописи о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ—позднѣйшая эпизодическая вставка, начинающаяся и оканчивающаяся одними словами: разсказъ не имѣетъ характера лѣтописи и представляетъ какъ-бы рядъ эпизодовъ.

Тѣмъ не менѣе, все это еще не даетъ права счесть содержаніе повѣствованія вымысломъ. Историческимъ фактомъ въ этомъ повѣствованіи мы признаемъ пораженіе Владимірскаго и Луцкаго князей и завоеваніе Гедеминомъ Кіева и Кіевской земли, которое не могло произойдти въ 1320—21 гг., но легко могло совершиться послѣ 1332 г. Впрочемъ, повторяемъ, этимъ не было уничтожено верховное владычество татаръ надъ Кіевомъ, и даже князь потомъ могъ остаться тотъ же самый, какъ оставляемы были прежніе князья и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, покоренныхъ Литвою.

Да не поставитъ намъ читатель въ вину эту длинную остановку на разборѣ сказанія о завоеваніи южной Руси Гедеминомъ. Исторія южной Руси во второй половинѣ XIII стол. и въ XIV в. крайне темна и скудна извѣстными и достовѣрными фактами. Отдѣлъ, посвященный ей въ книгѣ В. Б. Антоновича, является просвѣтомъ въ этой тьмѣ и заслуживаетъ особеннаго вниманія.

На ряду съ отдѣломъ, посвященнымъ Галичу и Волыни, полны интереса строки, отведенныя исторіи присоединенія Подолья къ Литвѣ. Завоеваніе Подолья совершилось при Ольгердѣ и разсмотрѣно потому В. Б. Антоновичемъ въ концѣ разбираемаго выпуска, но мы здѣсь передадимъ результаты, къ которымъ пришелъ авторъ касательно этого событія, чтобы представить въ цѣльномъ очеркѣ исторію перехода всей южной Руси къ Литвѣ.

Древнѣйшая исторія Подолья до сихъ поръ мало освѣщена русскою наукою, которой, несмотря на изслѣдованія гг. Васильевскаго, Успенскаго и Бруна, предстоитъ вообще не мало еще работы надъ древнѣйшею исторіею русскаго племени въ земляхъ, прилегающихъ къ

Черному морю и Дунаю [1]). Страницы, отведенныя В. Б. Антоновичемъ краткому очерку исторіи Подолья, читаются съ глубокимъ интересомъ: это первый цѣльный обзоръ древнѣйшихъ судебъ Подолья, отмѣчающій притомъ рядъ важныхъ фактовъ, которые являются новостью для большинства читателей. Какъ весь трудъ В. Б. Антоновича, и этотъ очеркъ дышетъ новизною и свѣжестью.

Обзоръ древнѣйшей исторіи Подолья восходитъ ко временамъ Уличей [2]) и Тиверцевъ. В. Б. Антоновичъ оставилъ въ сторонѣ извѣстія объ этихъ племенахъ до начала русскаго государства [3]) и начинаетъ съ IX-го столѣтія.

Едвали возможно прослѣдить прямую и непосредственную связь населенія позднѣйшаго Подолья съ древними Уличами и Тиверцами. Эти древніе насельники сѣвернаго Черноморья были вытѣснены на

---

[1]) Статья покойнаго Бѣляева „О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря и прилежащихъ къ нему степяхъ, до водворенія въ этомъ краѣ Монголовъ" (въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи") написана только по русскимъ источникамъ; авторъ воспользовался не всѣми лѣтописными свидѣтельствами и допустилъ неправильныя толкованія ихъ.

[2]) Вопросъ о томъ, какъ писать названіе этого племени, еще не рѣшенъ окончательно. Г. Ламбинъ стоитъ за чтеніе „Ульцы" и Тиверцевъ и Угличей считаетъ двумя отраслями Ульцевъ; греческое названіе Антовъ будто-бы передѣлано изъ названія Ульцевъ. Г. Голубинскій думаетъ, что Уличи и Тиверцы были „соединены въ одно политическое цѣлое". Мы раздѣляемъ старое мнѣніе, что Угличи и Уличи—варіанты одного и того-же племеннаго названія Ѫглици; это лучше всего доказывается названіемъ Unlici у Баварскако землеписца (IX в.).

[3]) Въ 40-хъ годахъ вопросъ объ Уличахъ и Тиверцахъ былъ поднятъ Надеждинымъ въ статьѣ „О мѣстоположеніи Пересѣчена" (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. I). Въ послѣднее время древнѣйшую исторію Уличей и Тиверцевъ попытался возстановить г. Ламбинъ въ статьяхъ подъ заглавіемъ: „Славяне на сѣверномъ Черноморьи", помѣщенныхъ въ „Журн. Минист. Нар. Просв." 1877, №№ 5 и 6 и 1879, № 12. См., далѣе, разборъ монографіи г. Ламбина, написанный А. Ѳ. Бычковымъ, въ „Отчетѣ о XIV присужденіи наградъ графа Уварова", Спб. 1872, стр. 89—105; ст. г. Ламбина „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси" въ Ж. М. Н. Пр. 1874, №№ 6 и 7; нѣсколько замѣчаній въ „Исторіи русской церкви" Голубинскаго, т. I, 35 и слѣд., въ книгѣ Д. И. Иловайскаго „Разысканія о началѣ Руси", изд. 2-е, М. 1882.

время изъ своихъ земель и, если потомъ возвратились на прежнія мѣста и вновь колонизовали побережье, то—значительно смѣшавшись съ другими южно-русскими племенами, Дулѣбами и Хорватами [1]). Къ сожалѣнію, обстоятельства этихъ передвиженій еще не достаточно выяснены. По мнѣнію г. Ламбина, жившіе между Днѣпромъ и Днѣстромъ Уличи и Тиверцы были покорены Олегомъ, затѣмъ были или истреблены или отодвинуты изъ ихъ древнихъ жилищъ, „и только слабые остатки ихъ, спасшись на сѣверъ, при верховьяхъ Буга и Днѣстра, вошли въ составъ русскаго государства при Игорѣ"; истребленіе и изгнаніе ихъ произошло, по г. Ламбину, въ началѣ X-го столѣтія, а по мнѣнію г. К. Грота—еще ранѣе, въ концѣ IX-го вѣка [2]).

Трудно согласиться съ этимъ.

Лѣтопись не говоритъ о подчиненіи Уличей и Тиверцевъ Олегомъ; какъ справедливо замѣтили гг. Антоновичъ (стр. 143) и Гротъ (стр. 278), она упоминаетъ только о войнѣ Олега съ этими племенами, неизвѣстно чѣмъ окончившейся. Полнаго подчиненія не могло быть, потому что во всѣ почти списки начальной лѣтописи, за исключеніемъ Лаврентьевскаго и Ипатскаго и сходныхъ съ ними, занесено извѣстіе подъ 914 г. о походѣ Свѣнельда на Улицкій Пересѣченъ. В. Б. Антоновичъ не придаетъ особеннаго значенія этому извѣстію на томъ основаніи, что оно „записано въ весьма позднемъ лѣтописномъ сводѣ", но гг. Ламбинъ и Бычковъ, намъ кажется, вполнѣ убѣдительно установили принадлежность его къ древнѣйшему тексту начальной лѣтописи. Вся трудность только въ опредѣленіи мѣстоположенія Пересѣчена. Но ставить-ли этотъ городъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и Ламбинымъ въ приднѣпровьи,

---

[1]) Г. Ламбинъ полагаетъ, что Ульцы—„отрасль Хорватовъ, спустившаяся съ восточной отлогости Карпатскихъ горъ". Уличи могли избѣжать смѣшенія съ другими племенами только въ сѣверной части своей территоріи, гдѣ они несомнѣнно граничили съ Древлянами, какъ то видно изъ словъ позднѣйшихъ списковъ, что Аскольдъ и Диръ „бѣша ратни съ Древляны и съ Угличи" и изъ поставленія рядомъ этихъ племенъ въ извѣстіи подъ 914 г.

[2]) *К. Я. Гротъ*, Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка, Спб., 1881, стр. 277: „если дѣйствительно Печенѣги принудили Черноморскихъ Славянъ бѣжать на сѣверъ и искать себѣ тамъ новыхъ жилищъ, то это должно было произойдти не позже конца IX вѣка (въ 90-хъ г.), когда Печенѣги вытѣснили Мадьяръ" (изъ Ателькузу").

„тамъ, гдѣ впослѣдствіи въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, существовала, *Сѣчь* Запорожская“, или же съ Надеждинымъ въ Бессарабіи [1]), извѣстіе лѣтописи подъ 914 г. свидѣтельствуетъ, что въ то время Уличи не были еще отодвинуты далеко на сѣверъ. Оттѣсненіе могло произойдти позднѣе – въ половинѣ X-го столѣтія, когда Печенѣги достигли рѣшительнаго господства въ Приднѣпровьи. Бродить по черноморскимъ степямъ они могли и раньше, но изъ этого не вытекаетъ еще необходимость допустить *полное* и *постоянное* занятіе кочевниками сѣвернаго черноморскаго побережья на широкомъ пространствѣ. Мы не думаемъ, чтобы Уличи и Тиверцы были прогнаны слишкомъ далеко на сѣверъ, на верховья Буга и Днѣстра. Слова лѣтописи: „посемъ придоша (Угличи) межи Богъ и Днѣстръ“, относить ли ихъ къ движенію Угличей на западъ съ Днѣпра, или къ общему отступленію Уличей съ юга [2]), не даютъ права на такое предположеніе: придерживаясь ихъ, можно думать, что Уличи остались между средними теченіями Буга и Днѣстра. Допуская примученіе Уличей, мы въ тоже время, вмѣстѣ съ В. Б. Антоновичемъ, не находимъ возможнымъ принять полное подчиненіе Уличей и Тиверцевъ Кіевскими князьями до Святослава. Послѣ 914 г. Тиверцы еще разъ упомянуты въ нашей лѣтописи, именно подъ 944 г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ, какъ участники похода Игоря на Грековъ [3]). Употребленіе лѣтописцемъ въ этомъ случаѣ стараго племеннаго названія позволяетъ думать, что Тиверцы были только союзниками кіевскихъ князей, хотя въ лѣтописи они названы воями. Присутствіе въ войскѣ еще не означало подчиненія: и Хорваты, сосѣди Тиверцевъ, участвовали въ походахъ на грековъ, а въ составъ русскаго государства включены они были позже. Дружина, шедшая на Константинополь, могла составляться изъ разнаго сброда. Во всякомъ случаѣ, въ половинѣ X-го вѣка еще не была сглажена племенная особность Уличей и Тиверцевъ, а слѣдовательно они удерживали и земли, изстари принадлежавшія имъ, по крайней мѣрѣ значительную

---

[1]) Болѣе вѣроятности, что Уличи сохраняли въ то время независимость и удерживали позицію на западныхъ окраинахъ своей земли, а не на восточныхъ.

[2]) Еще не выяснено убѣдительно, когда произошло движеніе Угличей изъ приднѣпровья на западъ, до Олега ли, при немъ ли, или при Игорѣ; мы стоимъ за первое предположеніе.

[3]) Лѣт. по Лаврент. сп. 44.

часть этихъ земель. Константинъ Багрянородный назвалъ Уличей и Тиверцевъ (последнихъ видятъ въ Τερβιάνοι) въ числѣ славянскихъ племенъ, признававшихъ власть Руси. Но мѣстность, первоначально занятая этими племенами, была весьма широка. Земля Уличей соприкасалась съ Древлянскою; Уличи жили нѣкоторое время по Днѣпру, по мнѣнію г. Ламбина—на „углу“ „между Ингульцемъ и Днѣпромъ у пороговъ“; Тиверцы граничили съ Дулѣбами. Часть Уличей и Тиверцевъ, дѣйствительно, могла подпасть власти кіевскихъ князей.—На основаніи Игорева договора, поставлявшаго Руси въ обязанность не допускать Черныхъ Болгаръ до нападенія на Корсунскую область, г. Барсовъ предполагаетъ [1]), что „Русь господствовала тогда надъ всѣмъ теченіемъ Днѣпра и Восточнаго Буга“; сухопутное сообщеніе Кіева съ придунайскими землями также не было прекращено въ X-мъ столѣтіи [2]); но всего этого недостаточно для признанія господства кіевскихъ князей надъ Уличами и Тиверцами на протяженіи всей ихъ земли.

Имя Уличей вовсе не упоминается въ лѣтописи послѣ 922 г., къ которому отнесла Новгородская лѣтопись войну съ Древлянами. Находясь на самой южной окраинѣ русской земли, эти племена пострадали болѣе другихъ восточныхъ славянъ, будучи тѣснимы различными инородческими толпами, кочевавшими на югѣ Руси. Съ этого-то момента движенія кочевыхъ ордъ началось, вѣроятно, разрѣженіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и исчезновеніе славянскихъ поселеній къ сѣверу отъ Дуная. Писатель, внесшій въ начальную лѣтопись сказаніе о догосударственномъ бытѣ восточныхъ славянъ и жившій не ранѣе Владиміра I, говоритъ объ Уличахъ и Тиверцахъ: „суть гради ихъ и до сего дне“. „Гради“ этихъ племенъ могли оставаться въ придунайскихъ земляхъ и на сѣверномъ Черноморьи, но въ значительной мѣрѣ съ чуждымъ населеніемъ, или же уподоблялись оазисамъ въ пустынѣ, будучи окружены бродячимъ населеніемъ [3]). Слова „до моря“ приба-

---

[1]) Очерки истор. геогр., стр. 116.

[2]) Ср. извѣстіе Длугоша, кн. II, по изд. 1711 г.—стр. 100: „Non contentus Dux Russiae Swatislaus Principatu paterno Bulgaris *vicinis* suis infert bellum.“

[3]) По мнѣнію г. Ламбина, лѣтописецъ имѣлъ въ виду „полуразрушенные города ихъ, о которыхъ упоминаетъ и Константинъ Багрянородный, описывая земли Печенѣговъ въ половинѣ X вѣка“; но нѣтъ основаній думать, что приведенное мѣсто лѣтописи „было написано не позднѣе половины X вѣка“.

влены недаромъ: очевидно, во времена лѣтописца эти племена не занимали всего того пространства, какое принадлежало имъ прежде. Они могли удержаться безъ значительнаго смѣшенія съ другими народностями только по Днѣстру и Бугу, въ верховьяхъ и по среднему теченію этихъ рѣкъ [1]). Въ придунайскихъ земляхъ русскіе поселки должны были значительно порѣдѣть: со второй половины XI-го столѣтія тамъ стали являться половцы, но тѣмъ не менѣе, русское населеніе продолжало держаться [2]). Во второй половинѣ XII-го в. половцы устремились туда съ новою силою [3]). По словамъ Эдриси, писателя того времени, Куманія простиралась на западъ до Днѣстра или Прута. Интересно переданное имъ извѣстіе о томъ, что въ землѣ Куманъ было и осѣдлое населеніе, сидѣвшее по городамъ. Это вѣроятно въ виду того, что смѣшанное населеніе было въ XII и XIII вв. и въ придунайскихъ земляхъ, въ Трансильваніи и позднѣйшей Молдавіи.

Съ основаніемъ галицкаго княжества, поднѣстровье въ южной своей части должно было стать въ нѣкоторую зависимость отъ Галича

---

[1]) Упомянутое въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1229 г. село „Угльници" (Ип. 506)—едвали отголосокъ племеннаго названія Угличей. По словамъ А. С. Петрушевича, это—„урочище на угловахъ, нынѣ исковерканное на *Не-углова корчма*" (Наук. сб., изд. Общ. Галицко-русской Матицы 1865, I, стр. 46, прим. 2). Г. Левицкій указываетъ на большое поле „Угольники" („Слово" 1881, ч. 9, ст. „Еще о Галичѣ и его окрестностяхъ"). Въ Польшѣ въ XIII в. было село Vągélnici (*Бодуэнъ де-Куртенэ,* О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія, Лейпцигъ, 1870, Словарь, стр. 49). Несомнѣнно стоитъ въ связи съ именемъ Уличей село *Ulicz* (теперь *Ulucz*) на р. Сянѣ, названное въ документахъ 1373 и 1402 гг. (См. „Akta grodzkie i ziemskie z czasów Reczypospolitej polskiej, t. VII, we Lwowie 1878", стр. 15, 44). Какъ видно изъ путешествія Арсенія Суханова, придунайскій край носилъ названіе Угличей еще въ половинѣ XVII в.—фактъ, свидѣтельствующій, что древніе Угличи не были совершенно вытѣснены оттуда.—Въ восточной Галиччинѣ есть три поселка съ названіемъ Дулибы, а равно встрѣчаются они и на Волыни (Słownik geograficzny etc., t. II, стр. 216). Dulyebi мы встрѣтили въ документѣ 1464 г.

[2]) См. извѣстную, важную статью г. Васильевскаго „Византія и Печенѣги", помѣщенную въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1872. *Успенскій* Образованіе втораго болгарскаго царства, Одесса 1879, приложеніе V, стр. 31 и сл. Въ послѣднее время Rössler старался доказать принадлежность древнѣйшаго населенія Молдавіи и Трансильваніи къ русскому племени.

[3]) Успенскій, Образованіе втораго болгарскаго царства, стр. 80 и сл.

Н. И. Костомаровъ полагаетъ, что Бессарабія и прилегавшій берегъ Чернаго моря входили въ составъ галицкаго княжества, такъ какъ иначе были бы невозможны свободныя торговыя сообщенія. Г. Барсовъ думаетъ [1]), что Галичу принадлежалъ лѣвый берегъ Днѣстра. Намъ неизвѣстны положительныя данныя, которыя свидѣтельствовали бы о принадлежности этого края къ Галичу до начала XIII-го столѣтія. Эдриси и Абульфеда упоминаютъ о городахъ Руссовъ на Черномъ морѣ [2]), но извѣстія ихъ нуждаются еще въ критической обработкѣ. Несомнѣнно однако, что по прибрежью Чернаго моря кочевыя орды имѣли свободный проходъ Не было ли поэтому на низовьяхъ Днѣстра и Буга тоже самое, что имѣло мѣсто на нижнемъ теченіи Днѣпра, т. е. не приходилось-ли торговымъ караванамъ постоянно искать опоры въ княжескихъ дружинахъ противъ нападеній со стороны степныхъ хищниковъ?

Это положеніе измѣнилось въ первой половинѣ XIII-го стол. Тогда, дѣйствительно, замѣчается оживленное торговое движеніе по Днѣстру и въ прилегающей мѣстности. Изъ Олешья, причислявшагося къ Галичу, ладьи съ рыбою и виномъ шли въ Днѣстръ... Въ „полѣ“ (т. е. степи), которое начиналось за Онутомъ, двигались возы [3]). Въ 1224 г. галицкая флотилія, спустившись по Днѣстру, вошла потомъ въ Днѣпръ. Возможность такого оживленнаго движенія явилась, вѣроятно, вслѣдствіе побѣдъ Романа Мстиславича, Галицко-Волынскаго князя, который „покори Половецькую землю“ [4]) и которымъ „Половци дѣти страшаху“ [5]). Какъ извѣстно, Романъ проникъ до предѣловъ Ви-

[1]) Очерки, стр. 99—100.

[2]) Эдриси было извѣстно, что при устьѣ Днѣстра русскимъ принадлежала Зака, а при устьѣ Днѣпра Молза и Алеска (Олешье) *J. Lelewel*, Polska wieków średnich, t. II, Poznań 1847, str. 410. Въ перечнѣ русскихъ городовъ Эдриси назвалъ Tiwer безъ означенія мѣста его нахожденія. По мнѣнію Лелевеля, это—Туровъ; впрочемъ, говоритъ онъ, можетъ быть ктонибудь пожелаетъ отнести его къ Тиврову надъ восточнымъ Бугомъ. Ibid., 399. Г. Ламбинъ полагаетъ (Ж. М. Н. Пр. 1879 № 12, стр. 146), „что названіе Днѣстра у Геродота и у другихъ древнихъ писателей Τύρης, Τύρας, происходитъ отъ финскаго tivri—быстротекущая рѣка“.

[3]) Ип., 491.

[4]) Ип., 536.

[5]) Ип., 540

зантiйской имперiи[1]). Въ первой половинѣ XIII в. едвали полоса у Днѣстра между его притоками Серетомъ и Ушицею составляла юго-восточную галицкую украину. Въ словахъ галицко-волынской лѣтописи подъ 1229 г.: Данiилъ „собравъ землю Галичскую... собра отъ Боброкы даже и до рѣкы Ушицѣ и Прута“ [2]) нельзя видѣть, по нашему мнѣнiю, опредѣленiя границъ галицкаго *княжества*; ими очерчена до извѣстной степени только граница галицкой *земли*, кромѣ которой были и другiя въ этомъ княжествѣ (напр., Перемышльская). Если придавать особенное значенiе этому извѣстiю, то должно признать и рѣку Боброку западною границею галицкаго княжества, что́ немыслимо. Намъ кажется, что приведенныя слова лѣтописи не имѣли въ виду обозначенiя границъ галицкой земли; лѣтописецъ обозначилъ только участокъ, съ котораго успѣлъ собрать войско Данiилъ. Къ югу отъ собственно галицкой земли, о которой идетъ рѣчь въ разбираемыхъ словахъ лѣтописи, было въ XIII вѣкѣ Понизье. Было-ли оно и въ XII стол., какъ отдѣльная область галицкаго княжества, неизвѣстно: это названiе встрѣчается впервые въ лѣтописи XIII-го в. Если Понизье было колонизовано Русью и въ XII-мъ стол., тогда города Микулинъ и Ушица были на пограничьи Галицкой земли со стороны Понизья. Округъ этихъ городовъ нельзя считать присоединеннымъ къ Галичу незадолго до попытки Берладника на томъ основанiи, что они обнаруживали сочувствiе послѣднему: тоже сочувствiе замѣчается и въ центральныхъ пунктахъ галицкой земли, напр. въ Галичѣ.— Во всякомъ случаѣ, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что въ первой половинѣ XIII-го стол. до татарскаго нашествiя Поднѣстровье вплоть до моря стояло въ зависимости отъ Галича.

Обращаемся къ Побожью, которое, какъ и Понизье, составило часть позднѣйшаго Подолья. *Сѣверное* Побожье до половины XII в. причислялось, повидимому, къ Кiеву [3]). Южнѣе при Мономахѣ были половецкiя кочевья [4]). Между землями, принадлежавшими кiевскимъ

---

[1]) О цѣломъ рядѣ походовъ Романа см. въ рецензiи г. Васильевскаго на книгу г. Успенскаго „Образованiе втораго болгарскаго царства“, стр. 16 и сл. отдѣльнаго оттиска.

[2]) Ип., 506.

[3]) Болоховская земля и значенiе ея въ русской исторiи, Кiевъ, 1876, стр. 7—8. *Барсовъ*, Оч. р. ист. геогр., стр. 99, 120.

[4]) См. лѣт. по Лавр. сп.

князьямъ, и кочевьями, находилась территорія, стоявшая въ какомъ-то особенномъ положеніи, пребывавшая внѣ союза земель, подчинившихся роду Владиміра I. Лѣтописи назвали эту землю (Болохово), но не сообщили подробностей объ отношеніяхъ ея къ сосѣднимъ князьямъ до 30-хъ годовъ XIII-го в. Неизвѣстно поэтому, насколько успѣла отстоять эта земля свою независимость отъ Мстислава Удалаго, который, отрекшись отъ Галича, составилъ особый, повидимому, удѣлъ, тянувшійся продольною полосою отъ средняго и нижняго Днѣстра (Галицкое Понизье) далеко на востокъ, до предѣловъ Кіевской земли. Стольнымъ городомъ этой вновь обособившейся земли былъ Торческъ, въ которомъ Мстиславъ и скончался [1]) (1228).

Отношенія Болоховцевъ къ сосѣдямъ ясно обрисосываются во второй четверти XIII-го вѣка, когда Понизье досталось Даніилу Галицкому и когда въ союзѣ съ Болоховымъ оказывается и сѣверное Побожье, принадлежавшее въ XII-мъ стол. кіевскимъ князьямъ. Въ XIII в. мы видимъ русское племя вновь подвинувшимся далеко на югъ, такъ какъ оно заняло бассейнъ Бога (Побожье лѣтописи). Болоховская земля становится центромъ движенія противъ Даніила, пытавшагося включить всѣ эти земли въ составъ государства, которое онъ стремился создать на юго-западѣ. Движеніе галицко-волынскихъ князей на эти земли, о которомъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1257 г., было попыткою возстановить власть рода Владиміра I въ земляхъ, отпавшихъ по примѣру Болохова, и подчинить это послѣднее. Попытка окончилась однако неудачею [2]).

Земли по среднему Днѣстру и Богу остались въ непосредственной зависимости отъ татаръ, сохраняя въ тоже время общинное самоуправленіе, что имѣло весьма важныя послѣдствія. Болоховцы стали въ такое отношеніе къ татарамъ уже при Батыѣ, и, повидимому, тотъже порядокъ продолжался впослѣдствіи. Можно думать, что уже въ этотъ періодъ татарскаго господства край находился въ цвѣтущемъ со-

---

[1]) Длугошъ сообщаетъ (I, 291), что Мстиславъ умеръ въ Iorck, но Iorck стоитъ ошибочно вмѣсто Торческъ На кіевскую землю указываетъ и Никоновская лѣтопись, говорящая подъ 1228 (II, 358), что Мстиславъ умеръ на пути изъ Галича въ Кіевъ. Интересно, что предъ тѣмъ и плѣнный Венгерскій королевичъ содержался въ Торческѣ.

[2]) Вскорѣ мы надѣемся вновь коснуться вопроса о Болоховцахъ и о началѣ козачества и представить новые доводы, подтверждающіе, по нашему мнѣнію, наши прежніе выводы.

стояніи, иначе будетъ необъяснимо быстрое экономическое развитіе Подолья, какъ стало именоваться Понизье [1]) послѣ литовскаго завоеванія. При татарахъ города продолжали существовать; неизвѣстно только, были ли они лишены укрѣпленій. Въ Болоховской землѣ укрѣпленія были оставлены татарами. Можетъ быть, возникали даже новые города. Такимъ мы готовы признать Каменецъ-Подольскій, о которомъ мы не нашли упоминаній до XIV-го столѣтія [2]).

Съ 60-хъ годовъ XIII-го столѣтія галицко-волынская лѣтопись оставляетъ насъ въ совершенной неизвѣстности относительно Подолья. Свѣдѣнія наши о немъ возобновляются съ половины XIV-го столѣтія, но, тѣмъ не менѣе, время и обстоятельства присоединенія Подолья къ Литвѣ и судьбы его въ первыя десятилѣтія литовскаго владычества вплоть до 90-хъ годовъ XIV в. представляютъ настоящій Гордіевъ узелъ. Въ этомъ случаѣ повторяется таже неясность, съ какою мы встрѣчались въ вопросѣ о покореніи Литвою Кіева.

Отъ времени съ 60-хъ до 90-хъ годовъ XIV-го в. до насъ дошло весьма мало достовѣрныхъ документовъ по исторіи Подолья. Сохранилось также нѣсколько скудныхъ лѣтописныхъ упоминаній, но и они не совсѣмъ ясны и не вполнѣ согласны между собою. Которому же изъ нихъ вѣрить, да и можно ли вообще вѣрить имъ на слово? Вѣдь это извѣстія не современниковъ; ихъ передали люди, писавшіе вдали отъ мѣста дѣйствія, когда давно уже прошли отмѣченныя ими событія.

---

[1]) Держалось, впрочемъ, и прежнее названіе. У Верещинскаго (op. cit.) встрѣчаемъ нѣсколько разъ *Niz* въ примѣненіи къ Подолью. Такъ, на стр. 8 онъ говоритъ, что лучше было-бы шляхтѣ проводить время на Украинѣ въ дикихъ поляхъ, „aniželi gdzie na burku, albo náwet na Nizie czábány Tureckie łupiąc“... На стр. 12-й своей брошюры (изд. 1594 г.) Верещинскій говоритъ: „A Jestliby też Ruska ziemiá z strong dziesięcin wezdrge czyniła (życząc sobie żeby... synowie ich na Nizie swe ćwiczenie raczey máiąc czábány Tureckie łúpili“... Ср. въ ст. *Симашкевича:* „Историко-географическій и этнографическій очеркъ Подоліи“, помѣщенной въ „Сборникѣ свѣдѣній о Подольской губерніи“, вып. I, Каменецъ-Подольскъ 1880.

[2]) Упоминанія о Каменцѣ до XIV-го стол. относятся къ другимъ Каменцамъ, но не къ Подольскому. См. „Княженіе Дан. Гал.“, „Болох. з.“ и „Очерки“ Барсова, прим. 179. Каменцовъ было нѣсколько. На сѣверной окраинѣ Владимірской земли, со стороны Литвы, былъ Каменецъ еще до основанія Каменца на Лоснѣ. Ип., 565.

Естественно, возникаетъ сомнѣніе и становится необходимой строгая оцѣнка дошедшихъ до насъ данныхъ.

Въ трудѣ г. Стадницкаго о Подольѣ встрѣчаемъ весьма цѣнную попытку критической разработки существующихъ данныхъ о Подольѣ въ XIV-мъ стол. В. Б. Антоновичъ высказалъ нѣсколько новыхъ соображеній и относитъ завоеваніе Подолья Ольгердомъ къ 1362 г., слѣдуя „указаніямъ лѣтописей Густинской и Никоновской, какъ единственно возможнымъ".

Намъ однако думается, что историческая критика еще не исполнила всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ источникамъ для исторіи Подолья въ XIV-мъ вѣкѣ, и что все еще нельзя считать вполнѣ выясненною исторію этой земли до изгнанія изъ нея Витовтомъ Ѳедора Корьятовича [1]).

Извѣстій о Подольѣ въ этотъ періодъ, заслуживающихъ вниманія, семь: они переданы въ двухъ литовско-русскихъ лѣтописяхъ, у Кромера, въ Густинской лѣтописи, въ Никоновской, у Стрыйковскаго и у Длугоша.

До послѣдняго времени историческая критика отбрасывала извѣстія Длугоша и Кромера, какъ недостовѣрныя, за исходный пунктъ своихъ заключеній принимала 1-ю литовско-русскую лѣтопись, изданную Даниловичемъ и во второй разъ А. Н. Поповымъ, и, согласно свидѣтельствамъ Никоновскаго лѣтописнаго свода и Густинской хроники, относила завоеваніе Подолья къ 1362 г., предполагая, что оно явилось результатомъ разбитія татаръ у Синей Воды Ольгердомъ.

Но, прежде чѣмъ отдавать предпочтеніе тому или другому изъ извѣстій, необходимо провѣрить значеніе каждаго изъ нихъ; прежде чѣмъ сводить во едино показанія различныхъ источниковъ, необходимо удостовѣриться, что разсказъ ихъ относится къ одному и тому же событію. Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ гаданіями.

Разсмотримъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ извѣстія объ утвержденіи литовской власти на Подольѣ и мы убѣдимся, что изслѣ-

---

[1]) Такое же мнѣніе о годѣ завоеванія Литвою Подолья высказалъ и Стадницкій въ книгѣ Olgierd i Kiejstut, str. 7. Въ новѣйшемъ изданіи монографіи о Коріатѣ (Synowie Gedymina wielko-władcy Litwy. Monwid Narimunt.—Iewnuta.—Koriat. Wydanie nowe przerobione i powiększone. We Lwowie 1881) г. Стадницкій относитъ завоеваніе Подолья то къ 1351—1363 гг. стр. 123 и 137), то къ годамъ 1357—1363 (стр. 161, 248).

дователь долженъ отказаться пока отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о томъ по недостатку надежныхъ данныхъ.

1) Самое подробное и, на первый взглядъ, наиболѣе заслуживающее вниманія извѣстіе находится въ 1-й л.-р. лѣтописи. Къ нему относились до сихъ поръ почти съ полнымъ довѣріемъ и потому не сомнѣвались въ томъ, что занятіе Подолья Корьятовичами произошло непосредственно вслѣдъ за пораженіемъ татаръ Ольгердомъ у Синей Воды, или же въ слѣдующемъ 1363 г. Намъ кажется, что разсказъ 1-й л.-р. возбуждаетъ немало сомнѣній. Она не говоритъ прямо о связи этихъ двухъ событій по времени, не доказываетъ и внутренняго соотношенія ихъ. Она не указываетъ точно времени, когда Корьятовичи завладѣли Подольемъ, и, по всей вѣроятности, не знала того. Вообще въ извѣстіяхъ этой лѣтописи о Подольѣ немало несообразностей [1]), и все это даетъ право поставить вопросъ, не умышленно ли присоединилъ литовско-русскій лѣтописецъ извѣстіе о разбитіи трехъ татарскихъ хановъ у Синей Воды къ разсказу о занятіи Подолья Корьятовичами, чтобы тѣмъ еще лучше обо-

---

[1]) Вся исторія присоединенія Подолья къ Литвѣ носитъ въ 1-й лѣтописи характеръ эпизодической вставки, составленной тенденціозно и по даннымъ, не отличавшимся полною достовѣрностію. Первое доказывается въ особенности словами: „А то было добыто Литовьскими силами, и никто емоу (Витовту) ни которых сторонь не помогаль“ (стр. 45 по изданію Попова). Неточностей въ исторіи Подолья, переданной въ 1-й литовско-русской лѣтописи, можно отмѣтить нѣсколько. Извѣстныя намъ данныя опровергаютъ показаніе ея объ отсутствіи городовъ на Подольѣ до Корьятовичей: Бакота и другіе города встрѣчаются уже въ галицко-волынской лѣтописи XIII-го столѣтія. Толковать слова 1-й л.-р. лѣтописи: „и тогды въ Подольскои земли не был ни одинъ *городъ*“ (стр. 44) въ смыслѣ отсутствія укрѣпленій нѣтъ основанія, потому что слово *городъ* въ то время не имѣло такого исключительнаго значенія. Не подтверждается извѣстіе 1-й л.-р. лѣтописи и о томъ, что Корьятовичи „босакомъ выхода не почали давати“ (стр. 44:) дань платилась татарамъ и послѣ 1363 г. Татарскіе ханы, разбитые Ольгердомъ, съ умысломъ названы „отчичами и дедичами Подольскои земли“. Такъ могли быть названы потомки Ногая, но едвали они постоянно и преемственно владѣли Подольскою землею, на дань съ которой, безъ сомнѣнія, заявляла притязаніе Золотая Орда. На это какъ-бы намекаютъ слова 2-й литовско-р. лѣтописи, что татарскіе баскаки отвозили подольскую дань *въ Орду*; лѣтопись говоритъ, что „тые три браты у Ордѣ пановали“ (стр. 19). Обѣ литовско-

спорать права Литвы на Подолье? Несмотря на побѣду Ольгерда, Корьятовичи должны были вновь бороться съ татарами: они „вошли у приязнь со атаманы, почали боронити Подольскую землю от Татарь“ [1]). Освобожденіе Подолья видимо было неполное [2]), и Але-

———

русскія лѣтописи пользовались однимъ источникомъ для исторіи Подолья, но въ 1-й нѣтъ только что указанныхъ прибавокъ. Золотая Орда могла собирать „выходъ“ одновременно съ ногайцами, которые могли набѣгать съ Черноморскаго побережья, гдѣ они кочевали вплоть до Дуная. Такъ, надобно исправить, быть можетъ, замѣчаніе Стрыйковскаго о томъ, что онъ видѣлъ въ Добруджѣ потомковъ подольскихъ татаръ, говорившихъ по славянски. Вліяніе славянъ на татаръ вѣроятнѣе всего могло обнаружиться въ придунайскихъ земляхъ начиная со второй половины XIII-го столѣтія. О татарахъ на низовьяхъ Дуная см. ст. архим. Леонида: „Ханъ Нагай и его вліяніе на Россію и южныхъ славянъ“ въ „Чт. въ Имп. Общ. Ист. и древн. Росс.“ 1868, кн. III; Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одесса 1878, стр. 350 и др., въ особенности стр. 375, 383, 387, 535. На Подольѣ, судя по словамъ лѣтописи, татары не жили совмѣстно съ русскими; съ атаманами сносились только баскаки. Отмѣтимъ, далѣе, сомнительное извѣстіе 1-й л.-р. лѣт. о томъ, что Подолье было заложено Ягайломъ Спытку за 20000. См. замѣчанія г. Смольки въ его „Szkice historyczne, serya pierwsza, Warsz. 1882“, стр. 60—61. Вообще можно усмотрѣть немало неточностей въ разсказѣ этой лѣтописи. Укажемъ, напр., въ дальнѣйшей исторіи Подолья на невѣрность слѣдующаго разсказа: „...Князь великии Витовтъ идѣ в землю Подольскоую; а князю Володимироу Олгирдович тогда соущу в Киевѣ, и не восхотѣ покоры оучинити и чоломъ оударити великомоу князю Витовтоу... князь великии Витовть выведѣ его с Киева... самь ж... поидѣ на Подольскоую землю“ (стр. 39—40). Витовтъ вывелъ Владиміра изъ Кіева потому, что ранѣе обѣщалъ то Скиргайлу (Cod. ep. Vit., № XCVIII, p. 31). Покореніе Подолья произошло ранѣе подчиненія Кіева: Подолье принадлежало Витовту уже въ маѣ 1393 (Cod. ep. № CV), а Владиміръ сидѣлъ въ Кіевѣ еще въ началѣ 1394 г. (Cod. epist. № CIX, p. 35). По словамъ 1-й л.-р. лѣт., въ Винницѣ сидѣлъ Витовтовъ староста, когда половина Подольской земли была уступлена Витовтомъ Ягайлу, но это неправда: Винница также была отдана Ягайлу.—Въ виду всего этого, намъ кажется, не слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу 1-й л.-р. лѣтописи о присоединеніи Подолья къ Литвѣ.

[1]) 1-я л.-р. лѣтопись, стр. 44.

[2]) Подольскіе князья продолжали платить дань татарамъ. Впрочемъ,

ксандръ Корьятовичъ погибъ во время борьбы съ татарами, которые, значитъ, не оставили своихъ притязаній на владычество на Подольѣ. Ясно, что разбитіе трехъ татарскихъ царьковъ Ольгердомъ не имѣло рѣшающаго значенія, и нѣтъ твердыхъ основаній думать, что занятіе Подолья Корьятовичами произошло непосредственно вслѣдъ за битвой на Синей Водѣ и тогда только стало возможнымъ.

2) 1-я литовско-русская лѣтопись не ставитъ опредѣленной даты и выразилась лишь такъ, что присоединеніе Подолья къ Литвѣ совершилось по утвержденіи верховнаго владычества Ольгерда: „Коли государемь был на Литовьскои земли кнзь великии Олгирдъ...“ 2-я лит.-р. лѣтопись повторяетъ разсказъ 1-й, но опускаетъ только что приведенныя слова ея, относитъ это событіе къ 1351 г. и говоритъ о завоеваніи Подолья послѣ разсказа о смѣщеніи Явнутья. Принявъ эту дату, пришлось бы допустить, что Корьятовичи отправились на Подолье во время борьбы Литвы съ Казиміромъ, и такое движеніе было совершенно понятно, такъ какъ Казиміръ могъ попытаться захватить Подолье одновременно съ Галичемъ и Волынью.

3) Таковы извѣстія дошедшихъ до насъ литовско-русскихъ лѣтописей. Сохранилось упоминаніе о третьемъ изводѣ того же сказанія, именно у польскаго историка XVI-го вѣка Кромера [1]). Разсказавъ о выведеніи изъ Кіева Витовтомъ Владиміра Ольгердовича, о княженіи тамъ и о смерти Скиргайла, Кромеръ продолжаетъ: „Prosequitur deinde Lituanica historia, Vitoudum Kiouiensibus misisse ducem Ioannem Olgemundi filium... *Tartaros deinde a legato Vitoudi Olgerdo* duce profligatos, caesis tribus eorum ducibus, quibus Podolia tributum pendebat. Theodorum autem Coriathi filium Podoliae ducem, imperium Vitoud-detrectantem, uictum captumque, et Bratislauiam, Cameneciam, Smotri, ciam, Scalam, Ceruonygrodum et omnem Podoliam in potestatem rei dactam esse. Postea uero Vitoudum Vuladislao regi petenti partem Podoliae cum supra memoratis arcibus concessisse, quadraginta millibus florenorum ab eo acceptis. *Haec ita bona fide e Lituanica historia hic*

грамота Александра Корьятовича 1375 г. считается подложною. Ср. Стадницкаго Koriat, стр. 124—125.

[1]) Стрыйковскій (Kronika, t. II, стр. 111) передаетъ этотъ изводъ съ нѣкоторыми подробностями, заслуживающими вниманія.

retulimus" [1]). Такимъ образомъ, по словамъ Кромера, въ какой-то Lituanica historia разбитіе трехъ татарскихъ хановъ, которые брали дань съ Подолья, было отнесено ко времени Витовта и усвоялось его полководцу Ольгерду. При обсужденія приведенныхъ словъ Кромера возникаетъ прежде всего вопросъ, не изобрѣтена ли имъ самимъ цитируемая имъ Lituanica historia? На нашъ взглядъ,—нѣтъ, потому что самъ Кромеръ возражаетъ противъ своего источника и не извлекаетъ изъ него никакихъ выводовъ въ защиту собственнаго мнѣнія; онъ не отвергалъ занятія Подолья Корьятовичами и утверждалъ только, что Казиміръ занялъ западную часть Подолья—до Кременца. Повидимому, въ этой Lituanica historia должно признать списокъ литовско-русской лѣтописи, не дошедшій до насъ. Если сопоставимъ разсказъ Кромера съ 1-ю л.-р. лѣтописью [2]), то увидимъ значительныя совпаденія между ними въ послѣдовательности разсказа о событіяхъ, совершившихся во время занятія Витовтомъ Кіева и Подольской земли: въ обоихъ источникахъ одни и тѣже извѣстія о Рязани, Смоленскѣ, о свиданіи Московскаго князя съ Витовтомъ. Но только, повидимому, „исторія", которою пользовался Кромеръ, излагала связно судьбы Подолья, чего не видимъ въ дошедшей до насъ 1-й л.-р. лѣтописи, въ которую разсказъ о Подольѣ вставленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Авторъ этой лѣтописи, который, какъ самъ говоритъ, былъ малолѣтенъ во время смерти Скиргайла [3]), заимствовалъ извѣстія о Подольѣ изъ хроники, упоминаемой Кромеромъ, но разбитіе трехъ татарскихъ хановъ приписалъ великому князю Ольгерду. Были и еще отмѣны въ спискѣ, который имѣлъ предъ собою Кромеръ: по его словамъ, Юрій Корьятовичъ былъ убитъ „a Valachis ei ore finitimis", а въ 1-й лит.-р. лѣтописи говорится: „А князя Юрья Волохове возма къ собе его воеводою и тамо его откормили" [4]). Наше предположеніе о несамостоятельности исторіи Подолья, переданной въ этой послѣдней лѣтописи, подтверждается тѣмъ, что эта исторія имѣетъ тамъ видъ эпи-

---

[1]) Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Basileae 1554, p. 376.

[2]) Стр. 39—41, 45.

[3]) „Азъ ж того не вемь, зане ж бехъ тогды младъ".

[4]) Стр. 45.

зодической вставки, прервавшей собою погодную запись событій: она поставлена некстати къ концу правленія Витовта [1]), между разсказами объ освобожденіи Свидригайла и о Луцкомъ съѣздѣ. На болѣе соотвѣтственномъ мѣстѣ поставленъ разсказъ о Подольѣ во 2-й лит.-р. лѣт. Вообще 1-я л.-р. лѣтопись излагаетъ событія безъ строгаго порядка и ставитъ иной разъ позднѣйшій годъ предъ болѣе раннимъ.

4) Въ Густинской лѣтописи повторено вкратцѣ извѣстіе сохранившихся литовско-русскихъ лѣтописей, но при этомъ выставленъ 1362 годъ: „Въ сіе лѣто Олгердъ побѣди трехъ царьковъ Татарскихъ и зъ ордами ихъ, си естъ, Котлубаха, Казчея (вар. Качбея), Дмитра; и оттоли отъ Подоля изгна власть Татарскую“ [2]). На полѣ противъ этого извѣстія читаемъ въ печатномъ текстѣ: „Гвагн. о Литвѣ 26“. И дѣйствительно у Гваньини говорится объ Ольгердѣ: „Tartarorum Regulos fratres Germanos Kutlubachum, Kaczbeium et Dmeitrum profligauit, Podoliaque eiecit“ [3]). Сходство обоихъ извѣстій несомнѣнно, но необходимо выяснить, откуда взялъ составитель Густинской лѣтописи дату, которая, что̀ въ особенности замѣчательно, совпадаетъ съ годомъ, поставленнымъ въ Никоновской лѣтописи. Объясненіе можетъ быть двоякое. Заимствуя у Гваньина извѣстіе о Синеводской битвѣ, лѣтописецъ могъ взять годъ изъ лѣтописи, которою воспользовался Никоновскій сводъ. Но Густинская лѣтопись могла узнать объ этой битвѣ и не изъ Гваньина, что̀ вѣроятно въ виду нѣкоторыхъ частностей [4]), а прямо изъ лѣтописи, изъ которой черпалъ и Гваньинъ. Если предположить, что въ этой послѣдней былъ выставленъ 1362 годъ, то этимъ только повторилось бы извѣстіе Никоновскаго свода о походѣ въ 1362 году на татаръ, но не было-бы еще доказано отношеніе разбитія ихъ къ занятію Подолья. Гваньинъ или источникъ его и

---

[1]) А между тѣмъ лѣтописцу представлялся случай ранѣе подробно поговорить о Подольѣ, когда шла рѣчь о походѣ Витовта противъ Ѳедора Корьятовича: стр. 39—40.

[2]) Полн. собр. р. лѣт., II, 350.

[3]) Guagninus, Rerum Polonicarum Tomi tres, Francofurti 1584, t. I, 321.

[4]) Обращаемъ вниманіе на незначительное различіе обоихъ разсказовъ: въ Густинской лѣтописи не находимъ словъ, соотвѣтствующихъ замѣчанію Гваньина: „fratres germanos“ и, наоборотъ, встрѣчаемъ подробность „и зъ ордами ихъ“, опущенную Гваньиномъ.

вмѣстѣ Густинской лѣтописи говорилъ о присоединеніи Подолья къ Литвѣ, руководствуясь дошедшими до насъ л.-р. лѣтописями [1]), показаніе которыхъ, какъ мы видѣли, возбуждаетъ большія сомнѣнія, да вдобавокъ исказилъ ихъ, потому что усвоилъ занятіе Подолья самому Ольгерду, что, во всякомъ случаѣ, невѣроятно.

5) Извѣстіе, сообщенное Густинскою лѣтописью, составляетъ какъ-бы переходъ къ такому-же краткому упоминанію, занесенному подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновскій сводъ. Тамъ говорится: „Того же лѣта Литва взяша Коршеву. Того-же лѣта князь великии литовскии Олгердъ Гедиминовичь Синюю воду и Белобережие повоева" [2]). Упомянутое здѣсь Бѣлобережье находилось гдѣ-то на востокѣ южнорусской Украины. По мнѣнію Лерберга, Несторово Бѣлобережье находилось у Херсона. Чертковъ искалъ его на островѣ Левки. Вагнеръ, Шлёцеръ и Штриттеръ полагали, что Несторово Бѣлобережье было въ окрестностяхъБерезанскаго лимана. Къ тому же склоняется и окончательное мнѣніе Бруна [3]). На картахъ сѣвернаго черноморскало побережья XIV-го столѣтія встрѣчается въ окрестностяхъ Березанскаго лимана barbarese, которое Брунъ готовъ былъ удачно объяснить, какъ искаженіе слова Бѣлобережье [4]). По Костомарову Бѣлобережьемъ въ XIV столѣтія называлось „пространство вверхъ отъ Чернаго моря между низовьями Днѣпра и Днѣстра" [5]). В. Б. Антоновичъ говоритъ, что „имя это изстари носило Днѣпровское порѣчіе отъ пороговъ до устья" [6]). Въ извѣстномъ спискѣ городовъ, внесенномъ въ Воскресенскую лѣтопись, Бѣлобережье поставлено между Ржищевымъ и Самарою и Броницей. Быть можетъ, Никоновская лѣтопись разумѣла то самое Бѣлобережье, которое находилось въ XIII-мъ столѣтіи за Болоховскою землею. Вопросъ о томъ, что такое Бѣлобережье 1362 г., еще остается открытымъ, но какъ-бы ни толковать Бѣлобережье, не-

---

[1]) Въ этихъ лѣтописяхъ первымъ названо имя Хачебея (вар. Хочебая, Хачибея).

[2]) Никон. лѣт. IV, 5.

[3]) Брунъ, Черноморье, I, 90 и сл.

[4]) Тамъ же, 87 и 168.

[5]) Историческій Вѣстникъ 1880, № 5, стр. 180.

[6]) Стр. 150.

сомнѣнно, что походъ великаго князя Литовскаго имѣлъ цѣлью обезопасить *восточныя* границы Литвы отъ татарскихъ набѣговъ и укротить татаръ, кочевавшихъ гдѣ-то у устьевъ Днѣпра, быть можетъ— крымскихъ: съ этимъ согласуется упоминаніе о взятіи Херсона (Коршева [1]), предшествовавшемъ занятію Синей Воды и Бѣлобережья. Со стороны Крыма была главная опасность, и потому-то Витовтъ основалъ Очаковъ [2]). Въ ярлыкѣ 1362 г. Кутлубуга названъ начальникомъ Крымской области. Если Ольгердъ думалъ занять Подолье и освободить его отъ власти *Подольскихъ* татаръ, то ему нечего было направляться къ Крыму. Если даже Подолье зависѣло отъ Крымскихъ татаръ, то все-таки въ 1362 году дѣло шло не о немъ. Возможно, что Ольгердъ желалъ обезопасить Кіевскую землю отъ нападеній татаръ и смѣстилъ Θеодора, какъ ненадежнаго подручника.

6) Въ ряду извѣстій о Подольѣ въ XIV столѣтіи разсказъ Стрыйковскаго, представляющій развитіе сказаннаго у Гваньина [3]), долженъ занять послѣднее мѣсто. Повидимому, этотъ историкъ собиравшій столь тщательно матерьялы, имѣлъ подъ руками данныя, отличающіяся отъ дошедшихъ до насъ источниковъ. О разбитіи трехъ татарскихъ хановъ онъ говоритъ въ двухъ мѣстахъ своей хроники. Въ первомъ онъ повторилъ сказанное въ имѣющихся у насъ литовско-русскихъ лѣтописяхъ, но при этомъ раскрасилъ ихъ извѣстія подробностями о битвѣ на Синей Водѣ и своими домыслами и наблюденіями. Къ числу домысловъ относится дата, выставленная Стрыйковскимъ—1351-й годъ, которая не заслуживаетъ даже опроверженія. Не есть-ли она искаженіе даты, поставленной во 2-й литовско-русской лѣтописи, или-же она умышленно сочинена Стрыйковскимъ, отстаивавшимъ права Литвы на Подолье [4])?— Нѣкоторыя изъ соображеній Стрыйковскаго, хотя не могутъ быть принимаемы за свидѣтельства, не внушающія сомнѣнія, представляютъ

[1]) Брунъ напрасно думалъ, что вмѣсто Коршевъ слѣдуетъ читать Ржевъ.

[2]) „...quae quondam Vitoldi tempore Lituaniae colonia erat.“ Guagn., 321. Ср. въ Густинской лѣтописи подъ 1415: „...въ то время Очаковъ подъ властію Полскою бѣ“. П. С. Р. Л. II, 353.

[3]) Kronika, t. II, str. 6—8.

[4]) Это послѣднее видно изъ его словъ на стр. 104—107.

интересъ. Прежде всего заслуживаетъ вниманія догадка Стрыйковскаго о томъ, что Подолье находилось въ зависимости отъ Крымскихъ татаръ [1]): она подтверждается сообщеніемъ, что по имени Качибея „i dziś jest nazwane jezioro słone w dzikich polach ku Oczakowi idąc Kacibejskie“. Не лишены правдоподобія и предположенія, что походъ Ольгерда былъ вызванъ набѣгами татаръ и что на Подольѣ, до занятія его литовцами, не было замковъ [2]). Въ особенности важно сообщеніе Стрыйковскаго, что онъ видѣлъ въ Добруджѣ татаръ, изгнанныхъ изъ Подолья Литвою [3]). На основаніи ихъ преданія Стрыйковскій, допуская зависимость Подолья отъ татаръ Перекопскихъ, заключилъ также, что и на Подольѣ сверхъ того были татары во время похода Ольгерда, которыхъ онъ также будто-бы разбилъ. Если вѣрить, Стрыйковскому, это были какія-то шайки, не имѣвшія никакихъ вождей [4]). Подолье какъ-бы признавало двойную зависимость: отъ татаръ ближайшихъ и отъ ордъ Перекопскихъ. Подольскіе татары видимо не принадлежали къ тѣмъ, которые жили въ Крыму, потому что, убѣжавъ по разбитіи на Подольѣ „przez Dniestr nad Czarne morze i do Prekopu“, поселились потомъ въ Добруджѣ. Намъ кажется, что, въ виду извѣстія литовско-русскихъ лѣтописей, нѣтъ основаній думать, что татары жили на самомъ Подольѣ. Стрыйковскій могъ слышать сохранявшееся у нихъ преданіе, но оно было неопредѣленно и сообщало просто о пребываніи нѣкогда Добруджскихъ татаръ на Подольѣ, затѣмъ въ Перекопѣ, и о переселеніи потомъ въ Добруджу. Это преданіе, *не указывавшее дать*, Стрыйковскій пріурочилъ ко времени Ольгерда, между тѣмъ какъ оно могло относиться къ болѣе поздиему времени и, во всякомъ случаѣ, было неясно. Намъ кажется, что Добруджскіе

---

[1]) „Tatarowie Prekopscy i Krymscy w ten czas wszystki pola dzikie za Kijowem szeroko leżące, i Podole wszystko Litewskim ziemiąm przyległe trzymali“...

[2]) Такъ понялъ Стрыйковскій слова литовско-русскихъ лѣтописей о томъ, что на Подольѣ во время татарскаго господства не было городовъ.

[3]) „A ci potym w Dobruckich polach osiedli, za Dunajem na gościńcu Tureckim którymeśmy i my jachali, przeniozwszy się u Oblucice i Silistriej przez hordę tych Tatarów Dobruckich, których też większa część słowieńskim językiem mówią, i gospodarstwem się bawią, i nas wdzięcznie przyjmowali, i częstowali winnymi gronami i garbuzami słodkimi, też to sami gdym ich pytał powiadali, iż przodkowie ich *z Podola od Litwy* byli wygnani.“

[4]) „Wodzów ani carza niemieli.“

татары—потомки татаръ, рыскавшихъ въ придунайскихъ земляхъ со второй половины XIII в., или же остатки бродячихъ шаекъ, кочевавшихъ по Черноморскому побережью, также называвшемуся Подольемъ [1]), и прогнанныхъ оттуда не при первомъ занятіи Подолья Литвою, а позже,—Корьятовичами или при Витовтѣ. Борьба съ татарами за Подолье не прекратилась до начала XV-го столѣтія [2]). Стрыйковскій далъ полный просторъ своей фантазіи въ описаніи занятія Подолья Литвою и до того увлекся, что приписалъ Ольгерду очищеніе отъ татаръ земель до Волги. Одна лишь подробность говоритъ, повидимому, въ пользу предположенія, что въ литовско-русскихъ лѣтописяхъ, бывшихъ предъ Стрыйковскимъ въ этомъ случаѣ, заключалось нѣкоторое отличіе по сравненію съ дошедшими до насъ: третій изъ татарскихъ царьковъ, разбитыхъ Ольгердомъ, названъ у Стрыйковскаго Dimeitr Soltan, а второй Kacibej. Замѣчательно, что у Кояловича имена этихъ вождей переданы опять въ иной формѣ: „Katlubach Soltan, Kaczybey Gierey et Dimeyter Soltan" [3]). Но, какъ Кояловичъ измѣнилъ въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію имена, найденныя у Стрыйковскаго, такъ и послѣдній позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить имена, встрѣченныя въ лѣтописяхъ.—Въ другомъ мѣстѣ своей хроники [4]) Стрыйковскій приписывалъ, подобно Кромеру, разбитіе трехъ татарскихъ хановъ Ольгерду, полководцу Витовта, и, повидимому, пользовался при этомъ особымъ, подобнымъ Кромерову спискомъ л.-р. лѣтописи.

7) Особую группу данныхъ о Подольѣ въ XIV-мъ столѣтіи составляютъ польскія, имѣвшія цѣлью утвердить права Польши на Подолье. Эти данныя возбуждаютъ вопросъ, который не лишенъ важности для критики извѣстій, переданныхъ литовско-русскими лѣтописями, вопросъ о томъ, какъ далеко на востокъ простирались въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XIV-го столѣтія владѣнія Казиміра. Сохранились жалованныя грамоты этого короля на земли на Подольѣ [5]).

---

[1]) Это доказываетъ разсказъ Гилльбера де Лянноа. Существуетъ и иное извѣстіе о Добруджскихъ татарахъ. Hammer-Purgstall, 353.

[2]) 1-я л. р. лѣт., изд. Попова, стр. 46; слова Ягайла Витовту: „...а пани Спыткова овдовела, а дети малы, а *отъ Татаръ земли некомоу боронити*"...

[3]) Historiae Litvanae pars prior, Dantisci 1650, p. 288.

[4]) Стр. 111.

[5]) См., напр., Starożytna Polska II, 1011.

Стадницкій признаетъ ихъ подложными [1]), но намъ кажется весьма вѣроятнымъ временное присоединеніе къ Польшѣ при Казимірѣ западной части Подолья, о которомъ говорятъ Длугошъ и Кромеръ [2]). На это указываетъ какъ-бы исторія послѣдующаго времени. При Ягайлѣ судьбы Подолья связывались съ судьбами Червонной Руси, и, повидимому, Венгрія имѣла какія-то притязанія на Подолье [3]), что заслуживаетъ вниманія. Эти притязанія могли основываться на правахъ на наслѣдіе Казиміра, если не выводились изъ вассальной покорности Θедора Корьятовича. Витовтъ долженъ былъ отдать Ягайлу половину Подольской земли, замки Каменецъ, Смотричъ, Чирвоныгродъ, Скалу, Бакоту, Межибожье, Божскій, Винницу. Послѣдніе три города Ягайло намѣревался удержать для себя и своихъ наслѣдниковъ, что также характерно, а остальную часть уступленнаго

---

[1]) Koriat, стр. 136.

[2]) Длугошъ положительно утверждалъ занятіе Подолья Казиміромъ. Подъ 1352 г. у него упомянута Podolia Regno Poloniae subiecta (изд. 1711, p. 1069). По его словамъ, „Podoliam... Casimirus secundus Poloniae optimus rex armis et ferro de Thartarorum potestate et manibus quesierat...“ Кромеръ также говоритъ о занятіи Казиміромъ Подолья „usque ad Cremeneciam“ (p. 376). Подольскіе города, принадлежавшіе Казиміру, указаны подъ 1447 г. въ рѣчи польскихъ пословъ на сеймѣ; это: Каменецъ, Хотинъ, Чекунъ, Бакота, Межибожье.—Извѣстіе это считается тенденціознымъ. Восточныя границы владѣній Казиміра указаны Стадницкимъ: Koriat, стр. 132--133.—Въ дополненіе къ приведеннымъ у него даннымъ обратимъ вниманіе на то, что Казиміру и Владиславу Опольскому принадлежали „Districtus Trebowliensis et Sczenca“, причислявшіеся, повидимому, къ позднѣйшему Подолью (Cod. ep. Vit. № CXV, p. 39). Укажемъ въ связи съ этимъ на то, что въ концѣ XIV-го столѣтія къ Подолью принадлежали города Межибожье и *Божскій:* значитъ, въ него вошла часть Болоховской земли. Бѣлобережье, по прежнему, было отдѣльно, о чемъ см. выше—при разборѣ извѣстія Никоновской лѣтописи подъ 1362 г.

[3]) Въ договорѣ Ягайла съ королемъ Сигизмундомъ, относящемся къ 1412 году, говорится: „Quibus treugis durantibus prefatus dominus Wladislaus rex Poloniae etc. terram Russie teneat pacifice prout tenet, sine impedimento dicti domini Sigismundi regis vel regnorum aut subditorum ejus aliquali, in terra autera Podolie, idem dominus Sigismundus rex promisit eundem dominum Wladislaum regem per se necper suos subditos facere impediri, nec alicui ad illam impediendam consilium vel auxilium vel favorem procurare treugis durantibns prenotatis. Cod. ep. Vit., № XDII, p. 229.

ему Подолья предоставилъ 13 іюля 1395 года въ вѣчное владѣніе знаменитому польскому магнату того времени, Спытку изъ Мельштына [1]). Неизвѣстно достовѣрно, на чемъ основывалось требованіе Ягайла относительно половины Подолья, на правахъ ли его, какъ польскаго короля, или въ силу того, что онъ считался верховнымъ владѣтелемъ всей Литвы [2]). Движенію Витовта на Подолье предшествовало пожалованіе ему Ягайломъ въ 1394 г. Каменца. Быть можетъ, это обстоятельство нѣсколько объясняетъ сущность сдѣлки польскаго короля и великаго князя Литовскаго: первый предоставилъ Витовту право отнять Подолье у Корьятовича.

8) Для исторіи Подолья въ XIV-мъ столѣтіи было-бы весьма важно найдти какія-нибудь восточныя извѣстія о татарахъ, съ которыми могли сталкиваться Литовскіе князья въ Приднѣпровьѣ и на Подольѣ. Къ сожалѣнію, восточные источники представляютъ мало цѣнныхъ данныхъ о томъ [3]) и, напротивъ, ставятъ въ затрудненіе изслѣдователя, называя цѣлый рядъ Кутлубугъ [4]). Hammer-Purgstall, повидимому, не имѣлъ предъ собою другихъ извѣстій о Подольѣ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше, и повторилъ дважды извѣстіе о разбитіи Оль-

---

[1]) Cod. ep. Vit., p. 39.

[2]) Θедоръ Корьятовичъ призналъ послѣ 1386 г. верховную власть Ягайла. Kromer, p. 376. Спытко и его наслѣдники должны были признавать верховную власть польскихъ королей, и въ тоже время Подолье было пожаловано ему на литовскомъ правѣ: „cum pleno jure ducali, quo ceteri nostri *duces Lithuaniae et Russiae* frui soliti sunt..." Г. Смолька думаетъ, что вся эта сдѣлка была устроена Витовтомъ, желавшимъ привлечь на свою сторону Спытка, стоявшаго до того времени во главѣ враговъ Витовта въ Польшѣ, и тѣмъ пріобрѣсти вліяніе на польскія дѣла. По мнѣнію г. Смольки, Спытко, получивъ Подолье, сталъ подручникомъ литовскаго князя и признавалъ его верховную власть (это доказывается участіемъ его въ походѣ 1399 г.), не теряя въ тоже время своего значенія въ Польшѣ. Szkice historyczne, стр. 48—50, 63. Силу доводовъ г. Смольки ослабляетъ то обстоятельство, что въ походѣ 1399 г., кромѣ Спытка, приняли участіе и другіе польскіе вельможи.

[3]) Hammer-Purgstall, Gesch. d. Gold. Horde 1840, s. 315.—Новѣйшею монографіею Howorth'a о татарахъ (History of the Mongols, 1877) мы не могли воспользоваться.

[4]) Hammer-Purgstall, s. 297—298, 303, 317, 331, 337—338, 352, 364.—О Хаджибеѣ стр. 325.

гердомъ трехъ татарскихъ хановъ, одинъ разъ подъ 1333 г., слѣдуя Стрыйковскому и польскимъ анналистамъ, а въ другой разъ подъ 1363 г. [1]). Одинъ разъ онъ считалъ этихъ татаръ Крымскими, а въ другой разъ приводитъ ихъ на Подолье изъ Ѳракіи.

Что касается указываемой В. Б. Антоновичемъ дружбы татаръ съ Ольгердомъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIV-го столѣтія, то она не говоритъ противъ возможности занятія Подолья уже въ то время: неизвѣстно, что это были за татары: тѣ ли, которые кочевали къ западу отъ Днѣпра, или приволжскіе, смотрѣвшіе на захватъ Казиміромъ Львовской земли, какъ на завладѣніе ихъ улусомъ. Послѣ 1349 г. Ольгердъ могъ примириться съ Золотою Ордою. Во всякомъ случаѣ, необходимо доказать, что татары, помогавшіе Ольгерду, кочевали на Подольѣ. Да и не тенденціозною ли прикрасою со стороны Длугоша должно считать замѣчаніе, что татары нападали на польско-русскія земли по *наущенію* Ольгерда? Возможность нападеній татаръ на Польшу предусматривалъ мирный договоръ Казиміра и князей Мазовецкихъ съ князьями литовскими. Очевидно, татары не примирились сразу съ занятіемъ Львовской земли поляками, такъ какъ считали за собою верховныя права на всѣ русскія земли. Татары помогали Ольгерду и до 1351 г. [2]). Это также бросаетъ тѣнь на извѣстіе о союзѣ Ольгерда съ татарами около 1351 г. Легко могло статься, что во всѣхъ этихъ случаяхъ выступали просто отдѣльныя бродячія шайки, которыхъ было немало на всемъ протяженіи Черноморскаго побережья, начиная отъ Дуная, и которыя готовы были пристать ко всякому ради добычи. Систематической политики онѣ, конечно, не преслѣдовали и потомъ присоединились къ Казиміру. Вообще извѣстіемъ о союзѣ Ольгерда съ татарами трудно воспользоваться для какого-нибудь опредѣленнаго вывода, въ виду совершенной неясности его.

Мы разсмотрѣли всѣ важнѣйшія свидѣтельства источниковъ о Подольѣ въ XIV-мъ столѣтіи. Разборъ ихъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

---

[1]) Тамъ-же, стр. 297 и 319.

[2]) По словамъ Виганда Марбургскаго подъ 1347 г. (Script. rer. Pruss. II, 508), „der grosz furst Olgerdus mit hulffe seines brudern Kinstoudi... eine grosse macht volcks von Littawen, Reussen und *benachbarden vnglaubigen* versamleten“. Ранѣе Владиславъ Локетекъ хлопоталъ о крестовомъ походѣ противъ татаръ и литовцевъ.

Какая-то лѣтопись, изъ которой черпалъ авторъ 1-й дошедшей до насъ л.-р. лѣтописи, а также Кромеръ, приписывала разбитіе татарскихъ хановъ, которымъ Подолье платило дань, Ольгерду, полководцу Витовта, и не отрицала въ тоже время болѣе ранняго покоренія Подолья Корьятовичами.

Древнѣйшій прямо дошедшій до насъ разсказъ о присоединеніи Подолья къ Литвѣ, занесенный въ 1-ю л.-р. лѣтопись, не заключаетъ опредѣленной даты. Онъ ставитъ рядомъ походъ великаго князя Ольгерда на татаръ къ Синей Водѣ и занятіе Подолья Корьятовичами, но изъ него не видно, въ какой связи произошли эти событія, были-ли они тѣсно взаимно обусловлены, и какъ скоро одно совершилось послѣ другаго. Что первоначально извѣстіе о побѣдѣ Ольгерда отдѣлялось въ источникахъ отъ разсказа о занятіи Подолья Корьятовичами, доказываетъ между прочимъ разсказъ Кромера.

Косвенно это подтверждается извѣстіемъ Никоновской лѣтописи подъ 1362 г. Она не знаетъ завоеванія Подолья и говоритъ только о походѣ Литовскаго князя къ устьямъ Днѣпра. Столкновеніе съ Крымскими татарами, которыхъ, по всей вѣроятности, разбилъ великій князь Литовскій [1]), могло произойдти, какъ вслѣдствіе предварительнаго занятія Подолья Литвою, такъ и по инымъ причинамъ.

Неизвѣстно точно, отъ какихъ татаръ стояло Подолье въ зависимости до присоединенія его къ Литвѣ, отъ Золотой-ли Орды, отъ Крымскихъ улусовъ, или отъ Ногайевъ [2]).

Извѣстіе Густинской лѣтописи не заслуживаетъ вовсе того вниманія, какое можно удѣлять извѣстіямъ, занесеннымъ въ поздній Никоновскій сводъ; эти послѣднія вполнѣ замѣняютъ первое, но еще нуждаются сами въ провѣркѣ, потому что сомнительно, чтобы Ольгердъ могъ рѣшиться на открытую борьбу съ Золотою Ордою, въ зависимости отъ которой стоялъ въ то время Крымъ: съ татарами не могъ совладать даже Витовтъ, какъ то показала битва на Ворсклѣ. Въ виду того мы вслѣдъ за Бруномъ [3]) признаемъ вѣроятнымъ отне-

---

[1]) Ср. Hammer-Purgstall., s. 297, 303. Всѣ данныя говорятъ въ пользу того предположенія, что были разбиты Крымскіе татары.

[2]) Ногайцы могли кочевать къ востоку отъ Днѣстра. Брунъ, Черноморье, I, 79. Въ 1421 г. Джамбулукская орда находилась, быть можетъ, у Днѣпра. Брунъ, Путешествія Ивана Шильтбергера, Одесса 1866, стр. 61

[3]) Черноморье I, 171—173.

сеніе Синеводской битвы ко времени Витовта, полководцемъ котораго былъ Ольгердъ, упоминаемый въ источникахъ [1]). Тожество имени этого вождя съ именемъ извѣстнаго великаго князя могли подать поводъ приписать послѣднему дѣло, совершенное другимъ, и это было на руку литовскимъ лѣтописцамъ, желавшимъ доказать, что Подолье по всѣмъ правамъ должно было принадлежать Литвѣ.

Съ полною увѣренностью можно говорить только о занятіи Подолья Корьятовичами при Ольгердѣ, но время и обстоятельства этого событія также не могутъ быть точно установлены на основаніи существующихъ свидѣтельствъ. Судя по тому, что́ намъ извѣстно о Корьятовичахъ, сомнительно, чтобы всѣ они принимали участіе въ занятіи и защитѣ Подолья и сидѣли тамъ постоянно: нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаемъ въ иныхъ мѣстахъ въ годы, когда Подолье было уже завоевано.

Древнѣйшая опредѣленная дата покоренія Подолья Литвою находится во 2-й л.-р. лѣтописи.

Нельзя настаивать на полной достовѣрности ея въ виду того, что авторъ этой лѣтописи составилъ свой разсказъ примѣнительно къ 1-й л.-р. лѣтописи, но онъ могъ пользоваться такимъ спискомъ послѣдней, заключавшимъ нѣкоторыя отступленія отъ уцѣлѣвшихъ досслѣ, въ которомъ могъ быть выставленъ 1351-й годъ.

Самъ по себѣ этотъ годъ не можетъ возбуждать особенныхъ сомнѣній.

Во время борьбы Литвы съ Польшей за южную Русь естественно было каждой изъ сторонъ попытаться захватить Подолье, находившееся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ галицко-волынскою Русью и могшее причисляться къ ней въ западной своей части. Изъ Луцкой земли, принадлежавшей Литвѣ съ 40-хъ годовъ XIV столѣтія, открывалась дорога на Подолье, которое было смежно. Обратимъ вниманіе на то,

---

[1]) Молчаніе объ Ольгердѣ въ послѣдующее время можетъ объясняться гибелью этого вождя во время похода 1399 г. Замѣтимъ, что имя Ольгерда могло быть и не чисто литовскаго происхожденія, какое нѣкоторые усвояютъ ему (см. Журн. Мин. Нар. Просв., ч. LXVI, ст. Данилло: „Значеніе нѣкоторыхъ именъ литовскихъ князей и названій мѣстностей Литвы“, стр. 151). Въ концѣ XIV стол. упоминается въ исторіи Литвы Algardus, графъ Гогенштейнскій.

что около 1351 г. татары, обитавшіе у сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря, были ослаблены пораженіемъ, которое потерпѣли отъ Мадьяръ [1]). Если Подолье находилось въ зависимости преимущественно отъ этихъ татаръ, то литовцы легко могли занять его въ то время. Со стороны Польши не могло быть особенныхъ трудностей, потому что главнымъ полемъ борьбы были Волынь и Галицкая земля.

Всѣмъ сказаннымъ мы имѣли въ виду выдвинуть тѣ сомнѣнія, какія возникаютъ при сопоставленіи извѣстій о Подольѣ XIV-го столѣтія, и представить соображенія, позволяющія считать еще неопровергнутою дату, выставленную во 2-й литовско-русской лѣтописи. Несостоятельности ея не доказали ни г. Стадницкій, ни В. Б. Антоновичъ.

Съ завоеваніемъ Подолья, литовско-русское государство широко раздвинуло свои предѣлы и утвердилось даже на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря до Очакова включительно. Оттуда начали оттѣснять литовцевъ турки и татары только въ концѣ XV-го столѣтія, взявъ въ августѣ 1482 г. Аккерманъ, который въ современномъ этому событію извѣстіи названъ „ключемъ Литвы“ [2]) и который до того времени былъ важнымъ торговымъ городомъ, складочнымъ мѣстомъ Подольской пшеницы, отпускавшейся за границу [3]).

III.

Покореніемъ южной Руси окончательно опредѣлились идея литовско-русскаго государства и его дальнѣйшія задачи; на западѣ Руси оно стало преслѣдовать туже цѣль, какую на востокѣ поставила себѣ Москва, т. е. начало заботиться о собираніи русскихъ земель, и въ 1358 г. литовцы говорили императорскимъ посламъ, что вся Русь должна принадлежать Литвѣ [4]).

Этими стремленіями литовско-русскихъ князей были обусловлены надолго послѣдующія отношенія ихъ государства къ сосѣднимъ.

---

[1]) Stadnicki, Koriat, стр. 163 и сл.

[2]) Bibl. Ossol. poczet nowy, t. II, Lwów 1863, str. 344.

[3]) Dlug. II (1712), col. 1890.

[4]) Script. rer. Pruss. II, p. 80: „Item postulabant... quod nihil iuris ordo sibi reservaret apud Rutenos, sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere“. По словамъ 1-й л.-р лѣтописи (изд. Попова, стр. 42), Витовтъ надѣялся, что Тохтамышъ его „посадить на всей Роускои земли“.

До того времени главными врагами Литвы были галицко-волынскіе князья и нѣмецкій орденъ, вступившіе въ тѣсный союзъ, поддерживавшійся нѣсколькими поколѣніями [1]). Въ особенности былъ опасенъ Литвѣ нѣмецкій орденъ, питавшій непримиримую вражду къ ней, представлявшій значительную военную силу и отличавшійся замѣчательною военною организаціею. Весь католическій западъ внимательно слѣдилъ за ходомъ борьбы и постоянно высылалъ свѣжія силы для подкрѣпленія ордена.

Въ 1-й половинѣ XIV-го стол. литовско-русскіе князья начали и сами искать союзниковъ извнѣ и нашли ихъ наиранѣе въ орденскихъ земляхъ, хорошо высмотрѣвъ слабое мѣсто противника.

Внутреннимъ врагомъ ордена была прежде всего Рига. Споры высшаго духовенства съ Орденомъ въ занятыхъ нѣмецкими рыцарями прибалтійскихъ земляхъ начались довольно рано, можно сказать—еще въ первой половинѣ XIII-го стол. [2]), когда происходили разногласія изъ-за земель [3]). Ливонскіе рыцари пытались освободиться изъ-подъ авторитета Рижскаго епископа, но, тѣмъ не менѣе, при соединеніи ордена меченосцевъ съ нѣмецкимъ, первые, въ силу папской буллы, остались подчинены верховенству епископовъ. Лифляндскіе рыцари не оставили, конечно, своихъ стремленій выйдти изъ положенія, столь отличавшагося отъ положенія ихъ прусскихъ собратовъ, а для послѣднихъ былъ также прямой интересъ достигнуть полнаго господства въ странѣ, въ которой были ихъ владѣнія. Отсюда споръ съ епископами, который проходитъ красною нитью по всей исторіи лифляндскихъ рыцарей съ конца первой половины XIII-го стол. Булла Григорія IX, помѣченная 12 мая 1237 г., пролагала дорогу безпрерывнымъ распрямъ. Свѣтская власть епископовъ была несовмѣстима съ полновластіемъ Ордена. Это ясно сказалось, когда архіепископомъ Пруссіи, Лифляндіи и Эстляндіи былъ поставленъ съ конца 1253 г. Альбертъ Суэрбееръ. Уже въ

---

[1]) Первое столкновеніе литовцевъ съ прусскими рыцарями, вопреки Петру Дусбургскому, относится къ 40-мъ годамъ XIII-го вѣка. Theiner, I, № LXXXII.

[2]) См. Albert Suerbeer, Gesch. Darstellung von *P. v. Goetze*, St.-Petersb. 1854, s. 27—28.

[3]) Ib., 40; cf. 43.—О борьбѣ ордена съ Ригою подробное изслѣдованіе см. въ книгѣ *Rathlef'a*: d. Verhältn. des livländ. Ordens zu den Landesbischöfen u. zur Stadt Riga im 13 и 14. Jahrh. Dorpat 1875.

исторіи этого архіепископа встрѣчаются намеки на связи съ язычниками т. е. литовскими племенами, а равно при немъ начались столкновенія архіепископовъ съ городомъ Ригою. Вотъ въ эти-то распри и начали вмѣшиваться болѣе или менѣе дѣятельно литовскіе князья съ начала XIV вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они нашли и другое средство для болѣе успѣшной борьбы съ своимъ постояннымъ врагомъ—союзъ съ Польшею, мысль о которомъ возникла въ правленіе Гедемина. Соперничество изъ-за земель юго западной Руси, сдѣлавшихся яблокомъ раздора между Польшею и Литвою по смерти послѣдняго галицко-волынскаго князя, разрушило почти на полустолѣтіе этотъ союзъ, возобновившійся во времена Ягайла, когда результатомъ его явилось знаменитое пораженіе рыцарей при Грюнвальдѣ.

Какъ за юго-западъ Руси Литвѣ пришлось вести упорную борьбу съ Польшею, такъ не могли достаться ей безъ боя и центральныя русскія земли. Въ половинѣ XIV-го стол. въ сѣверо-восточной Руси уже я[illegible] выработалась идея постояннаго политическаго союза, который противополагалъ себя Ордѣ и Литвѣ [1]. Московскіе князья начали зорко и подозрительно глядѣть на завоеваніе Литвою русскихъ земель, и въ 40-хъ, даже въ тридцатыхъ годахъ XIV-го в., началось столкновеніе Москвы съ Литвою [2], принявшее въ XV стол. весьма острый характеръ.

Будучи окружена врагами почти со всѣхъ сторонъ, Литва не могла совладать съ ними при Ольгердѣ и должна была отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ притязаній, сдѣлавъ уступки Москвѣ и Польшѣ.

Непріязненно смотрѣли на захватъ русскихъ земель и усиленіе Литвы и татары, считавшіе всѣ русскія земли своимъ владѣніемъ. Татары были обезпокоены союзомъ Даніила Галицкаго съ Литвою и пытались разорвать этотъ союзъ. Они предпринимали походы на Литву уже въ XIII-мъ стол.

Такимъ образомъ, если литовско-русскіе князья успѣли въ борьбѣ со всѣми этими противниками и не только отстояли національную са-

---

[1]) *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*, Христоматія по ист. р. права, вып. II, Ярославль 1873, стр. 13, прим.

[2]) Никон. III, 162. Антоновичъ, стр. 135—136 и д.

мобытность, но и быстро пошли по пути усиленія своего государства, то это должно приписать не небреженію сосѣдей, въ которомъ Длугошъ видитъ главную причину усиленія Литвы [1]): со всѣхъ почти сторонъ дѣлались помѣхи возникновенію и росту литовско-русскаго государства.

Въ чемъ же тайна успѣха литовско-русскихъ князей въ быстромъ созданіи ими обширнаго и сильнаго государства?

Этотъ успѣхъ объясняется не только тѣмъ, что многія сосѣднія русскія земли представляли въ то время легко достававшуюся добычу, а литовское племя въ лицѣ своихъ вождей выказало значительную энергію, воспріимчивость, но и знаменемъ, которое литовскіе князья высоко держали до конца XIV-го стол. и на которомъ была начертана равноправность, полное признаніе политическихъ и религіозныхъ правъ русскаго народа [2]). Такимъ образомъ, въ литовско-русскомъ государ-

[1]) Длугошъ такъ разсуждаетъ о возвышеніи Литвы, возбуждавшемъ удивленіе и въ то время: „inter septentrionales populos obsa rissimi, Ruthenorum servituti et tributis vilibus obnoxii, ut cuique mirum videtur ad tantam eos felicitatem, sive per finitimorum ignaviam et desidiam provectos, ut imperent nunc Ruthenis, sub quorum imperio annis prope mille veluti servile vulgus fuere“. Hist. Pol. X.

[2]) Факты см. у. В. Б. Антоновича на стр. 45—47, 82—83, 96—97.— „И коли князь Ольгердъ понялъ за себе жону княжну Уляну Витебскую, для котороежъ князь Ольгирдъ охрыстылся въ Рускую виру, а панове литовскіе вси были у своихъ вѣрахъ поганьскихъ, и князь велики Ольгердъ не чинилъ имъ силы, и въ веру свою не вернулъ, а Римское виры въ Литве паки уже не было, только Русская змешалася“. 2-я лит.—р. лѣт., изд. Нарбуттомъ, стр. 20. Сказанному противорѣчитъ, повидимому, занесенное въ наши лѣтописи подъ 1347 г. извѣстіе о трехъ мученикахъ, пострадавшихъ при Ольгердѣ „за православную вѣру христіанскую“ (П. С. Р. Л. V, 226; VII, 214). Сохранилось и житіе этихъ мучениковъ, вошедшее въ Макарьевскія Минеи подъ 14 апрѣля. По Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 350), установленіе празднованія памяти литовскихъ мучениковъ относится къ 1355 г. Фактъ этого мученичества еще не разъясненъ критически, и, на нашъ взглядъ, истинное основаніе смерти трехъ литовскихъ мучениковъ неясно. Повидимому въ разсказъ о мученичествѣ ихъ вошло нѣсколько общихъ мѣстъ житій. Объ этомъ событіи см. въ ст. Елагина: „Первые христіанскіе мученики въ Литвѣ“ (Ж. М. Н. Пр., ч. XXXVIII (1843), отд. II, стр. 118 и д.); далѣе у *Стадницкаго*: Olgierd i Kiejstut

ствѣ было выдвинуто политическое начало, обезпечивавшее прочность разноплеменнаго государства несмотря на его разносоставность.

Въ Литовской Руси не было явленія, обычнаго въ государствахъ, возникавшихъ путемъ завоеванія, не было преобладанія одной національности надъ другою, одного класса общества надъ остальными. На первыхъ порахъ литовское завоеваніе мало измѣнило общественный строй русскихъ земель.

Связь обѣихъ народностей постепенно крѣпла. Много значило то, что коренная Литва находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ крестоносцами, борьба съ которыми ослабляла численно литовское племя. Коренная Литва была скудно насе епа. Сама по себѣ она не могла существовать, не потерявъ независимости: ей необходимо было примкнуть къ другой народности. Обстоятельства указали Литвѣ на союзъ съ русскимъ племенемъ, который былъ для нея весьма благотворенъ.

Съ другой стороны, для русскаго люда была весьма важна независимость литовско-русскихъ земель отъ татаръ, къ которымъ русскіе питали отвращеніе и которымъ литовцы сразу не поддались. Отъ татаръ литовцы потерпѣли чувствительное пораженіе, когда собрали уже большую часть западно-русскихъ земель. Литовское владычество обезпечивало жителямъ безопасность и сравнительно свободное существованіе, и естественно, что сочувствіе русскихъ склонялось болѣе на сторону Литвы, подъ власть которой они охотно переходили, разставаясь съ домомъ Владиміра I. Въ половинѣ XIII-го в. Псковъ принялъ съ радостію Довмонта, а Полоцкъ—Товтивила.

Въ силу сочувствія русскихъ, литовскіе князья могли спокойно владѣть русскими землями и извлекать изъ нихъ военныя силы, между проч.—и для новыхъ завоеваній на русской территоріи, гдѣ, впрочемъ, литовцы почти не встрѣчали упорнаго сопротивленія. Такъ, во Владимірской и Луцкой земляхъ мы не видимъ востаній мѣстнаго населенія противъ литовцевъ. Есть указанія на то, что и въ Галицкой землѣ, отошедшей къ Польшѣ, были сторонники Литвы.

стр. 10 и 120—121; у *Кояловича*: Литовская церковная унія, прим. 16; у *Нарбутта*: Pomniejsze pisma historyczne, Wilno 1856, стр. 85—89, и у *Смирнова*: Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею, Одесса 1868, стр. 6—7 и 153.

Не лишено было также значенія то обстоятельство, что въ критическій моментъ рѣшительнаго созиданія литовско-русскаго государства внутреннія междоусобія (при Гедиминѣ и его сыновьяхъ) мало воспрепятствовали преслѣдованію цѣлей внѣшней политики.

Несомнѣнно, что русская политическая система сразу оказывала вліяніе на организацію завоеванныхъ литовцами земель, какъ вообще строй литовскаго государства находился вначалѣ подъ сильнымъ вліяніемъ и былъ отраженіемъ русскаго уклада. Войшелкъ княжилъ въ Новгородкѣ Литовскомъ при жизни своего отца Миндове. Были при Миндове и другіе подручные князья, большею частію его родственники. Миндове старался сосредоточить княжеское достоинство въ рукахъ своего рода и изъ другихъ линій оставилъ въ покоѣ только тѣхъ князьковъ, съ которыми породнился. Въ послѣдующее время иногда встрѣчаются упоминанія о князьяхъ-*братьяхъ*. Галицкое-волынская лѣтопись сообщила о братьяхъ Тройдена; она же говоритъ о братьяхъ Бурдикидѣ и Будивидѣ. Ясно, что земли, достававшіяся извѣстной княжеской линіи, дѣлились между членами ея.

При Гедем[illegible]ѣ произошло окончательное сосредоточеніе литовско-русскихъ земель въ рукахъ одного рода, и его преемники съ негодованіемъ смотрѣли на попытки возвышенія въ княжеское достоинство постороннихъ людей. Вспомнимъ поступокъ Ольгерда съ Латышомъ, котораго возставшіе провозгласили княземъ: Ольгердъ велѣлъ убить его несмотря на то, что въ интересѣ Ольгерда было поддержать востаніе противъ нѣмцевъ.

Родовая связь Гедеминовичей ясно сказывается въ политическихъ сношеніяхъ ихъ съ окружавшими ихъ государствами. Договоры заключались отъ имени нѣсколькихъ важнѣйшихъ князей [1]).

Какъ извѣстно, на Руси такая политическая система привела къ ослабленію государственной крѣпости, вслѣдствіе чего Русь и не устояла противъ напора татаръ и литвы. Но въ Литвѣ на первыхъ порахъ подобный строй скрѣплялъ связь отдѣльныхъ земель, которыя безъ

---

[1]) См., напр., договорную грамоту литовско-русскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ, или грамоту Кейстута 1358 г., подтвердившую разграниченіе его земель съ Мазовіею. Кейстутъ упоминаетъ о согласіи Ольгерда, Supremi principis Litvanorum, и другихъ *старшихъ* князей Литвы.

того могли бы тяготѣть къ нѣсколькимъ центрамъ. Послѣ смерти Гедемина возникаетъ на время междоусобіе, но оно быстро оканчивается, и затѣмъ въ теченіе тридцатилѣтія въ литовско-русскомъ государствѣ не было раздоровъ, если не придавать значенія неудовольствію нѣсколькихъ мелкихъ князей [1]). Послѣ періода смутъ Витовтъ вновь успѣлъ доставить первенствующее значеніе не на словахъ только, но и на дѣлѣ власти великаго князя. Центральная власть съ той поры прочно утвердилась въ Литвѣ; все менѣе и менѣе могли помышлять теперь о соперничествѣ другіе князья. Важнѣйшимъ явленіемъ княженія Витовта было постепенное сосредоточеніе литовско-русскихъ земель. Къ концу правленія его остались удѣлы, сравнительно незначительные по объему.

Много значилъ въ дѣлѣ укрѣпленія литовско-русскаго государства и централизаціи институтъ великокняжеской власти, съ которою соединялось старшинство. Это установленіе было заимствовано литовцами также у русскихъ. Правда, уже самый этотъ титулъ указывалъ на существованіе рядомъ съ лицомъ, которому онъ усвоялся, второстепенныхъ удѣльныхъ князей, и ихъ, дѣйствительно, было много въ литовско-русскомъ государствѣ. Но многіе роды бѣднѣли и мельчали безъ вліянія великокняжескаго абсолютизма, котораго, впрочемъ, строго говоря, и не было въ Литвѣ, и уменьшеніе значенія ихъ совершалось естественнымъ порядкомъ [2]), а нѣкоторыя видныя линіи были умышленно затерты, какъ, напр., Олельковичи (потомки Михаила Александ-

---

[1]) Со второй половины XIV-го стол. удѣльные князья нерѣдко бѣгали и къ нѣмцамъ. Андрей Полоцкій искалъ опоры противъ Ягайла у Лифляндскихъ нѣмцевъ. Съ той поры нѣмцы постоянно поддерживали враговъ великихъ князей литовскихъ.

[2]) Писатель начала XVI-го стол. говоритъ: „Въ Литвѣ есть значительное количество князей, до того умножившееся отъ разростанія родовъ, что большей части ихъ для пропитанія едва хватаетъ имѣній, которыя были велики для ихъ предковъ. Оттого они состоятъ въ боярствѣ и не имѣютъ первенствующаго значенія въ Литвѣ, но повинуются власти великаго князя Литовскаго наравнѣ съ прочими знатными и вассалами. Хотя они бѣдны, но удерживаютъ отъ древняго рода имя и титулъ князей.“ Станиславъ Горскій въ Acta Tomiciana, ed. Działynski, t. I, p. 15. Такіе князья назывались служилыми. См., напр., грамоту Ягайла Скиргайлу 1387 г.

ровича или Олельковича). Вообще великіе князья Казиміръ, Александръ, сильно побаивались родныхъ и оффиціально не называли ихъ таковыми. Тѣмъ не менѣе, въ Литвѣ постоянно было немало крупныхъ князей. Нѣкоторые только временно надѣлялись извѣстными городами или областями, другіе-же роды получали постоянное подтвержденіе отъ великихъ князей на владѣнія, и князья этихъ линій успѣвали стать отчичами: такъ было, напр., съ князьями Мстиславскими, удерживавшими Мстиславль [1]). Острожскіе князья пользовались своими землями на правахъ потомственнаго и вѣчнаго владѣнія. На такихъ же условіяхъ была дана Подольская земля Спытку Мельштынскому. Наслѣдственность владѣнія лицъ не великокняжескаго дома областями и городами въ Литвѣ утвердилась преимущественно подъ вліяніемъ Польши и ея строя. Это была своеобразная черта литовско-русскаго строя. Второстепенные князья сохраняли видное значеніе въ Литвѣ во все время отдѣльнаго ея существованія, а потомъ и въ періодъ соединенія ея съ Польшей. Не такъ было въ восточной Руси, и это отталкивало отъ нея нѣкоторыхъ литовско-русскихъ князей наравнѣ съ деспотизмомъ великаго князя Московскаго. Владѣя огромными вотчинами, нѣкоторые изъ второстепенныхъ литовско-русскихъ князей занимали значительное положеніе въ государствѣ и пользовались главными должностями. Вообще второстепенные князья, удерживая титулъ, снизошли до роли участниковъ рады великаго князя, въ которой получили мѣсто нѣкоторые крупные бояре, а также епископы [2]). Аристократизмъ ли-

---

[1]) Duces Lithuaniae et Russie пользовались обыкновенно „pleno iure ducali", но должны были „pro tempore, dum requisiti fuerint, servire" и быть готовы къ тому постоянно. Документъ 1395 г. въ „Cod. ep. Vit.", N CXV, p. 39. Принципъ отчины до извѣстной степени выдвигался и въ Литовско-русскомъ государствѣ: на него ссылался, напр., Витовтъ: ibid, App., N 5, p. 960. Кейстутъ говорилъ объ Ягайлѣ: „А отчину Видбескъ и Крево и вся мѣста что отць его держалъ, то все емоу даю и ни во што не оустоупаюся": 1-я л. р. лѣт., изд. Попова, стр. 30; 2-я л. р. лѣт., 24.

[2]) См. жалованную грамоту Любарта Луцкой соборной церкви и епископу Кириллу 1372 г. „Въ Арх. ю.-з. Россіи, ч. I, т. VI", она помѣчена 1322 г., что очевидно неправильно. Не беремся рѣшать здѣсь вопросъ, какъ возникла литовская рада, вслѣдствіе ли феодальнаго строя, или же она—продолженіе старорусской боярской думы. При феодальныхъ порядкахъ вождь

товскаго государственнаго строя не приводилъ къ полному угнетенію другихъ классовъ общества, какъ было въ Польшѣ. Равнымъ образомъ, второстепенные князья не въ состояніи были ослабить власть великаго князя, которая была гораздо шире власти древне-русскаго великаго князя. Въ обычаѣ было „братии всеи послушну быти князя великаго“ [1]). Отступленія отъ такого порядка не были терпимы.

Повидимому, великокняжеская власть существовала въ Литвѣ непрерывно со времени Миндове [2]). В. Б. Антоновичъ полагаетъ, что по смерти Гедемина, въ промежутокъ времени съ 1341 по 1345 г., „никто изъ наслѣдниковъ Гедемина не пользовался старшинствомъ и достоинствомъ великаго князя, пока два самые сильные и даровитые изъ сыновей Гедемина—Ольгердъ и Кейстутъ, не вступили въ соглашеніе съ цѣлью прекратить неопредѣленный, возникшій, за смертью отца, порядокъ, угрожавшій разложеніемъ образовавшемуся при немъ государству и ослаблявшій силы послѣдняго въ виду угрожавшей со стороны крестоносцевъ рѣшительной опасности“ (стр. 89). Вопросъ объ этомъ весьма интересенъ для выясненія строя литовско-русскаго государства, и В. Б. Антоновичъ справедливо оцѣнилъ его важность, посвятивъ ему обстоятельное изслѣдованіе. Въ виду указанныхъ В. Б.

совѣщался со своими вассалами во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ. Объ Ягайлѣ говорится, что предъ посольствомъ въ Польшу онъ „свѣт створилъ съ мтрью своею великою княгинею Оульяною а з братею своею и совсими кнзми и бояры литовския земли“. 1-я л.-р. лѣт., 34. Вліяніе литовскихъ крупныхъ вельможъ на дѣла усилилось съ конца XIV-го столѣтія. Тогда вошло, повидимому, въ обычай скрѣпленіе трактатовъ печатями не только великаго князя, но и важнѣйшихъ бояръ. См., напр., трактатъ Витовта съ крестоносцами 1398 г.

[1]) 1-я л.-р. лѣт., изд. Попова, стр. 28.

[2]) Миндове былъ коронованъ королемъ „totius Lithowe ac terrarum omnium, quas per divine virtutis auxilium iam eripuit de infidelium manibus, vel eripere potuit in futurum“. Короновавшій долженъ былъ позаботиться, чтобы Миндове „ab omnibus constitutis ibidem tamquam Regi catholico super omnibus diligenter intendi que spectare ad dignitatem regiam dinoscentur“. Theiner, I, p. 50, № CIV. По словамъ Длугоша (lib. VII, p. 772), Stroinath—Mendolpho occiso—summam rerum et maiorem apud Lithuanos principatum rapuerat.—Пелюза, противникъ Витена и Гедемина, носилъ титулъ великаго князя.

Антоновичемъ (стр. 89—93) въ подтвержденіе высказанной имъ догадки фактовъ можно признать, что Явнутій, великокняжеское достоинство котораго въ этотъ періодъ отрицаетъ г. Антоновичъ, не пользовался полнымъ авторитетомъ, но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы онъ не носилъ титула великаго князя, на который сохранилось указаніе, не могущее возбуждать никакого сомнѣнія, въ документѣ, который имѣлъ въ виду въ другихъ мѣстахъ и авторъ [1]). Въ данномъ случаѣ В. Б. Антоновичъ напрасно говоритъ, что единственнымъ фактическимъ доказательствомъ старшинства Явнутья считается договоръ литовскихъ князей съ Казиміромъ (стр. 88).

Въ наслѣдованіи великокняжеской власти, какое установилось въ литовско-русскихъ земляхъ, замѣчаемъ отличіе, не оставшееся безъ вліянія на ходъ событій. Хотя, слѣдуя русскому образцу, литовскіе князья пытались иногда провести принципъ родоваго старшинства (какъ, напр., Кейстутъ по отношенію къ Ольгерду), но этотъ принципъ былъ постоянно нарушаемъ [2]) и въ концѣ рѣшительно потерялъ значеніе [3]).

---

[1]) Разсказъ о спорѣ Витовта съ Ягайломъ, составленный между 1390 и 1393 г., начинается слѣдующей исторіей: „Das erste do vnszs faters fater verloren wart unsz Elderfater, do gap her vff syne stad czu herschen die *grosse herschafft* czu der Wille, Jawnuten, vnd Jawnuten fatir Algarden di herschafft (не говорится di *grosse* herschafft) czu Witawis (Witepsk) und minem fatir herczoge Kinstutte czu Traken; und als vnsz feter herczog Algart und herczog Kinstut von jogunt haben sy begunst czu leben fruntlich, nu dirsagen si jn von herczoge Jawnuten eczliche vnrechte; und si vorsprochen sich vor eyn, herczoge Algart mit unszm fater herczoge Kinstutten, das sy mit ichte mochten di Wille besitczen und Jawnuten usczutriben...“ Script rer. Pruss. II, 712. Толковать „die grosse herschafft“ въ смыслѣ столицы невозможно: назначивъ Явнутію столицу, Гедеминъ, безъ сомнѣнія предоставилъ ему и званіе великаго князя; въ противномъ случаѣ для чего братья признали нужнымъ выгнать Явнутія изъ Вильны?

[2]) Такъ, Гедеминъ поставилъ великимъ княземъ своего младшаго сына; послѣ Ольгерда великокняжескій столъ занялъ Ягайло.

[3]) Интересно, что въ XIV стол. одновременно нѣсколько князей усваивали себѣ титулъ великаго князя, хотя признавали верховную власть одного. Такъ, въ грамотахъ встрѣчаемъ: „Асе. Язъ великій князь. Андрей Полоцкой....,“ или: „Се Язъ князь великии Анофрей....“

Политическій строй литовскихъ земель подпалъ русскому вліянію и въ другихъ отношеніяхъ. Русскія обозначенія продолжали держаться и вошли въ употребленіе даже въ коренной Литвѣ. Такъ, нѣмецкія лѣтописи называютъ постоянно высшую княжескую дружину и лицъ, ближайшія къ князю, боярами [1]), а простой народъ smirdens, т. е. смердами. Удерживалась идея *земли*, и долго еще были возможны случаи совмѣстнаго ходатайства отъ всѣхъ сословій [2]), чего не было въ періодъ соединенія съ Польшею. Русскія земли, подпавшія власти Литвы, продолжали называться Русью [3]) и постоянно различались въ актахъ отъ коренныхъ литовскихъ земель.

Вообще вліяніе русскихъ началъ и культуры сказывалось повсюду въ литовско-русскомъ государствѣ и пролагало дорогу взаимному сближенію обѣихъ народностей и выработкѣ прочнаго государственнаго организма.

В. Б. Антоновичъ обращаетъ мало вниманія на вліяніе одной національности на другую, не выясняетъ результатовъ, какими обнаруживалось въ строѣ общественной жизни сожительство обѣихъ національностей, не говоритъ подробно о „попыткахъ къ сближенію“ (стр. 3). Въ разсматриваемомъ выпускѣ, касаясь отношеній русскихъ и литовцевъ, В. Б. Антоновичъ останавливается лишь на „борьбѣ двухъ началъ, этнографическихъ и бытовыхъ, входившихъ въ составъ великаго княжества литовскаго“ (стр. 3). Въ этой борьбѣ авторъ видитъ причину слабости великаго княжества литовскаго. По его мнѣнію, „два

---

[1]) Слово *bajóras* удержалось и до настоящаго времени въ литовскомъ языкѣ для обозначенія богатаго шляхтича.

[2]) Письмо полочанъ второй половины XV в къ Рижскому магистрату было написано „Отъ бояръ Полоцкыхъ, и отъ мѣстичовъ, и отъ всего посполства.“ В. кн. Александру били челомъ въ 1503 г. „вси князи и бояре и слуги Витебскіе, и войтъ и мѣщане мѣста Витебского, и вся земля Витебская.“ Ср. грамоту Александра Витебскому намѣстнику 1495 г. См. также жалованную подтвердительную грамоту Сигизмунда I Витебску 18 февраля 1509 г. Всѣ эти грамоты перепечатаны въ роскошно изданной, но дающей мало новаго для болѣе древняго періода „Витебской Старинѣ“ А. Сапунова, т. I. Витебскъ 1883 г. Какъ на примѣръ представительства земли, можно указать еще на трактатъ Жмуди съ нѣмецкимъ орденомъ, относящійся къ 1390 г.

[3]) См., напр., Script. rer. Pruss. II, 527 подъ 1361 г.

національныя начала, сливаясь внѣшнимъ образомъ, не имѣли времени для того, чтобы взаимно уразумѣть въ достаточной степени бытовыя, сложившіяся у каждаго изъ нихъ, формы, чтобы взаимно пополнить положительными качествами каждаго изъ нихъ слабыя стороны своего развитія и чтобы слиться, такимъ образомъ, въ одно органическое тѣло. Связь между ними остается внѣшнею, вызванною, почти исключительно, политическими обстоятельствами и отношеніями.... Первое время существованія этого государства, съ начала XIV до половины XV столѣтія — время полной самостоятельности, быстраго роста и самаго большаго проявленія внѣшней силы и могущества великаго княжества литовскаго, представляетъ въ отношеніи исторіи внутренней его организаціи: при болѣе даровитыхъ правителяхъ—рядъ попытокъ не доконченныхъ, и потому неудачныхъ, къ сплоченію посредствомъ государственной власти разнородныхъ элементовъ, связанныхъ внѣшними условіями; при правителяхъ же менѣе даровитыхъ, болѣе субъективныхъ, или болѣе слабыхъ,—рядъ вспышекъ интензивной внутренней борьбы, которая наконецъ разрѣшается совершеннымъ ослабленіемъ обѣихъ боровшихся сторонъ, сознаніемъ взаимнаго безсилія, апатіею и обращеніемъ къ постороннему вмѣшательству, навязавшему обѣимъ сторонамъ чуждыя для нихъ бытовыя формы“ (стр. 2). Въ этихъ словахъ выражена идея, проходящая черезъ весь трудъ. Мы уже видѣли, что В. Б. Антоновичъ ищетъ *замѣтнаго* проявленія борьбы обѣихъ народностей, русской и литовской, въ сферѣ политическихъ отношеній уже въ XIII столѣтіи.

Въ приведенныхъ словахъ весьма мѣтко указанъ существенный мотивъ литовско-русской исторіи—борьба народныхъ стихій въ великомъ княжествѣ литовскомъ; конечно, въ ней главный интересъ его исторіи, но только не съ начала XIV стол., а съ конца этого вѣка. Въ противномъ случаѣ, было бы невозможно образованіе этого государства. До конца XIV-го стол. не видно, чтобы различіе бытовыхъ началъ приводило къ политической розни, къ *борьбѣ;* напротивъ, Литва подпадала въ значительной степени вліянію русской культуры. Разумѣется, полнаго сліянія еще не было, происходила только подготовка къ нему; но вѣдь и при польскомъ владычествѣ *массы* не слились, а только ополячилось высшее духовенство и дворянство, которое прежде сливалось съ русскимъ началомъ. Нельзя сказать, чтобы связь обѣихъ народностей была лишь *внѣшняя.* Вся бѣда была въ томъ, что

естественное развитіе литовско-русскаго государства было нарушено съ конца XIV-го вѣка вторженіемъ новаго элемента, вошедшаго клиномъ въ стволъ дерева, которое начало-было разростаться, и уже съ того времени Литва начала терять самостоятельность, а вмѣстѣ и прежнюю силу.

Желая обосновать эти замѣчанія, мы позволимъ себѣ разсмотрѣть вкороткѣ главныя направленія послѣдующей исторіи литовско-русскаго государства, хотя будемъ лишены цѣннаго пособія, какимъ былъ для насъ до сихъ поръ трудъ г. Антоновича, оканчивающійся смертью Ольгерда.

IV.

До 1386 г. во внутренней жизни литовско-русскаго государства не замѣчалось рѣзкаго разлада двухъ національныхъ началъ, литовскаго и русскаго, объединенныхъ въ этомъ государствѣ. Напротивъ, дружный союзъ обѣихъ народностей составлялъ силу юнаго государства въ борьбѣ его съ внѣшними врагами. Литовское племя придавало молодому государственному организму завоевательную энергію, выносило преимущественно на своихъ плечахъ борьбу за независимость противъ напора нѣмцевъ и вдохновляло къ ней; русская народность подкрѣпляла литовцевъ матеріально и принесла имъ культуру, отличную отъ той, которую пытались навязать нѣмцы. Постепенно проникала въ литовско-русское государство и западная культура, развившаяся въ католическомъ мірѣ, но вліяніе этого начала было сравнительно слабѣе, между прочимъ—потому, что ближайшими представителями его были рыцари нѣмецкаго ордена, которыхъ литовцы признавали своими страшнѣйшими врагами. Литовцы могли поучиться у нѣмцевъ болѣе всего военному искусству. Нѣмецкій орденъ достигъ значительныхъ успѣховъ въ этомъ искусствѣ, и литовцы немало переняли у него въ военномъ дѣлѣ и во всемъ, что тѣсно вязалось съ этимъ дѣломъ, напр. въ постройкѣ и укрѣпленіи городовъ [1]. Въ ряды орденскаго ополченія изъ года въ годъ являлось отборное рыцарство изъ всѣхъ почти странъ Запада. Крупные походы нѣмцевъ въ Литву сопровождались турнирами и военными увеселеніями, и война съ тевтонскимъ орденомъ была для Литвы одновременно и школой

[1]) Stadnicki, Olgierd i Kiejstut, стр. 69, прим. 150.

рыцарства. Чрезъ нѣмцевъ рыцарскій идеалъ того времени былъ воспринятъ до извѣстной степени и литовцами, и въ Литвѣ являлись личности, полныя рыцарскаго духа, какою былъ, напр., Кейстутъ, которому отдавали честь въ этомъ отношеніи даже крестоносцы [1]). На распространеніе въ Литвѣ западной культуры могли влiять въ нѣкоторой степени и мирныя сношенія съ нѣмцами и преимущественно съ нѣмецкими прибалтійскими городами, въ которыхъ (напр. въ Ригѣ) у литовцевъ было немало пріятелей. Наконецъ, не оставалось безъ слѣда пребываніе въ Литвѣ значительнаго количества плѣнныхъ христіанъ [2]) и житье нѣкоторыхъ литовцевъ у крестоносцевъ въ качествѣ заложниковъ, перебѣжчиковъ или плѣнныхъ. Учителемъ сыновей Гедемина былъ нѣмецъ, пробывшій въ Литвѣ 9 лѣтъ; Витовтъ также учился у нѣмца. Иной разъ нѣмцы сами уходили въ Литву и могли оказывать литвинамъ важныя услуги [3]). Второю сосѣдкою Литвы, могшею посредствовать въ передачѣ западной культуры, была Польша, но вліяніе ея было еще слабѣе, чѣмъ воздѣйствіе нѣмцевъ.

Вообще до 1386 г. западная образованность не имѣла особенной силы въ жизни литовско-русскаго государства. Въ то время распространеніе той или иной культуры находилось въ тѣснѣйшей связи съ вѣроисповѣданіемъ народа, а католичество въ представленіяхъ литовцевъ было отожествляемо съ враждебнымъ началомъ. Съ половины XIII в. папы зорко наблюдали за Литвой и не переставали хлопотать объ обращеніи ея въ католичество, но старанія эти не увѣнчивались желаннымъ успѣхомъ: въ католичество обращались немногіе, и въ XIII-мъ столѣтіи, хотя обращенія начались съ 40-хъ годовъ того вѣка, въ Литвѣ было весьма мало католиковъ [4]). До какой степени литовцы

---

[1]) Ibid., 11—12, 70, 84. У В. Б. Антоновича (стр. 105—109) находимъ весьма отчетливую и яркую характеристику Кейстута.

[2]) Петръ Дусбургскій постоянно говоритъ въ своей хроникѣ объ уводѣ пруссами плѣнныхъ „in servitutem perpetuam“. Script. rer. Prussic. I, 34, 121 и 124 и др. Длугошъ (I, 811) упоминаетъ подъ 1277 г. объ уводѣ литовцами 40000 плѣнныхъ. За Альдоной, дочерью Гедемина, вышедшею въ замужество за Казимира, сына Локетка, возвратилось въ отечество 24000 плѣнныхъ поляковъ.—Иногда происходило сближеніе съ плѣнными нѣмцами. Dusb., 142.

[3]) Cod. epist. Vit., App. № IV, p. 978.

[4]) Ср. у Sjögren'a: Ueb. d. Wohnsitze und die Verhältnisse der Jatwägen (Mém. de l'Acad. de sciences, VI série, t. IX), S. 297, прим. 462.

были нерасположены къ крещенію по католическому обряду, видно, между прочимъ, изъ того, что въ началѣ XIV-го стол. обращеніе одного литовца въ католичество было привѣтствовано поэмою [1]). Католичество пыталось проникнуть въ Литву съ юго-запада, откуда шли главные враги литовскаго племени, и отъ того многіе литовцы относились къ католичеству даже съ ненавистью [2]). Внутри литовско-русскаго государства нетерпимость могла проявляться лишь изрѣдка, и до принятія литовскими князьями католической вѣры въ земляхъ ихъ господствовала равноправность исповѣданій и народностей. Девизомъ великихъ князей литовскихъ до Ягайла были какъ бы слова Гедемина (1324 г.) въ отвѣтъ папскимъ посламъ, явившимся крестить его въ католичество: „я не препятствую христіанамъ чтить своего Бога по обычаю ихъ, по ихъ обряду, русскимъ по ихъ обряду, а полякамъ по своему, мы же почитаемъ Бога по нашему обряду; *у всѣхъ насъ одинъ Богъ*“ [3]). Такимъ образомъ, до конца XIV в. верховные литовскіе государи слѣдовали принципу свободы совѣсти, который не господствовалъ въ то время въ такой мѣрѣ ни въ какой другой странѣ Запада [4]). Повсюду, за исключеніемъ западно-русскихъ и литовско-русскихъ земель, религія оказывала весьма сильное вліяніе на государственную политику и рѣдко государственныя цѣли были рѣзко отграничиваемы отъ области вѣры; очень часто вѣра являлась прикрытіемъ вопіющихъ не-

---

[1]) Ein schoen und anmuethig Gedicht, wie der Littower wunderbarlich bekert wart, vor mer den fuenfhundert Jaren durch Bruoder Hugen von Langenstein gepracht—ans Liecht gestellt durch meister Seppen von Eppishusen (т. е. Frb. Jos. v. Lassberg) einen fahrenden Schueler. Constanz 1826. 2-е изд. —Schwäb. Hall.

[2]) См. извѣстіе о разрушеніи францисканскаго монастыря въ Вильнѣ въ 1368 г. Жалоба жмудиновъ на нѣмецкій орденъ, поданная Констанцкому собору (Cod. ep. Vit., App. № VI, p. 1018 seqq.), выясняетъ причины отвращенія литовцевъ къ католичеству.

[3]) Подробно о переговорахъ Гедемина съ папою см. въ ст. В. Г. Васильевскаго: „Обращеніе Гедимина въ католичество“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, № 2; статья эта представляетъ переработку статьи: „Письма Гедимина и католическое посольство въ Вильнѣ“, помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1869, №№ 62, 63, 67, 73, 77 и 78); ср. также у В. Б. Антоновича (стр. 72—78), который объясняетъ иначе ходъ дѣла.

[4]) Такой принципъ провозглашали нѣкоторые вольнодумцы на востокѣ уже въ XI в. и еще ранѣе нѣкоторые отцы церкви.

справедливостей и поводомъ къ раздорамъ [1]). Извѣстно, къ какимъ жестокостямъ приводила религіозная борьба на Западѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда съ такимъ трудомъ развивалась идея о свободѣ совѣсти. Въ литовско русскомъ государствѣ пришлось жить совмѣстно послѣдователямъ двухъ религій, а со второй половины XIV в.—трехъ. Ихъ раздѣляло, сверхъ религіознаго, племенное различіе, и, тѣмъ не менѣе, мы не видимъ борьбы религій, насильственной пропаганды, ненависти въ силу различія вѣроисповѣданій. Западная Русь присмотрѣлась издавна къ Западу и не питала къ нему вражды, не платила ему злобой за ту непріязнь, которую встрѣчала постоянно со стороны фанатическаго католичества [2]). Великіе князья литовскіе усвоили, по вполнѣ справедливой догадкѣ В. Г. Васильевскаго, тоже народное воззрѣніе православной Руси [3]), а иногда шли, быть можетъ, и далѣе, возвышались не только до полной вѣротерпимости, но и до признанія одинаковаго значенія за обоими христіанскими вѣроисповѣданіями [4]). Какъ бы то ни было, всѣ великіе

---

[1]) См., напр., Dammann, Kulturkämpfe in Alt-England, 2 Th., Leipz. 1883, гдѣ охарактеризована культурная борьба въ средневѣковой Англіи, порожденная притязаніями католичества на исключительное господство.

[2]) Объ отношеніи этого послѣдняго къ греко-славянскому міру см. въ статьѣ В. И. Ламанскаго: „Видные дѣятели Западно-Славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ“, помѣщенной въ I-мъ т. „Славянскаго сборника“ (Спб. 1875). Дополненіемъ къ этой статьѣ могутъ служить доказательства, собранныя въ ст. Т. Д. Флоринскаго: „Политическая и культурная борьба на греческомъ востокѣ въ первой половинѣ XIV вѣка“ (Унив. Изв. 1883, №№ 2, 3 и 9, и отдѣльный оттискъ).

[3]) „Въ этихъ словахъ.... слышатся отголоски намъ знакомые хотя и непонятные для представителей западнаго христіанства“... „Я готовъ признавать папу отцомъ, потому что онъ—*старше* меня“. Слова Гедимина съ приведеніемъ такой причины не подтверждали того, что̀ было написано въ его грамотахъ. Они проникнуты тѣмъ же духомъ, какой слышится въ словахъ епископа Полоцкаго Іакова, называющаго и Рижскихъ ратмановъ, и князя Витена, и Полочанъ дѣтьми своими, а митрополита отцомъ, или какой чувствуется въ рѣчахъ другихъ князей литовскихъ, усвоившихъ религіозныя и особенно народныя воззрѣнія епископа Полоцкаго“. Ж. М. Н. Пр. 1872, № 2, стр. 186.

[4]) Оттуда-то, быть можетъ, легкость, съ какою Витовтъ переходилъ

князья литовскіе до Михаила Кейстутовича, за исключеніемъ Ягайла со времени обращенія его въ католичество, старались обходить затрудненія, могшія возникнуть изъ разности вѣръ, и отдѣляли интересы государства отъ интересовъ личнаго религіознаго исповѣданія [1]). Литовскіе государи относились терпимо ко всѣмъ. Въ такой особенности внутренней жизни литовско-русскаго княжества, въ разумномъ взглядѣ князей на интересы разноплеменнаго и разновѣрнаго государства, въ частности въ выдававшемся совершенно естественно, безъ внѣшняго насилія, положеніи русской народности, въ ея культурномъ вліяніи и готовности литовцевъ поддаваться этому вліянію, въ отсутствіи непріязненнаго отношенія къ русской народности, какъ къ *иновѣрному* племени, заключалась, какъ было уже сказано прежде, тайна силы и успѣховъ литовско русскаго государства въ борьбѣ его съ сосѣдями и въ собираніи русскихъ земель до XV в.

Равноправность народностей, вошедшихъ въ составъ литовско-русскаго государства, была главнымъ условіемъ прочности начавшаго недавно слагаться государства. Она дѣлала возможнымъ взаимное свободное сближеніе, и до 1386 г. литовское племя шло довольно быстро по пути рѣшительнаго сближенія съ русскимъ. Это было совершенно естественно: русское племя занимало $^9/_{10}$ земель новаго государства и сверхъ того русская колонизація проникала и въ собственно литовскія земли. Даже главная столица Литвы Вильна была населена по преимуществу русскими [2]). Князья [3]) и литовскіе бояре,

---

изъ одного исповѣданія въ другое, и отсутствіе фанатизма въ его дѣйствіяхъ послѣ окончательнаго принятія католичества, чѣмъ онъ рѣзко отличался отъ Ягайла.

[1]) Гедеминъ не препятствовалъ крещенію своего семейства, Ольгердъ и самъ крестился, но въ тоже время они не порывали круто со старой народной вѣрой и не подавляли стараго культа, предоставляя христіанству торжествовать собственными силами.

[2]) Доказательства см. у В. Г. Васильевскаго: „Очеркъ исторіи города Вильны" („Памятники Русской старины въ Западныхъ губерніяхъ имперіи, изд. по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ, вып. V, Вильна, текстъ къ 18 рисункамъ", Петерб. 1872), стр. 10—11. Еще при Гваньини въ Вильнѣ русскіе составляли половину населенія.

[3]) О томъ, что Ягайло былъ крещенъ до 1386 г. по православному обряду, см. Нарбутта Pomniejsze pisma historyczne, 89—100.

за исключеніемъ жмудскихъ, видимо подпали русскому вліянію, что сказывалось ярче всего въ принятіи многими православной вѣры. Упорнѣе держались старины литовскія народныя массы, но и онѣ не остались чужды русскаго вліянія, живя въ перемежку или постоянно соприкасаясь съ русскими, отъ которыхъ могли многое заимствовать. Повидимому, къ концу XIV в. было уже немало русскихъ въ коренной Литвѣ: во все время своего царствованія Ягайло окрестилъ въ католическую вѣру не болѣе 30000 литовцевъ [1]). Для католической проповѣди болѣе или менѣе удобнымъ мѣстомъ являлась только Жмудь, которая до времени Витовта оставалась самою дикою областью Литвы и въ особенности дорожила своей свободой и стариной [2]). Старина могла держаться здѣсь дольше благодаря малодоступности этой области [3]). Внѣ Жмуди большинство кореннаго литовскаго населенія исповѣдывало, можно думать, православіе. Сохранилось извѣстіе, что и послѣ 1386 г. литовцы переходили въ православіе. По словамъ Энея Сильвія [4]) и францисканской рукописи, между литовскими боярами было много православныхъ или открыто сочувствовавшихъ православной вѣрѣ. Въ глубинѣ Литвы православные приходы существовали еще въ первой половинѣ XVI вѣка [5]). Въ этомъ столѣтіи Кіевскій митрополитъ Іона II обратилъ въ православіе многихъ литвиновъ католиковъ, въ томъ числѣ князей и пановъ [6]). Вообще вліяніе русской культуры

---

[1]) Stryjkowski, II, 79. Szajnocha, Jadwiga i Jagiełło, III (we Lwowie 1861), 188 и 366.—Во время обращенія литовцевъ въ католичество крестились и нѣкоторые жмудины, но таковыхъ было, повидимому, немного. Cod. ep. Vitoldi, App. № VI, p. 1018.

[2]) Cod. ep. Vit., p. 1019.

[3]) Дороги въ Жмуди были весьма плохи, а лѣса были трудно проходимы или даже непроходимы. Ib. 1022. Жмудь отличалась отъ остальной Литвы характеромъ населенія, и едвали не изворачивался Витовтъ, когда писалъ: „....in titulo nostro nos de Samagicia non scribimus, quia totum unum est (съ Литвою), terra una et homines uni“ (Cod. ep., № DCCCLXI, p. 467).

[4]) Эней Сильвій говоритъ, между прочимъ, что въ Литвѣ было много православныхъ и много идолопоклонниковъ.

[5]) Narbutt IV, 285. Арх. Леонида „Библіограф. замѣтка о служебникахъ Виленской печати XVI вѣка“ (Памятн. древн. письм. 1881, IX).

[6]) Такіе случаи были не рѣдкость. Такъ, судя по указанію королевской привиллегіи начала XVI в., обращеніе литвиновъ и ляховъ въ православіе бывало въ Витебскѣ.

было сильно до конца самостоятельнаго существованія литовско-русскаго государства [1]). Можно бы привести немало свидѣтельствъ о гро-

---

[1]) Это вліяніе испытывали на себѣ въ значительной степени и польскіе короли изъ дома Ягайла. Любопытно, что слѣды такого вліянія уцѣлѣли до настоящаго времени въ самомъ Краковѣ. Какъ извѣстно, въ Ягеллонской часовнѣ въ Краковскомъ каѳедральномъ костелѣ на Вавелѣ (о ней см. N. v. Navarski, Die Jagellonen-Kapelle am Dome zu Krakau, besprochen v. K. Lind. Wien 1878) есть русская надпись времени Казимира Ягайловича о времени сооруженія этой каплицы. Надпись эта была напечатана въ XVI стол. Сарницкимъ въ его Annales. О ней упомянулъ, далѣе, Зубрицкій со словъ Сарницкаго въ своей „Критико-исторической повѣсти временныхъ лѣтъ Червоной Руси", М. 1845, стр. 31—35. Г. Крыжановскій въ статьѣ своей „Славянскій Краковъ" („Древности, труды Московскаго Археологическаго Общества", т. VI, вып. II, М. 1876", стр. 132—133) напечаталъ надпись, по его словамъ,—такъ, какъ прочелъ ее, и нельзя сказать, чтобы его списокъ былъ вѣренъ. Вкрались нѣкоторыя ошибки и въ болѣе исправный текстъ надписи, приведенный въ брошюрѣ С. Т. Голубева: „О первопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, изданныхъ въ Краковѣ, 1491 г.", Кіевъ 1884, стр. 10. Такъ какъ надпись въ каплицѣ св. Креста представляетъ довольно интересный памятникъ русскаго письма, то мы сочли не лишнимъ помѣстить здѣсь текстъ ея въ томъ видѣ, какой она имѣла до реставрированія. Точный снимокъ съ надписи до исправленія ея былъ сообщенъ намъ въ Краковѣ профессоромъ Ягеллонскаго университета и Консерваторомъ древностей западной Галиціи Лэпковскимъ, которому считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу признательность. Снимокъ былъ сдѣланъ съ надписи въ естественную ея величину на полотнѣ и носитъ подпись: „Napis w kaplicy jagiellońskiej (Stokrzyskiej) na Wawelu, zdjęty w r. 1870 przed jej restauracyą. Kalkował Ludwik Łepkowski. Miejsce przerwane zasłonięto narożnikiem gzemsu pomnika Władysława Jagiełły. W r. 1871 uzupełnione nieco, wtedy gdy pomnik odnawiano". Вотъ какъ читается надпись въ этомъ снимкѣ (она состоитъ изъ четырехъ строкъ; мы раздѣлимъ ихъ для ясности черточками, а вязь раскроемъ): **благоїзволениемъ. мудртью. блаѡцахвсемогүшлаго. пописана бысть сиꙗ капли................. емъ. великодержавного. корола пресветлаго. к || азимира. заБжьеї. млти. короліа. польского. івеликого кнзѧ. литовского. ірүськѡ.....................го. їкнжти. прускаго пана. їдедича. їины. многихъ || землъѡсподаріа. нѥго королевѡе. прѣнаасиѣишеи. панеи. ёлизаветы. іс поколенья. цѣ...........ьскаго. вноүка. пренанезвитѧжнеїшего. цесаріа. жи || кгимѡнта. паназемли. ракүсьскоё. їхесьское. вгорьскої. по лѣты. нароженьꙗ. бжьего. ,а. лѣтъ. г.и о. лѣтъ до.коньцалишию. капланцюпис-мо. мца ѡктѧбра. въ.** Нѣсколько иначе читается надпись въ письмѣ О. А. С. Петрушевича отъ 10 мая 1870 г. „do zarządu

мадныхъ успѣхахъ русской народности въ Литвѣ и о тѣсной связи и сліяніи Литвы съ Русью, но мы оставляемъ въ сторонѣ эти данныя за общеизвѣстностью ихъ [1]). Время не замедлило бы довершить

Biblioteki XX. Czartoryskich w Sieniawie", копія котораго также была намъ сообщена проф. Лэпковскимъ. Вотъ какъ читалъ и дополнялъ О. Петрушевичъ присланный ему снимокъ: „Бл҃гоїзволенїемъ. мудр҃тью. бг҃а ѡ҃ца всемогущаго. пописана бысть сия капл҃ї(ця повеленїемъ). великодержавнаго. (корол)я. к ‖ азимира. за б҃жьеї. м҃ти королия. польского. ї великого кнз҃я. литовского ї русько(го зомоїтско)го. ї кн҃жти. прускаго пана. ї дедича. ї ины҃ многихъ ‖ земль господаря. ї его королевѡе. прєнаюснѣйшеї. панеї. єлизаветы. нс поколенья це(сар)ьскаго. внука. пренанезвитяжнейшего. цесаря. жи ‖ вгимѡнта. пана зємли ракуськое. а чеськоє. вгорьскої. по҃. лѣты. нароженья. бжьего. а҃. лѣтъ (.з҃. тысящи. а) доконцали сию каплицю писмо҃. м҃ца. въ (к҃і день)". Отсутствовавшія въ 1870 г. слова дополнены г. Петрушевичемъ на основаніи текста Сарницкаго. Съ этими дополненіями, принимая во вниманіе снимокъ 1870 г., нельзя согласиться, въ особенности съ возстановленіемъ даты, которой, впрочемъ, повидимому не было въ присланномъ г. Петрушевичу спискѣ („która w nadesłanej mi podobiznie wspomnionego napisu już nie znachodzi się") за исключеніемъ обозначенія тысячи. Текстъ надписи у Сарницкаго обличаетъ весьма плохое знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ того, кто списалъ надпись. Вотъ что читаемъ у Сарницкаго подъ 1492 г. послѣ упоминанія о смерти Казимира: „Inde in Poloniam solenni pompa elatus in basilica Cracoviensi sepultus est ad dextram in sacello sanctae Crucis, ubi et Elizabeth uxor Cazimiri ab Alexandro sepulta fuit. Extatque ibidem epitaphium eius, vel pǫtius delubri eius inscriptio characteribus Slauonicis: *Kuchwale imienia naywyßßoho Bohá oycá wʒemohussczoho, pobudowankościoły sieiá káplicá, powielenim wielikoho á presławnoho Korolá, proświetnoho Kazimiráz Boskoy miłosti Polskoho y wielikoho Kniáźiá Litowskoho, Trockoho, y Zomoitskoho, y Kniáźiátiá Pruskoho, Páná y dedyczá tych y inych mno ho źiem Hospodará. y ieho korolowey pronaiáśnieyssey pániey Elizábety z pokolenia Cżárskoho prodká prenáiáśnieyssoho Zy gmiontá Pánáźiemie Rákuskoy' Cżeskoy, y Vhorskoy. Poletu ná rożenia Bożoho pierwssoho, śiedmdźieśiatoho tysiacnoho, á dokonczáli sieiá káplicá Mieśiáca Octob. 12. dniá*". Лейпцигское изд. Длугоша, t. II, 1712, col. 1186. Мы думаемъ, что годъ даты надписи прочитанъ у Сарницкаго совершенно ошибочно и что слѣдуетъ читать эту дату такъ: „под лѣты нароженья. бжьего. а҃. лѣтъ. у҃.и о҃. лѣтъ"; надпись относится, слѣдов., къ 1470 г.

[1]) См. Бѣляева Разсказы изъ р. исторіи, кн. IV; цитов. выше книгу Боричевскаго, статью „Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ" въ „Вѣст-

свободное культурное сліяніе народностей, и кто знаетъ, откуда пошло бы тогда окончательное объединеніе Руси? Во всякомъ случаѣ, Литва представляла бы собою весьма опасную соперницу Москвы.

Это вполнѣ правильное теченіе литовской исторіи было вдругъ прервано въ концѣ XIV-го столѣтія, когда начался новый періодъ въ исторіи литовско-русскаго государства, періодъ постепенной подготовки къ полному соединенію съ Польшей и уничтоженію самостоятельности Литвы путемъ разрушенія прежнихъ основныхъ началъ ея жизни, періодъ агоніи, продолжавшійся около двухъ вѣковъ. Съ подчиненіемъ Литвы польской политикѣ и внушеніямъ католическаго фанатизма началось вторженіе новыхъ началъ жизни и оттѣсненіе прежнихъ.

Борьба съ нѣмцами и враждебность католическаго Запада уже не разъ наводили литовскихъ князей на мысль о прекращеніи вражды сосѣдей посредствомъ принятія католичества. Въ XIII стол. къ этой мѣрѣ обратился Миндове. Въ XIV в. видимъ цѣлый рядъ обѣщаній литовскихъ князей креститься въ католическую вѣру. Гедеминъ, Ольгердъ и Кейстутъ смутили нѣсколько разъ папу и католическій міръ нарушеніемъ такихъ обѣщаній. Ихъ увѣренія остались лишь словами, а равно не исполнилъ своего обѣщанія, даннаго въ 1382 г., и Ягайло. Выгоды, какія могло доставить принятіе католичества, не соотвѣтствовали неудобствамъ, которыя могли возникнуть изъ того, въ особенности въ виду нерасположенія къ католичеству большинства литовскаго и всего русскаго населенія литовско-русскаго государства [1]). Католичество могло разсчитывать на успѣхъ въ Литвѣ только въ томъ

никѣ югозападной и западной Россіи", годъ I, №№ 1—6 (критика на эту статью въ „Основѣ" 1862 г. не совсѣмъ справедлива). Научнѣе и обильнѣе содержаніемъ статьи проф. Первольфа подъ заглавіемъ „Poláci a Rusíni", помѣщенныя въ чешскомъ журналѣ „Osvěta" 1881, №№ 4, 6, 7, 9, 11 (начало въ №№ 1—2). Въ своемъ почти безпристрастномъ очеркѣ г. Первольфъ имѣлъ въ виду прослѣдить преимущественно вліяніе польской культуры на русскую и литовско-русскую и ополяченіе высшаго западнорусскаго общества.

[1]) Сохранилось извѣстіе, что Гедеминъ былъ отклоненъ отъ своего намѣренія принять католичество литвинами и русскими: жмудскіе бояре и Русскіе „verba minatoria habuerunt contra eum".

случаѣ, еслибы ему удалось найдти опору помимо большинства населенія, хотя бы извнѣ, лишь бы не въ нѣмцахъ.

Такая опора для литовскаго католичества явилась въ Польшѣ и въ поборникахъ уніи съ нею послѣ того, какъ Ягайло, увлекшись польскимъ предложеніемъ и выгодами, которыя сулило ему принятіе католичества, измѣнилъ православію и вступилъ на польскій престолъ. Въ поведеніи Ягайла повторился разсчетъ, подъ вліяніемъ котораго литовско-русскіе князья нерѣдко мѣняли свое религіозное исповѣданіе.

14 августа 1385 г. Ягайло подписалъ въ Кревѣ первое обѣщаніе уніи съ Польшею и обязательство возвратить Польшѣ отнятыя кѣмъ-либо у нея земли, присоединить къ ней литовско-русскія и крестить своихъ братьевъ, родственниковъ, бояръ и земянъ [1]. Въ томъ же году унія съ Литвою была обѣщана въ Польшѣ отъ имени Ягайла Скиргайломъ. Унія Литвы съ Польшею, объявленная сначала лишь польской радѣ и затѣмъ провозглашенная въ 1387 г., была формально подтверждена при Витовтѣ въ 1401 г. Вступивъ на польскій престолъ, Ягайло постарался взять съ братьевъ и другихъ литовскихъ князей письменныя обѣщанія покорности польской коронѣ [2]. Равнымъ образомъ, и подольская шляхта дала подписку быть вѣрной Ягайлу, а послѣ его смерти—его преемнику. Въ началѣ XV в. были вновь взяты подобныя обязательства отъ литовскихъ князей. Унію, которая первоначально была выговорена на время правленія Ягайла, было постановлено потомъ (на съѣздѣ въ Городлѣ въ 1413 г.) продолжить и на будущее время—по смерти Ягайла и Витовта. Затѣмъ унія была еще разъ закрѣплена въ 1501 г.

Необходимость частыхъ подтвержденій и письменныхъ закрѣпленій показываетъ, какъ нелегко прививалась эта идея въ литовско-русскомъ государствѣ, какъ трудно было послѣднему свыкнуться съ мыслью объ уніи. Для правильнаго и безпристрастнаго пониманія исторіи Литвы необходимо имѣть въ виду эту постепенность въ развитіи идеи уніи и отрѣшиться отъ внесенія въ исторію XIV и XV вв. той формулировки этой идеи, какая явилась лишь въ половинѣ XVI в.

---

[1]) Свѣдѣніе объ этомъ знаменитомъ документѣ см. у Дудика: Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien, Wien 1867, стр. 42.

[2]) Сохранился цѣлый рядъ такихъ обязательствъ литовскихъ князей.

Принимая унію, литвины не имѣли въ виду совершеннаго соединенія съ Польшею и даже еще въ Литовскомъ статутѣ 1529 г. Польша была названа наравнѣ съ Мазовіею чуждою землею въ отношеніи къ Литвѣ. Поляки считались въ Литвѣ чужеземцами до половины XVI в., и таковы были взгляды большинства литовско-русскаго населенія. Отъ взглядовъ этого большинства надо отличать стремленія поляковъ, которыя были раздѣляемы литовскими государями, боявшимися потерять польскій тронъ, и нѣсколькими литвинами, поддавшимися польскому вліянію. Сторонники польской политики и тѣ, которые не имѣли силы воли противостоять ей, имѣли въ виду унію другого рода, болѣе полную.—Такое раздвоеніе совершенно понятно. Нечего и говорить, что унія была вполнѣ выгодна для Польши, удерживая Литву на поводьяхъ польской политики, доставляя Польшѣ возможность земельныхъ захватовъ въ предѣлахъ русскаго племени и расширенія панскихъ владѣній, но спрашивается, согласовалась ли унія съ интересами литовско-русскаго государства, придавала ли крѣпость послѣднему? Не могло бы быть никакого спора о выгодѣ уніи съ Польшею для литовско-русскаго государства, еслибы послѣднее представляло изъ себя цѣльную этнографическую особь, не выработавшую еще оригинальной и самобытной культуры и обнаруживавшую сознательно или безсознательно полную готовность поддаться польской культурѣ. Литовско-русское государство, которое хотѣли присоединить къ Польшѣ, связать съ нею нераздѣльнымъ и вѣчнымъ союзомъ, находилось въ иныхъ условіяхъ. Русская народность господствовала въ немъ не только численно, но и силою культурнаго, умственнаго и нравственнаго превосходства. Культура западной половины русскаго племени была нисколько не ниже польской [1]), а нѣкоторыя особен-

---

[1]) Для времени до-татарскаго это положеніе доказываетъ И. А. Линниченко въ своей монографіи „Взаимныя отношенія Руси и Польши до половины XIV столѣтія“, ч. I, Кіевъ 1884, стр. 193 и сл. Укажемъ затѣмъ на блестящее развитіе культуры въ югозападной Руси во 2-й половинѣ XIII в. и въ 1-й XIV, о чемъ подробно скажемъ въ иномъ мѣстѣ. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская издавна сносились съ западомъ самостоятельно, помимо Польши. Гуманизмъ въ послѣдней началъ водворяться довольно поздно. Новѣйшія разысканія о началѣ гуманизма въ Польшѣ см. у Шуйскаго „Odrodzenie i reformacya w Polsce“. W Krak. 1881; см. также

ности общественнаго уклада ставили русскія земли выше Польши въ отношеніи человѣчности: какъ извѣстно, со второй половины XIV в. въ Польшѣ началъ быстро развиваться шляхетскій строй съ его исключительностью. Если даже оставимъ въ сторонѣ подобныя сопоставленія, нельзя не признать, что западно-русская культура того времени была основана на самобытныхъ началахъ и не нуждалась въ польскомъ благодѣяніи [1]). Что до литовскаго племени, составившаго съ Русью одинъ политическій организмъ, то оно, какъ мы видѣли, тяготѣло къ Руси и претворялось и въ своихъ вождяхъ, и въ массахъ, въ русскую народность [2]).

Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ и дальнѣйшія попытки поддержать эту унію почти совсѣмъ измѣнили внутреннія отношенія литовско русскаго государства. Идея уніи положила начало совершенно новому направленію его исторіи и ослабленію его, такъ какъ впервые создала дѣйствительную внутреннюю рознь въ литовско-русскихъ земляхъ. Благодаря такому разобщенію Польша пріобрѣла возможность вліянія на ходъ литовско-русскихъ дѣлъ, а это вліяніе привело постепенно къ поглощенію Польшей литовско-русскаго государства.

Съ той поры, какъ Ягайло занялъ польскій престолъ, пообѣщавъ унію съ Литвою, Польша непрерывно заботилась объ осуществленіи

R. Löwenfeld'a „Lukasz Gornicki. Sein Leben und seine Werke. Ein Beitrag zur Geschichte des Humanismus in Polen", Breslau 1884, а также ст. Bauch'a: „Rhagius Aesticampianus in Krakau" etc. въ Archiv f. Litteraturgeschichte, XII. Bd.

[1]) Не лишено значенія, что Гедеминъ, задумавъ водвореніе въ своемъ государствѣ западной культуры, не обращался къ посредству Польши.

[2]) Г. Юргевичъ въ статьѣ „Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ", помѣщенной въ III-й кн. „Чтеній въ Имп. Общ. ист. и древн. Росс." 1883 г., попытался доказать съ помощію литовскихъ именъ, „что вліяніе Русскихъ на Литву было гораздо древнѣе, чѣмъ мы предполагали, и началось даже раньше Ярослава, когда Литва не была еще княжествомъ". Г. Юргевичъ справедливо признаетъ курьезными объясненія литовскихъ именъ, предложенныя прежде Даниломъ и Доутдарисомъ, но и самъ впадаетъ въ погрѣшности, толкуя литовскія имена безъ помощи литовскаго языка, подгоняя ихъ къ христіанскимъ и принимая на вѣру вымыслы. Во всякомъ случаѣ, многія имена, казавшіяся языческими г. Юргевичъ возводитъ къ христіанскимъ.

этой уніи, о подчиненіи литовско-русскихъ земель своему вліянію, о скорѣйшемъ соединеніи съ ними, правильнѣе—о поглощеніи ихъ. Польша старалась, съ одной стороны, о непосредственномъ присоединеніи къ ней южно-русскихъ областей, подпавшихъ власти Литвы и представлявшихъ просторъ для польской колонизаціи и расширенія государственныхъ преимуществъ знати, а съ другой стороны о политической уніи съ цѣлымъ государствомъ. Польскіе сеймы и рады постоянно усиливались подавить въ литовско-русскихъ земляхъ всякое проявленіе стремленія къ самостоятельности и преслѣдовали упорно и неуклонно одну и туже политику въ теченіи двухъ вѣковъ. Литва между тѣмъ занимала не дѣятельное, но страдательное положеніе: она пыталась только отбиваться отъ подобныхъ притязаній, но не имѣла достаточной силы разъ навсегда покончить съ ними и, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе поддавалась имъ. Причина слабости Литвы и безуспѣшности ея борьбы противъ польскихъ притязаній на окончательное закрѣпленіе уніи и введеніе польскихъ порядковъ въ литовско-русскихъ земляхъ заключалась въ отсутствіи рѣшительности и единства въ литовской политикѣ. Это послѣднее обстоятельство было обусловлено нежеланіемъ великихъ князей литовскихъ порвать совершенно связи съ Польшею и разобщенностію основныхъ народныхъ стихій литовско-русскаго государства. Начало этой розни было положено при Ягайлѣ и затѣмъ она постепенно возрастала въ послѣдніе годы правленія Витовта и послѣ него. Съ конца XIV в. внутренняя жизнь литовско-русскаго государства представляла два параллельныя теченія, изъ которыхъ ни одно не могло восторжествовать надъ другимъ собственною силою и само по себѣ. Распря ихъ и вопросъ о перевѣсѣ котораго-либо изъ нихъ могли быть рѣшены только постороннимъ вмѣшательствомъ. Польша дала опору и поддерживала извнѣ одно изъ этихъ движеній и тѣмъ рѣшила дѣло: послѣ двухвѣковой почти борьбы Литва, колебавшаяся между идеею государства съ преобладаніемъ русскихъ началъ жизни и идеею федераціи съ Польшей, склонилась въ концѣ къ этой послѣдней. Національное русское движеніе 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ XV в. не нашло достаточно сильной внѣшней опоры, какую могла бы доставить ему сѣверо-восточная Русь, еслибы сама не была всецѣло занята въ то время собственными дѣлами, и было подавлено.

Итакъ, унія Литвы съ Польшей была благодѣтельна преимущественно для послѣдней, хотя въ будущемъ должна была принести

гибель и Польшѣ, вводя въ организмъ ея элементы, которые не могли ужиться съ польскими порядками. Литву эта унія сдѣлала участницей торжества надъ нѣмецкимъ орденомъ, но подобное торжество было возможно и при временномъ союзѣ Литвы съ Польшею, какъ было, напр., при Гедиминѣ. Помимо того унія съ Польшею отозвалась весьма печальными послѣдствіями въ жизни литовской и русской народностей и того государства, которое онѣ создали дружными усиліями.

Прежде всего воспослѣдовало внутреннее ослабленіе литовско-русскаго государства и внѣшнее въ отношеніи къ Польшѣ. Началомъ такого ослабленія были акты уніи конца XIV-го и начала XV-го в. Съ момента провозглашенія уніи начала исчезать самобытность литовско-русскаго государства. Правда, отъ перваго соединенія Литвы съ Польшею до дѣйствительной и окончательной уніи прошло два вѣка, договоры объ уніи не имѣли полной силы во все это время, не приводили къ рѣшительному и окончательному единенію, и Литва выглядѣла при Витовтѣ какъ бы самостоятельнымъ государствомъ, но все-таки со времени вступленія Ягайла на польскій престолъ она не могла уже совершенно разорвать свою связь съ Польшей, къ которой ее притягивало отчасти католическое исповѣданіе кореннаго литовскаго племени и въ особенности общность царственнаго рода, правившаго въ Польшѣ и Литвѣ. Благодаря религіозной связи и тому, что польскіе и литовскіе государи были изъ одного дома, дорожившаго связью Литвы съ Польшею и долженствовавшаго постоянно угождать польской шляхтѣ, чтобы не утратить Польши, въ литовско-русское государство все болѣе и болѣе проникали польско католическія тенденціи, исключавщія несогласныя съ ними начала и относившіяся къ послѣднимъ съ крайнею нетерпимостью.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ укрѣпить политическую унію замѣчается со стороны Польши и ея приверженцевъ въ Литвѣ стремленіе доставить возможно большее торжество католичеству въ литовско-русскихъ земляхъ.

Мы видѣли, что литовско-русскіе князья до 1385 г. соблюдали большую осторожность въ вопросѣ о вѣрѣ и, сочувствуя православію, а иной разъ и исповѣдуя его, не рѣшались открыто поощрять распространеніе его и обращать религіозную пропаганду въ дѣло государственной политики. Не такъ было послѣ уніи Литвы съ Польшею. Высшіе слои Польской націи были уже проникнуты въ то время ка-

толическою нетерпимостью и думали, что религіозное раздѣленіе опасно для государства, что слѣдуетъ по возможности подавлять другія исповѣданія и что можно въ крайности прибѣгать и къ насиліямъ. Польскіе дипломаты и литовскіе ихъ сторонники вѣрили, что католичество могло быть наилучшимъ средствомъ сближенія обоихъ государствъ. Высшее польское духовенство и знать, употреблявшія всѣ усилія для укрѣпленія связи съ Литвою, прибѣгавшія для того ко всевозможнымъ дипломатическимъ уловкамъ и хитростямъ, знали, что католичество, введеніе котораго въ Литвѣ было ихъ дѣломъ, являлось звеномъ, которое могло крѣпко соединить обѣ народности. Тоже воззрѣніе волей-неволей усвояли въ большей или меньшей степени и князья литовскаго дома, занимавшіе польскій престолъ. Вопросъ религіозный сталъ теперь вмѣстѣ и вопросомъ государственнымъ, и государство приняло на себя попеченіе объ интересахъ вѣры. Въ грамотѣ на имя Виленскаго епископа Ягайло прилагалъ заботу, „дабы новообращенные въ католичество литовцы какимъ-либо образомъ не отдѣлились отъ послушанія и обрядовъ римской церкви". Ягайло и Ягеллоны пошли по тому пути, который въ Галичинѣ и западной Польшѣ былъ предначертанъ Пястами (Казиміромъ В., Владиславомъ Опольскимъ и ранѣе—отчасти Юріемъ II), и вводили польскій государственный строй и католичество при всякой возможности Великіе князья литовскіе начали поощрять распространеніе католичества, надѣляя католиковъ привиллегіями, какихъ не получали православные, и постепенно съуживали права послѣднихъ, отчуждая отъ нихъ католиковъ. Средствомъ заманиванія въ католичество служили польско-шляхетскія привиллегіи, которыя стали съ того времени конечною цѣлью стремленій литовско-русскаго боярства и отдавали его въ сѣти Польши, между тѣмъ какъ нѣкоторые видные представители аристократіи крѣпко стояли за свои національныя и религіозныя начала. Желая провести унію, польская дипломатія хорошо обдумала планъ и выбрала средства, которыя могли вести къ цѣли какъ нельзя лучше. Орудіемъ введенія унія она намѣтила дворянство. Всѣ сторонники уніи постоянно имѣли въ виду усиленіе дворянства, какъ наиболѣе податливаго въ этомъ отношеніи сословія въ литовско-русскомъ государствѣ, и заботились о привлеченіи его на свою сторону приманками „польскихъ вольностей", которыя составляли принадлежность одного шляхетства; о народѣ не думали. Постепенно въ литовско-русское государство вводились польскій государственный

строй, польскіе должности и гербы; особенное вниманіе было обращено на польско-шляхетскія привиллегіи, которыя должны были преимущественно содѣйствовать распространенію католичества среди литовскаго дворянства. При крещеніи въ Краковѣ Ягайло клятвенно обязался „привлечь, приневолить *и всѣми способами* присоединить къ католической вѣрѣ всѣхъ людей народа литовскаго, къ какому бы званію и состоянію они ни принадлежали и какой бы секты и различія они ни были“. Въ этихъ словахъ была впервые точно выражена та правительственная программа, которой нерѣдко слѣдовали потомъ польско-литовскіе государи. Прибывъ въ Литву по принятіи католичества, 20 февраля 1387 г. Ягайло издалъ привиллегію для литовскихъ бояръ, которые перешли бы въ католичество; имъ предоставлялись права, составлявшія преимущество польской шляхты. Декретомъ 22 февраля 1387 г. Ягайло повелѣлъ всѣмъ литвинамъ, жившимъ въ Литвѣ и на Руси, перейдти въ католичество *изъ всякой другой секты*, запретилъ вступать въ бракъ съ послѣдователями греко-восточнаго исповѣданія, лицамъ же, вступавшимъ въ бракъ съ исповѣдывавшими католическую вѣру, повелѣлъ принимать католичество. Ослушникамъ грозило тѣлесное наказаніе. Ясно отсюда, что верховный литовскій правитель хотѣлъ отдалить литвиновъ отъ русскихъ и опереться на литвиновъ-католиковъ. Вслѣдъ затѣмъ Ягайло дѣятельно занялся распространеніемъ католичества и поощрялъ католическую пропаганду. Онъ надѣлялъ преимуществами католическое духовенство, а православныхъ называлъ схизматиками.

Политическая связь съ Польшей и распространеніе католичества открывали дорогу польской культурѣ, а эта послѣдняя приводила къ ополяченію поддававшихся ей и вмѣстѣ къ нетерпимому отношенію къ русскому началу. Желая подавить его самобытность и поскорѣе примирить съ польскими стремленіями [1]), подняли въ Польшѣ и Литвѣ старую идею уніи православія съ католичествомъ [2]). Уже въ пере-

---

[1]) Въ актѣ уніи 1400 г. говорится что „saepe disparitas cultus diversitatem inducit animorum“.

[2]) Замѣчательно, что уніаты позднѣйшаго времени не ссылались на попытку водворенія уніи въ югозападной Руси, которая была предпринята Иннокентіемъ IV въ XIII в., и исходнымъ пунктомъ своей аргументаціи

пискѣ Гедемина съ папою велась, между проч., рѣчь „pro ecclesie Dei unione“. Въ началѣ XV в. поднялась рѣчь объ этой уніи въ самой Литвѣ. Витовтъ посылалъ на Констанцкій соборъ митрополита и православныхъ епископовъ подвластныхъ ему областей. Быть можетъ, онъ сочувствовалъ идеѣ сглаженія рѣзкаго религіознаго отчужденія литвиновъ отъ русскихъ и желалъ водворить единую церковь въ своемъ государствѣ. Отчасти, быть можетъ, для осуществленія этого плана онъ учредилъ и отдѣльную митрополію въ Литвѣ. Русскіе епископы заявили однако, что не желаютъ подчиняться римской церкви [1]). Главнымъ агитаторомъ въ пользу уніи былъ тогда Ягайло, обѣщавшій Констанцкому собору устроить соглашеніе съ греческою церковію [2]). Въ письмѣ къ папѣ Ягайло обѣщалъ оказать поддержку католической миссіи въ случаѣ присылки кардинала для обращенія русскихъ въ коренныхъ ихъ земляхъ. Ягайло писалъ, что, не будь военныхъ помѣхъ, онъ давно привелъ бы весь русскій народъ къ подчиненію римской церкви. Ягайло сносился по вопросу объ уніи и съ Константинопольскимъ патріархомъ, а равно писалъ о томъ къ патріарху, по желанію короля, митрополитъ Кипріанъ [3]). Мысль объ уніи была оживлена Флорентійскимъ соборомъ [4])

избирали Флорентійскій соборъ. См. Завитневича „Палинодія Захаріи Копыстенскаго и ея мѣсто въ исторіи западно-русской полемики XVI и XVII вв.“, Варшава 1883, стр. 175 и слѣд.

[1]) Васильевскій, Вильна, 20. Г. Васильевскій ставитъ мысль Витовта о церковной уніи въ связь также съ гуситскимъ движеніемъ. Ср. Stadnicki, Bracia Wład. Jag., 131—132. Dodatki i poprawki dalsze, Lwów 1873, 10. Выдержку изъ протоколовъ Констанцкаго собора о пребываніи Іеронима Пражскаго въ Литвѣ и объясненіе ея см. у Гильфердинга, Гусъ, Спб. 1871, 16—22; она перепечатана въ „Витебской старинѣ“. Объ Іеронимѣ Пражскомъ см. еще у В. И. Ламанскаго „О славянахъ“, прилож. 123 и сл. См. также монографію г. Прохаски „Polska a Czechy w czasach husyckich aż do odwolania Korybuta z Czech“ въ Rozpr. i Sprawozd. z posiedzeń wydziału historyczno-filozophicznego Akademii Umiejętnosci“ t. VII. Монографіи г. Прохаски собраны теперь въ отдѣльной книгѣ—Szkice historiczne z XV wieku, Warsz. 1884. Объ отдѣльныхъ литовскихъ митрополитахъ XIV в. см. замѣтку г. Павлова въ Р. ист. библ. VI, 71—73.

[2]) Cod. ep. Vit. App. № VI, p. 1030. Stadnicki, Dodatki, 10.

[3]) Acta Patriarch. II, 280, 282—285.

[4]) Отъ времени, слѣдовавшаго непосредственно за Флорентійскою уніею, сохранился одинъ любопытный документъ, показывающій, что враждебно

и затѣмъ при в. кн. Александрѣ. Она должна была привести потомъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ [1]).

Такимъ образомъ, католичество сразу являлось на Руси не только религіознымъ ученіемъ, но находилось въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ польскою государственною и національною идеей и было вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаніемъ русской національной самобытности, не только политической, но и религіозной—нарушеніемъ религіозной свободы. Отсюда должна была возникнуть тѣснѣйшая связь русской народности въ литовскомъ государствѣ съ православіемъ; православіе было называемо русскою вѣрою, а послѣдователи его получили въ правительственныхъ документахъ названіе русской секты. Русскіе были поставлены въ положеніе униженной, не покровительствуемой народности. Польская политика раздувала искусственно фанатизмъ въ странѣ, въ которой его не было до той поры, и благодаря разгоряченію фанатизма, религіозное раздѣленіе стало представлять теперь дѣйствительную опасность для государства.

Недоброжелательное отношеніе къ русской народности и вѣрѣ и привело къ той розни и внутренней борьбѣ въ литовско-русскомъ

относились къ этой уніи даже жители города пограничнаго со стороны Польши, Холма: разумѣемъ посланіе отщепенца митроп. Исидора, писанное въ 1440 г. къ Холмскимъ старостамъ и воеводамъ въ защиту попа Вавилы. Оно перепечатано въ послѣднее время въ Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. VI (№ II) со списка, сохранившагося въ Метрикѣ Коронной съ обозначеніемъ лица, предъявившаго этотъ документъ, но исправнѣе напечатанъ этотъ текстъ у Бодянскаго (съ объясненіями): „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ", М. 1840, стр. 12—16.

[1]) См. книгу г. Кояловича: „Литовская церковная унія", т. I, Спб. 1859. Новѣйшая монографія о церковной уніи въ югозападной Руси, написанная О. И. Левицкимъ (предисловіе къ VI-му т. 1-й ч. Арх. ю. з. Р.), оттѣняетъ преимущественно нѣкоторыя изъ условій, содѣйствовавшихъ распространенію уніи. Ср. статьи Д. А. Синицкаго о состояніи церкви въ юго-западной Руси предъ уніей („Вѣстн. ю.-з. и з. Р."). Новѣйшія католическія сочиненія о церковной уніи: *Likowski*, Historya unii kościoła Ruskiego z kościołem Rzymskim, w Poznaniu, Leitgeber i spółka, 1875; *Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, 2 Bde, Wien, 1878—80. Обѣ эти монографіи не научны и тенденціозны.

государствѣ, которая, какъ справедливо думаетъ В. Б. Антоновичъ, была главной причиной паденія этого государства. Такая борьба началась только послѣ 1387 г. [1]); до того времени нѣтъ извѣстій о взаимной племенной и религіозной враждѣ двухъ народныхъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ литовско-русскаго государства.

Ходъ литовско-русской исторіи съ 1387 г. обусловливался, какъ и прежде, взаимодѣйствіемъ трехъ культурныхъ началъ, но взаимное отношеніе ихъ, а равно и направленіе одного изъ нихъ измѣнились вслѣдствіе привнесенія новой политической и религіозной программы. Народное литовское начало отожествляло себя теперь нерѣдко съ католичествомъ и въ силу того не всегда соблюдало стойкость въ отношеніи къ Польшѣ, въ которой видѣло единовѣрную союзницу. Различіе религіозныхъ исповѣданій начало отзываться политической рознью. Вспомнимъ, какое разъединеніе поселяетъ религіозное различіе даже въ настоящее время, напр. въ Босніи, гдѣ католики ненавидятъ православныхъ и наоборотъ. Еще сильнѣе должна была разгорѣться вражда въ Литвѣ 500 лѣтъ назадъ. Въ тѣ вѣка нетерпимости подъ вліяніемъ внушеній духовенства различіе исповѣданій имѣло огромное значеніе, и люди одной вѣры относились недоброжелательно къ послѣдователямъ другой. Въ особенности это должно сказать о католической іерархіи которая пыталась не разъ—и путемъ мирныхъ переговоровъ, и силою оружія—привести православную Русь къ единенію съ Западомъ. Русскіе, которыхъ даже Ягайло называлъ схизматиками, почти не отличались, по взгляду католиковъ, отъ татаръ; они были называемы *pagani*, а церкви ихъ синагогами. Во время Ягайла и Витовта на Западѣ держалось во всей силѣ вражебное отношеніе къ русскимъ [2]), которые

---

[1]) Къ тому же взгляду склоняется и Станиславъ Смолька въ Szkice historyczne, serya pierwsza, Warsz. 1882, 43: „.....odkąd Litwa sama z pogaństwa na katolicyzm nawrócona, otrząsła się z wpływu ruskiego, rozwarzła się nagłe przepaść między dwiema różnorodnémi częściami państwa litewskiego“.

[2]) Нѣмецкій орденъ ставилъ въ вину Ягайлу то, что онъ „contra canonum prohibicionis in tales exaccionis sentencias promulgans, multa familiaritate scismaticos immo hereticos Ruthenos, qui utique sunt dure cervicis et cordis indomabilis, dampnatam heresim de processione spiritus sancti tantum a patre procaciter tenentes et pertinaciter defendentes, ecclesie Romane inobedientes, sacramenta

не платили однако такою ненавистью своимъ врагамъ [1]) и тѣмъ отличались отъ католиковъ. На послѣднихъ по преимуществу падаетъ вина за рознь, развившуюся въ литовско-русскомъ государствѣ. Нашедши опору въ верховной власти, католичество не ограничивалось свободною религiозною проповѣдью и относилось нетерпимо къ православiю. Вслѣдствiе такого отношенiя и стремленiя католичества къ преобладанiю *въ государствѣ* примиренiе и равновѣсiе обоихъ началъ было невозможно, и должна была произойдти борьба, имѣвшая цѣлью перевѣсъ и торжество одного начала надъ другимъ. Эта борьба подрывала силы литовско-русскаго государства и нерѣдко побуждала лицъ, стоявшихъ во главѣ его, добиваться тѣснѣйшей связи съ Польшею.

Послѣ этихъ общихъ замѣчанiй о сущности историческаго процесса, совершавшагося въ литовско-русскомъ государствѣ въ послѣднiе два вѣка его существованiя, укажемъ на главные моменты развитiя этого процесса и постепеннаго опутыванiя Литвы Польшей [2]).

Со времени провозглашенiя первой унiи Литвы съ Польшею, съ 1387 г. стало рѣзко обозначаться раздѣленiе населенiя литовско-русскаго государства на два враждебные лагеря, и ясно выступили политическiя партiи [3]). Начали открыто заявлять себя разнородныя начала, стремившiяся къ обособленiю. Съ того времени русскiе бла-

---

nostra prophanantes, plurimos alios dampnatos errores habentes, Christi fidelibus opido infestiores quam quequam alia gens barbara et crudelis, fovendo et defendendo eos divino timore postposito“... Cod. ep. Vit., App., p. 1028. Безпристрастные польскiе историки, напр. Стадницкiй, не отрицаютъ такого враждебнаго отношенiя католичества къ русскому народу.

[1]) Вотъ слова ордена въ объяснительной запискѣ крестоносцевъ, поданной Констанцкому собору: „Unum certe de humanitate dictorum Ruthenorum et aliorum infidelium recitatione dignum estimatur, quod dominum regem Polonie et alios qui a fide eorum recesserunt et nostram susceperunt ea benignitate et paciencia tollerant, qua ipsos in eorum perfidia tollerabant, in eo christianorum humanitatem excedentes, qui a fide eorum relapsos ad idola non solum ad ipsorum conversacionem non admittunt, sed diris cruciatibus persecuntur cuius misteriam dignissimis vestris paternitatibus relinquitur declarandum“. Cod. ep. Vit., App., p. 1030.

[2]) Цѣльный очеркъ этого процесса можно найдти въ книгѣ A. Mosbach'a: Początki unii Lubelskiéj, Poznań 1872.

[3]) Ср. у Смирнова: Ягелло-Яковъ-Владиславъ, стр. 205.

гопріятствовали однимъ князьямъ, литвины католики другимъ. Литовская аристократія отдѣлялась отъ русской. Возникла борьба, которая по временамъ утихала, а по временамъ разгоралась съ значительною силою. Борьба эта перешла потомъ по наслѣдству къ Польшѣ, когда послѣдняя захватила южнорусскія области, принадлежавшія прежде Литвѣ, но послѣ Люблинской уніи польскому насилію противилось уже не дворянство, а остальныя сословія русской народности.

Въ великомъ княжествѣ Литовскомъ борьба происходила собственно не между литовскою и русскою народностями, но между двумя культурами, принимая это обозначеніе въ широкомъ смыслѣ слова, включая въ это понятіе вѣроисповѣдныя различія, такъ много значившія въ то время, и отличія политическаго строя. Нельзя отрицать того, что противниками русскихъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ были по преимуществу литвины-католики, но этотъ антагонизмъ не былъ народенъ и зародился со времени оффиціальнаго введенія въ Литвѣ католичества; собственно боролись партіи: шляхетско-католическая или литовско-польская и литовско-русская. Вполнѣ національная литовская партія не сливалась цѣликомъ съ польско-литовскою: она иногда опиралась на Польшу и на связь съ ея королями, но боялась совершенно поддаться ей.

Съ конца XIV в. въ литовско-русскихъ земляхъ замѣчается цѣлый рядъ попытокъ русской народности отстоять свою самобытность отъ насильственныхъ покушеній приверженцевъ уніи съ Польшей.

Русскіе поднялись противъ Ягайла прежде всего подъ знаменемъ его брата, князя Андрея Вингольта Ольгердовича, не хотѣвшаго ничего знать объ уніи и объявившаго, что Ягайло не можетъ быть литовскимъ княземъ потому, что принялъ латинство и сталъ отщепенцемъ. За Андрея стали полочане и смольняне, но онъ погубилъ свое дѣло своею неумѣлостью.

На первыхъ порахъ унія была единеніемъ обоихъ государствъ въ личности Ягайла. Ягайло смотрѣлъ на Литву, какъ на свою собственную землю, которую былъ вправѣ присоединить къ польскому государству, и хотѣлъ оставить въ Вильнѣ намѣстника, но обстоятельства показали ему, что онъ не могъ ограничиться оставленіемъ въ Литвѣ простаго намѣстника. Чтобы не вооружить противъ себя окончательно Литвы и русскихъ земель, Ягайло поставилъ во главѣ ихъ Скиргайла,

котораго нѣмцы называли русскимъ [1]) и который, когда его смѣстили съ великаго княженія, получилъ въ удѣлъ важнѣйшій изъ чисто русскихъ городовъ—Кіевъ.

Ягайло вынужденъ былъ отдать литовско-русское государство Витовту. При Витовтѣ [2]) ослабленіе литовско-русскаго государства, какъ самостоятельнаго политическаго организма, было не слишкомъ замѣтно, и Литва озарилась небывалой дотолѣ славой, какой не видѣла въ послѣдующее время. По словамъ Длугоша, современники Витовта ставили его выше другихъ государей по искусству управленія государствомъ, и лучшій изъ новѣйшихъ знатоковъ исторіи Витовта, г. Прохаска, готовъ согласиться съ этимъ отзывомъ [3]). Витовтъ отличался несомнѣнно замѣчательными государственными способностями. Это сказалось ярко, между прочимъ, въ дѣлѣ о Жмуди, которая была уступлена нѣмецкому ордену еще Ягайломъ въ 1382 г. Горячій литовскій патріотъ Витовтъ никогда не думалъ искренно отдать ее нѣмцамъ, но въ виду упорства и неугомонности Жмуди допустилъ временное присоединеніе ея къ орденскимъ землямъ. Испытавъ сладость орденскаго господства, Жмудины порѣшили примкнуть къ Витовту потѣснѣе, но послѣдній долго притворялся пріятелемъ ордена и показывалъ видъ, будто пособляетъ нѣмцамъ подчинить Жмудь. Вообще Витовтъ съумѣлъ стать великимъ княземъ Литвы при самыхъ неблагопріятныхъ, казалось, обстоятельствахъ и восторжествовалъ надъ всѣми своими явными противниками. Онъ видимо стремился къ усиленію центральной великокняжеской власти и успѣлъ достигнуть того вполнѣ. Онъ отдѣлался отъ областныхъ князей, опиравшихся на русскую народность и сочувствовавшихъ ей [4]), и, лишившись вначалѣ всего, сталъ потомъ главою

---

[1]) Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 996.

[2]) Cod. ep., pp. IX—X.

[3]) Для времени Витовта укажемъ на статью проф. Васильевскаго „Жена Витовта", помѣщенную въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" 1870, №№ 18, 19, 24, 40, 41 и 42, 43, 51, 52, 55, 57.

[4]) Нѣкоторые думаютъ, что Витовтъ не брезгалъ въ этомъ случаѣ даже преступными средствами, и приписываютъ Витовту отравленіе двухъ Ягайловыхъ братьевъ, Скиргайла и Вигунта. Цитаты см. у Шиманскаго: Die Wahlen der Grossfürsten von Lithauen und das Wahlgesetz seit 1386 bis in die Mitte des XV Jahrhunderts, s. 10.

обширнаго государства, провелъ всѣхъ сосѣдей и усилилъ Литву болѣе Польши. Никогда послѣ Витовта литовско-русское государство не достигало такихъ размѣровъ, какъ при немъ, и Витовтъ не только возбудилъ восторженное уваженіе современниковъ [1]), но и потомъ слылъ народнымъ героемъ литовцевъ [2]). Полтора вѣка спустя царствованіе его все еще считалось какъ бы золотымъ вѣкомъ Литвы, какъ государства. Литвины XVI в. вспоминали о времени, когда ихъ предки „распространяли свои предѣлы отъ одного моря до другаго и назывались врагами „Храбрая Литва [3])“. На южныхъ окраинахъ бывшаго государства Витовта долго держалось воспоминаніе объ этомъ князѣ, рисовавшее его въ величавомъ видѣ [4]).

---

[1]) См. похвалу Витовту въ 1-й л.-р. лѣтописи.

[2]) Михалонъ Литвинъ выразился такъ объ Иванѣ IV: „мира онъ не вымаливаетъ, силу отражаетъ силою, воздержанію татаръ противопоставляетъ воздержаніе своего народа, трезвости трезвость, искусству искусство, подражая *нашему герою Витовту*“.

[3]) Михалонъ Литвинъ, кн. III. Переводъ въ „Арх. историко-юрид. свѣд.“ изд. Н. Калачевымъ, 1854.

[4]) Брунъ пріурочивалъ къ имени Витовта „lacus Vidovo seu Obidovo“ Бр.піовскаго. Онъ сослался при этомъ на упоминаніе у Сарницкаго о Balneum Vitoudi и Pons Vitoudi (non procul a Balneo) (Dług., t. II, 1712, p. 1890) и замѣчаетъ: „Peut-être même la tradition se rapporte-t-elle à Vitold qui d'après Sarnicius avait fait construire un pont et un bain ou plutôt une douane sur le Boug. En effet deux villages sur le bord de ce fleuve, Vitovca et Vitovtov-brod, furent probablement nommés ainsi d'après le nom païen de cet autre Alexandre. Aussi n'aurai-je aucune crainte d'affirmer que le liman du Dniestre a été nommé de son nom moldave plutôt d'après ce conquérant heureux, que d'après l'infortuné poète romain, comme on le prétend encore quelque fois, sans penser qu'Ovide n'a jamais été en Bessarabie et que les Moldaves n'y sont venus que peu de tems avant Vitold“. Sur l'emplacement d'un chateau, construit sur le bord du Dniestre en 1421 (Extrait du Journal d'Odessa nº 17 et 18—1852), p. 6. Любопытно, что во времена Сарницкаго сооруженію Витовта легенда приписала особое значеніе, не соотвѣтствовавшее дѣйствительному. У Сарницкаго читаемъ подъ словами Ouidii lacus (l. c. col. 1913): „Inter Hypanim et Tyram, sed vicinior ostiis Tyrae. Cernitur ibi murus quidam plumbo compactus, qui in mare medio milliari porrigitur. Dicuntque Vitoudum eousque in mare equo descendisse, dominium sibi maris Sarmatici vendicans“.—У Папроцкаго читаемъ въ разсказѣ о Зборовскомъ: „...idąc z Hasłonhorodka, miał nocleg u Witułtowej

Къ сожалѣнію, величіе Витовтовой державы рухнуло вмѣстѣ съ его смертію и было обманчиво, какъ справедливо замѣтилъ Львовскій профессоръ Смолька [1]), противникъ г. Прохаски въ оцѣнкѣ правленія Витовта, не сходящійся съ г. Прохаской въ пониманіи личности этого государя.

Должно признать, что вина гибели литовско-русскаго государства падаетъ въ значительной степени на самого Витовта.

Не будемъ указывать съ укоромъ, принимая во вниманіе интересы великаго княжества литовскаго, какъ самостоятельнаго государства, на то, что Витовтъ письменно обязался въ 1392 г. признавать своей госпожей Ядвигу, не оставлять ея и польское королевство и оказывать имъ постоянную помощь [2]). Въ то время Витовтъ еще не успѣлъ укрѣпиться на литовско-русскомъ престолѣ; чтобы усидѣть на немъ, Витовтъ нуждался въ крѣпкой помощи Ягайла и понялъ, что открытая борьба съ Ягайломъ привела бы въ сущности къ торжеству нѣмцевъ. Имѣются другія основанія умѣрить похвалы, какія расточаютъ Витовту, какъ дальновидному и мудрому государю Литвы. Нельзя не признать, что

łaźnie, tam się napatrzył wielkich *antiquitates* jego". Herby ryc. polskiego, wyd. Turowskiego, Krak. 1858, str. 163. О времени Витовтова сооруженія на Днѣпрѣ говоритъ подъ 1398 г. von Posilge: „*Wytolt zcoch off dy Tatern mit macht.* Item in desim zomir czog Wytowt mit eyme groszin here von Littowin, Russin und cristin, und worin etliche mete von Pruszin, adir ir was nicht vil, und czogin hin ken Tatern wol II^{c} myle jensit der Wille; und buwete ein hus of den Nepper das flys, und die lant dorumb irgobin sich im. Das hus wart gebuwet von leyme und steynen bynnen IIII wochen, und his dishus Sente Johannes—burg". Script. rer. Pruss. III, 222. Отмѣчаемъ это извѣстіе, чтобы читатель могъ видѣть, какъ основательны размышленія о раздвоеніи Кромеромъ Витовтова похода 1399 г. и о томъ, что Кромеръ выдумалъ Витовтовъ походъ 1397 г. (такія возраженія противопоставлены нашему взгляду на извѣстіе Кромера о завоеваніи Подолья). Что на Кромера въ этомъ случаѣ взводятъ напраслину, доказываетъ, кромѣ приведеннаго извѣстія, другое—подъ 1397 г.—о походѣ къ Кафѣ и подчиненіи Витовтомъ татаръ (ib. 216). Слѣдовало бы также принять во вниманіе указаніе актовъ, хотя бы въ Skarbiec, № 670 (str. 308).

[1]) Szkice, стр. 47.

[2]) Cod. ep. Vit., App. № II, p. 960.

Витовтъ допустилъ немало крупныхъ ошибокъ въ своей политикѣ въ послѣдующее время и вообще во все свое царствованіе.

Намъ кажется вѣрнымъ въ общемъ тотъ взглядъ на Витовта, который г. Смолька проводитъ въ своей статьѣ о битвѣ подъ Грюнвальдомъ. Современный польскій историкъ, развивая подозрѣніе, не разъ высказанное Длугошемъ, думаетъ, что Витовтъ замышлялъ, какъ бы не дать Польшѣ окончательно восторжествовать надъ нѣмцами, и желалъ тѣмъ предохранить Литву отъ поглощенія Польшей. Объясненіе тактики Витовта въ 1410 г., предложенное г. Прохаской [1]), повидимому, вѣроятнѣе, но несомнѣнно что Витовтъ разбилъ нѣмцевъ не болѣе, чѣмъ сколько было нужно для его цѣлей, и не далъ Польшѣ полнаго перевѣса надъ ними. Онъ постоянно отстаивалъ интересы крестоносцевъ въ противовѣсъ Польшѣ, да и потомъ, послѣ войны 1422 г., Витовтъ не имѣлъ охоты ратовать за Польшу и порывался уладить свои восточныя отношенія. Слѣдуетъ однако признать, что ни ранѣе Грюнвальдской битвы, ни долго послѣ нея Витовтъ не обнаруживалъ надлежащей рѣшимости въ отношеніяхъ къ Польшѣ, хотя и лелѣялъ, быть можетъ, въ душѣ честолюбивый замыселъ стать самостоятельнымъ государемъ могучаго и обширнаго литовско-русскаго государства. Вслѣдствіе этой нерѣшительности Витовта при немъ продолжалась закладка и упроченіе началъ, которыя не могли сулить добра въ будущемъ литовско-русскому государству и содѣйствовать внутреннему укрѣпленію его и его самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживались и признаки начинавшейся слабости.

Въ 1401 г. была формально подтверждена унія Литвы съ Польшей. Въ актѣ этой уніи литовскіе прелаты, князья, паны, шляхта обѣщали быть за одно съ польскимъ королемъ и королевствомъ, возвратить по смерти Витовта всѣ владѣнія его польскому королевству, признать власть польскаго короля и не выбирать никого въ государи Литвы безъ вѣдома Польши. Этимъ актомъ впервые устанавливался законъ наслѣдованія велико-княжескаго достоинства въ литовско-русскомъ государствѣ: великое княженіе становилось принадлежностью Ягайла и его рода, между тѣмъ какъ до той поры не было подобнаго

[1]) См. замѣчаніе г. Прохаски о болѣзни въ войскѣ Витовта въ Cod. ep. Vit., pp. 214—215.

точно опредѣленнаго законоположенія. Можно думать, что обязательство 1401 г. было подписано не всѣми видными представителями Литвы, а только католиками [1]). Особенное значеніе имѣлъ извѣстный съѣздъ въ Городлѣ (въ 1413 г.), на которомъ литовское дворянство получило польскіе гербы и литовскіе дворяне-католики были уравнены въ нѣкоторыхъ правахъ съ польскою шляхтою. Въ благодарность за себя и за всѣхъ бояръ литовская шляхта обязалась не оставлять польскихъ пановъ и, по смерти Витовта, избрать новаго великаго князя литовскаго не иначе, какъ съ согласія Ягайла и поляковъ, а поляки, въ свою очередь, должны были избрать короля съ вѣдома и согласія литвиновъ и Витовта. Этимъ исправлялась до извѣстной степени ошибка, допущенная Витовтомъ въ прежнихъ обязательствахъ въ отношеніи къ Польшѣ. Онъ былъ признанъ какъ бы самостоятельнымъ владѣтелемъ Литвы до конца его жизни, а послѣ его смерти Литва могла сама избрать себѣ великаго князя, хотя и съ согласія Польши, а не переходила прямо въ собственность Польской короны, какъ было условлено въ документахъ, подписанныхъ Витовтомъ прежде. Теперь обѣ страны какъ бы уравнивались въ правахъ союза, и наслѣдственному праву, подтвержденному актомъ 1401 г., противополагалось право избирательное, но не полное, ограниченное для обѣихъ сторонъ взаимнымъ контролемъ. Это право едвали составляло для Литвы цѣнное пріобрѣтеніе. Не могли принести много добра и другія статьи этого договора. Въ силу акта Городель-

[1]) Обѣщаніе вѣрности королю и польской коронѣ подписали въ 1401 г. prelati principes, barones, nobiles, terrigene terrarum Litwaniae et Russie. Послѣ перечня цѣлаго ряда именъ говорится: nec non tota universalis omnium et singulorum nobilium et terrigenarum predictarum Litwanie et Russie terrarum, quorum quamvis nomina singulatim hic non sunt expressa, ipsorum tamen consensus ad subscripta adest acsi pro insertis haberentur. Ни изъ чего не видно однако, чтобы подписавшіе актъ 1401 г. имѣли полномочіе отъ всѣхъ представителей литовско-русскаго государства на такое огульное заявленіе. Повидимому, подписавшіе были всѣ католики: въ актѣ 1401 г. мы не встрѣчаемъ именъ православныхъ епископовъ, да и подписавшіе называютъ себя in fide facti unanimes et consortes съ поляками и говорятъ: „ad perfeccionem katholicorum operum merito et oportune debemus per concordiam perpetue aspirare“. Cod. ep. Vit., p. 73—74, № CCXXXIV.

ской уніи исповѣдывавшіе православіе не должны были быть допускаемы въ тайный королевскій совѣтъ и къ занятію высокихъ мѣстъ, и это постановленіе держалось до 1563 г. Его подтвердили Сигизмундъ I въ 1529 г. и Сигизмундъ II въ 1547 и 1551 г., при чемъ обѣщали не дѣлать послабленій православнымъ. Понятно, что такое постановленіе не могло состояться съ согласія русскаго населенія, и, отмѣняя это распоряженіе въ 1563 г, Сигизмундъ-Августъ въ объясненіе Городельской несправедливости ссылался на неявку Русскихъ на этотъ съѣздъ, вслѣдствіе чего будто бы и лишили ихъ правъ [1]).

Мы видѣли, что, наряду съ этими общими обязательствами, унія Литвы съ Польшей была скрѣплена цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ и частныхъ подписокъ князей литовско-русскаго государства въ вѣрности Ягайлу, Ядвигѣ и польской коронѣ послѣ смерти Витовта. Самъ Витовтъ 18 января 1401 г. призналъ, что получилъ верховное княженіе въ литовскихъ земляхъ, составлявшихъ собственность Ягайла, до своей кончины, а не въ потомственное владѣніе [2]). Были взимаемы подобныя записи и съ земель. Въ 1418 г. Подоляне присягнули на вѣрность Ягайлу, а онъ велѣлъ имъ присягнуть на повиновеніе Витовту до смерти послѣдняго, при чемъ оставалась въ силѣ присяга на вѣрность польской коронѣ [3]), и Подолье какъ бы считалось польскою областью уже при Витовтѣ.

Витовтъ, при его великомъ умѣ, не могъ не видѣть всѣхъ послѣдствій этого ряда дипломатическихъ побѣдъ Польши. Онъ не могъ не замѣтить, что всѣ мѣропріятія Краковскаго двора имѣли въ виду не интересы великаго княжества литовскаго, какъ особаго государства, но выгоды Польши и католичества.

Скажутъ, что Витовтъ былъ вынужденъ своими отношеніями къ Ягайлу давать свое согласіе на всѣ мѣры, клонившіяся къ закрѣпленію связи Литвы съ Польшею, но подобная защита Витовта не въ состояніи будетъ поддержать славу его, какъ *геніальнаго* политика. Вообще,

---

[1]) Можно думать, что нѣкоторые русскіе были на съѣздѣ въ Городлѣ, но ихъ согласіе не требовалось для скрѣпленія принятыхъ тамъ рѣшеній.

[2]) Cod. ep., p. 72, № CCXXXIII.

[3]) Cod. ep. Vit , № DCCCV, p. 427—428.

какъ ни изворачиваться, нельзя не признать, что отчасти и самъ Витовтъ содѣйствовалъ позднѣйшему паденію литовско-русскаго государства. Умъ Витовта, возвышавшій его до яснаго пониманія смысла совершавшихся предъ нимъ событій, и до умѣнья весьма ловко пользоваться обстоятельствами для осуществленія величавыхъ плановъ, не предохранилъ этого знаменитаго политика отъ значительныхъ ошибокъ.

Витовтъ не былъ проникнутъ узкою католическою нетерпимостью и стоялъ и въ этомъ отношеніи выше Ягайла. Хотя при Витовтѣ было учреждено католическое епископство даже въ Луцкѣ, но вообще католичество обнаруживало слабые успѣхи въ правленіе Витовта. Большинство литовцевъ были православные и къ числу послѣднихъ принадлежали многіе изъ самыхъ знатныхъ людей [1]). Враги Витовта, нѣмцы тевтонскаго ордена, указывали на то, что Витовтъ—предатель по врожденному лукавству и что онъ четыре раза измѣнялъ христіанству. Они обвиняли Витовта въ томъ, что онъ склонялся болѣе къ литвинамъ, русскимъ и невѣрнымъ, чѣмъ къ католикамъ [2]). Быть можетъ, въ послѣднемъ навѣтѣ было преувеличеніе, но нельзя отрицать, что Витовтъ держалъ себя сравнительно независимо въ отношеніи въ церкви и ставилъ государственные интересы выше религіозныхъ, какъ то доказываетъ, напр., анекдотъ о проповѣди въ Жмуди. Когда жмудинки заявили намѣреніе оставить скорѣе родину, чѣмъ разстаться съ богами, Витовтъ, пригласивъ Іеронима, сказалъ: „Христосъ скорѣе обойдется безъ подданныхъ, нежели я [3])“.

Но, будучи свободенъ отъ предвзятыхъ католическихъ тенденцій, Витовтъ тѣмъ легче могъ понять, что сила великаго княжества литовскаго, какъ самостоятельнаго государства, заключалась прежде всего въ русскомъ населеніи его и русской культурѣ. Витовтъ обратилъ однако на то недостаточное вниманіе и вслѣдъ за Ягайломъ положилъ начало ослабленію политическаго значенія русской народности, надѣливъ католиковъ исключительными привиллегіями и поддерживая неопредѣленность отношеній. Витовтъ какъ бы побаивался усиленіи рус-

---

[1]) Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 999.

[2]) Ibid., 996.

[3]) Przewodn. nauk. i literacki, 1880, № 7, ст. Прохаски: „Trefnis Henne u Witolda“, str. 655.

ской народности и въ грамотѣ, устанавливавшей войтовство въ Дрогичинской землѣ, высказалъ желаніе чтобы пустынныя мѣстности ея и лѣса были заселены католиками [1]). Витовтъ не рѣшался порвать связь съ Польшею, вполнѣ соблюдать должное безпристрастіе въ отношеніи ко всѣмъ подданнымъ и тѣмъ воспрепятствовать возникновенію политической розни въ литовско-русскомъ государствѣ. Нельзя сказать, что во всю свою жизнь онъ былъ въ одинаковой зависимости отъ Ягайла и былъ связанъ неоднократно данымъ обѣщаніемъ не отторгать Литвы отъ Польши. Витовтъ не былъ стоекъ въ соблюденіи словъ и неуклонно правдивъ: то доказала его изворотливость въ борьбѣ съ Ягайломъ до занятія великокняжескаго престола. Обстоятельства также не всегда были одинаковы. Послѣ Грюнвальдской битвы, когда была сломлена сила главнаго врага Литвы, когда послѣдняя оправилась послѣ пораженія 1399 г., а Витовтъ достигъ единодержавія и прочно укрѣпился на литовско-русскомъ престолѣ, онъ могъ обнаруживать болѣе самостоятельности и не былъ вынужденъ слѣдовать внушеніямъ польскаго двора. У Витовта весьма долго не хватало на то рѣшимости, а между тѣмъ онъ издавна лелѣялъ въ душѣ мысль о созданіи изъ великаго княжества литовскаго большаго, крѣпкаго и независимаго государства.

Высказанный только что взглядъ на стремленія Витовта, на смыслъ его дѣятельности и на характеръ отношеній къ Польшѣ подтверждается, кажется намъ, какъ нельзя лучше исторіей послѣднихъ лѣтъ правленія Витовта, собственно исторіей знаменитыхъ переговоровъ Витовта о королевской коронѣ. Въ долгихъ разсужденіяхъ которыя велись по этому поводу, выясняются притязанія обѣихъ сторонъ, Литвы и Польши, непрочность ихъ союза, державшагося преимущественно соглашеніемъ обоихъ государей, и въ тоже время безсиліе Витовта покончить съ этимъ союзомъ. Въ послѣдніе годы правленія Витовта весьма ярко

---

[1]) Skarbiec II, № 1491. Видно, колонизація Дрогичинской земли продолжалась и при Витовтѣ. Отъ стараго населенія ея—Ятвяговъ—въ XVI в. уцѣлѣли незначительные остатки, какъ то видно изъ словъ Матвѣя Мѣховскаго: „primum linguagium (Lithuanicum) est Jaczuingorum, ut horum qui circa castrum Drohicin inhabitarunt, et pauci supersunt“. Polonicae historiae corpus. Ex bibl. Pistorii Nidani, Basileae, p. 146.

обнаружились промахи его политики, его нерѣшительность и въ тоже время возможность инаго выхода въ виду того, что унія, какъ оказалось, не имѣла еще горячихъ поборниковъ въ Литвѣ и должна была пасть съ разрушеніемъ личной связи государей [1]).

Желаніе Витовта возложить на себя королевскую корону не было новымъ замысломъ, и королевскій титулъ не былъ новинкой для государей Литвы. Гедеминъ именовалъ себя „Litvinorum (Letphanorum) Ruthenorumque rex“. Ольгердъ и Кейстутъ также называли себя Reges Lethoviae [2]). Равнымъ образомъ и Ягайло до принятія польской короны титуловался великимъ королемъ Литвы (obirster könig, gross könig), а мать его великой королевой (grossinn königgune).

Г. же Прохаска думаетъ, что вопросъ о королевской коронѣ Витовта, всплывшій въ послѣдніе годы его правленія, былъ послѣдствіемъ несчастнаго случая и интриги. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе, по которому подъ конецъ своей жизни Витовтъ возвратился къ своимъ давнимъ задушевнымъ мечтамъ.

Обратимъ вниманіе на то, что на печати Витовта, привѣшенной къ одному акту 1390 г., и въ самомъ документѣ Витовтъ названъ королемъ [3]). Къ концу 1398 г. относится весьма интересная попытка провозглашенія Витовта королемъ [4]), и въ концѣ XIV в. его титуловали такъ жмудины и нѣмецкій орденъ [5]). Это обстоятельство весьма важно, и напрасно г. Прохаска считаетъ его дѣломъ только интриги крестоносцевъ. Къ тѣмъ же годамъ относится и довольно самостоятельное отношеніе Витовта къ Польшѣ. Возникаетъ мысль, не думалъ ли уже тогда Витовтъ занять совершенно независимое положеніе. Къ несчастію,

---

[1]) Г. Прохаска отрицаетъ это и считаетъ Витовта искреннимъ приверженцемъ уніи Литвы съ Польшею. См. нашу замѣтку о книгѣ г. Прохаски „Ostatnie lata Witolda“, Warsz. 1882, въ Кіевскихъ „Унив. Изв.“ 1883, № 10 („Политическіе замыслы Витовта“).

[2]) См., напр., Pax latrunculorum 1367 г.

[3]) Skarbiec, II, № 583.

[4]) Und uf die cziit (по окончаніи переговоровъ Витовта съ гохмейстеромъ) worfin die Littowin und Russin Wytowten eynen koning uf czu Littowen und czu Russin, das vor ny gehort was. Script. rer. Pruss. III, 224.

[5]) Cod. ep. Vit., №№ LXVII и LXVIII.

пораженіе при Ворсклѣ нанесло сильный ударъ затѣямъ Витовта и принудило его къ неблагопріятнымъ для Литвы сдѣлкамъ съ Польшею. Витовтъ долго послѣ того не заявлялъ притязаній на королевскій титулъ и отказался отъ него, когда Сигизмундъ за 20 лѣтъ до Луцкаго съѣзда вознамѣрился возвести литовскаго князя въ короли. Верховнымъ княземъ Литвы (Litwaniae princeps supremus) и наслѣдственнымъ владѣтелемъ Руси [1]) именовался Ягайло, считавшій Литву своею отчиною. Постоянно повторялось, что великое княжество литовское дано Витовту только въ пожизненное владѣніе. Поляки признавали Витовта только правителемъ, но не государемъ [2]), Литву же считали неразрывно связанною съ Польшею съ момента уніи и потому постарались всѣми способами воспрепятствовать Витовту возложить на себя королевскую корону, когда онъ задумалъ то въ послѣдніе годы своей жизни. Интересны доводы обѣихъ сторонъ въ этомъ спорѣ. По мнѣнію Ягайла, коронованіе Витовта не принесло бы ничего хорошаго; напротивъ, послѣ того могли бы возникнуть разнаго рода неудовольствія и споры, могли бы рухнуть договоры, заключенные между Литвою, Польшей и польскимъ королемъ; достигши подобной чести, бароны и литовское населеніе могли бы набраться послѣ смерти Витовта такой смѣлости, что избрали бы новаго короля помимо вѣдѣнія польскихъ бароновъ, а между тѣмъ по договорамъ въ случаѣ вакантности престола Польши или Литвы бароны одной земли не могли приступить къ избранію короля или князя безъ согласія бароновъ другой. Сверхъ того, по словамъ Ягайла, у Витовта было много наслѣдственныхъ земель короля, которыя были бы отчуждены отъ послѣдняго и отъ Польши въ случаѣ коронованія Витовта [3]). Поляки выражались еще откровеннѣе въ своихъ возраженіяхъ противъ коронованія Витовта. По мнѣнію ихъ, это коронованіе могло произвести отчужденіе Литвы отъ Польши [4]). Поляки

---

[1]) Въ одной русской грамотѣ 1408 г. Ягайло титуловалъ себя такъ: „сбожей милости король польскій, литовскій, русскій и иныхъ многихъ земль господарь".

[2]) Cod. ep. Vit., № MCDLV, p. 942. Прежде нѣмцы говорили тоже. Ib. App. № IV, p. 983.

[3]) Cod. ep. № MCCCXLI, pp. 810—811.

[4]) Ibid., № MCCCXLIV, p. 814.

утверждали, что Литва была отдана Витовту только во временное владѣніе и была уже польскою провинціею. Они заявляли объ этомъ и императору и папѣ, и папа повторялъ ихъ притязанія.—Витовтъ, съ своей стороны, не отрицалъ того, что послѣ его смерти литовскіе бароны и жители Литвы не могли выбрать себѣ государя безъ согласія и участія польскихъ бароновъ [1]), но видѣлъ въ принятіи короны ручательство за свободу Литвы [2]); онъ настаивалъ на коронованіи потому, что усматривалъ въ немъ подтвержденіе своей самостоятельности [3]).

Возникаетъ вопросъ, на чьей сторонѣ была правда. Мы не беремъ на себя рѣшеніе его, но не можемъ не признать, что подозрѣніе Витовта было не напрасно. Въ глубинѣ польскихъ помысловъ таилась мысль о присоединеніи Литвы къ Польшѣ въ качествѣ польской провинціи: иначе съ чего-же было бы полякамъ бояться возведенія Литвы на степень королевства? вѣдь коронованіе Витовта не могло разрушить унію. Литвины, убѣжденные, что поляки относились къ Витовту и къ нимъ, какъ къ ленникамъ, не ошибались. Ягайло, какъ мы видѣли, прямо заявлялъ, что нѣкоторыя литовскія земли, составлявшія личную собственность его, принадлежали вмѣстѣ съ тѣмъ и польской коронѣ. Замыслы поляковъ видны лучше всего изъ привиллегія, выданнаго въ Едльнѣ 4 марта 1430 г. Въ этомъ привиллегіи было постановлено, что Литва и Русь перейдутъ, по смерти Витовта, къ сыну Ягайла, который назначался вмѣстѣ съ тѣмъ и государемъ Польши. Привиллегій этотъ противорѣчилъ Городельской уніи [4]). Ясно, что договоръ объ этой уніи былъ нарушаемъ и въ Литвѣ, и въ Польшѣ; онъ никогда не былъ соблюдаемъ въ точности и не былъ законоположеніемъ, нашедшимъ полное признаніе въ жизни [5]). Этимъ доказывается несоотвѣтствіе его дѣй-

---

[1]) Cod. ep. Vit., № MCCCXLIV, p. 814.

[2]) Ibid., № MCDII, p. 893.

[3]) Ibid., № MCDLVI, p. 945.

[4]) Ostatnie lata Witołda, 274.

[5]) Это доказывается и позднѣйшею политикою поляковъ, напр. предложеніемъ на Парчовскомъ сеймѣ 1441 г. объ уничтоженіи границы, разъединявшей оба государства, о раздѣленіи литовскаго государства на воеводства по польскому образцу и о соединеніи ихъ подъ властью одного госу-

ствительнымъ интересамъ литовско-русскаго государства, у котораго онъ былъ вымогаемъ много лѣтъ и много разъ. Споръ о королевской коронѣ, разсорившій Витовта и литовцевъ съ Ягайломъ и поляками, находился въ тѣсной связи съ этимъ несоотвѣтствіемъ и выказалъ весьма наглядно общее нерасположеніе литовцевъ и русскихъ къ уніи съ Польшей. Въ этомъ состоитъ особый интересъ распри, ознаменовавшей послѣдніе годы правленія Ягайла и Витовта.

Признаніе за нею такого значенія не имѣетъ отношенія къ первоначальному поводу раздора и не измѣнится отъ принятія интриги крестоносцевъ за исходный пунктъ спора и за тайную пружину его. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ преувеличивать въ этомъ случаѣ значеніе тайной интриги. Правда, самъ Витовтъ говорилъ, что, пока не начались переговоры о коронѣ, у него было полное единодушіе съ польскимъ королемъ; о коронѣ Витовтъ будто бы и не думалъ, пока о ней не поднялъ рѣчь Сигизмундъ[1]); но если-бы даже было и такъ, если-бы Витовтъ оказался въ вопросѣ о королевской коронѣ игрушкой нѣмецкаго ордена, какъ думаетъ г. Прохаска, все-таки въ немъ говорило тогда не одно старческое самолюбіе. Витовтъ не оставилъ мысли о коронѣ и послѣ того, какъ прозрѣлъ интригу: онъ отстаивалъ въ этомъ случаѣ самостоятельность дорогой ему Литвы. Соглашаясь на Городельскій договоръ, Витовтъ не могъ постигнуть

даря. На всѣхъ съѣздахъ съ литвинами поляки открыто заявляли, что они пригласили Ягайла на престолъ, имѣя въ виду соединеніе Польши и Литвы въ одно государство.

[1]) Витовтъ такъ очертилъ свои отношенія къ Ягайлу до вопроса о коронѣ: „cum domino rege Polonie etc. fratre nostro consuevimus mutuis potiri consiliis, nec sine consilio unius alter quidquam facit.—Frater dilecte! quando vel quociens inter nos alique exoriuntur displicencie vel inequalitates, illas inter nos mutuo componamus“. Такія отношенія составляли, по словамъ Витовта, veterem doctrinam. Cod. ep. Vit., № MCCCXLV, p. 815 и 817. Въ свою очередь и польскій король напоминалъ Витовту: „quandocunque cum aliquo convencionem habuistis, tunc nobis semper de ea intimastis“. Ibid., 833. Нельзя сказать однако, что это согласіе Витовта и Ягайла было вполнѣ искреннее: Витовту приходилось таить въ душѣ немало обидъ, причиненныхъ ему королемъ, но Витовтъ терпѣлъ, избѣгая разлада. О томъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Сигизмунду изъ Эйкшишекъ.

дѣйствительный замыселъ поляковъ, потому что въ договоръ было включено упоминаніе объ *отдѣльномъ* государѣ для Литвы и тѣмъ какъ бы признавалась ея отдѣльность и самобытность. При искренней готовности поляковъ соблюдать это условіе и при отсутствіи опасенія упустить Литву изъ своихъ рукъ, при существованіи дѣйствительнаго взаимнаго расположенія обѣихъ народностей, возведеніе литовско-русскаго государства на степень королевства не могло бы угрожать Польшѣ опасностью, какъ о томъ и заявлялъ Витовтъ. Упорство и горячность, съ какою поляки воспротивились вѣнчанію Витовта королевскимъ вѣнцомъ, разъяснили великому князю литовскому истинныя ихъ намѣренія.

Витовтъ воспылалъ гнѣвомъ, когда узналъ, что польскій посолъ представлялъ его въ Пруссіи не имѣющимъ права раздавать литовскія земли безъ разрѣшенія Ягайла и какъ бы подчиненнымъ польскаго короля. Витовтъ рѣшился, повидимому, идти неуклонно къ предположенной цѣли, заявлялъ, что постановилъ остаться свободнымъ со своими землями, отобралъ присягу въ вѣрности отъ всѣхъ своихъ подданныхъ и началъ тѣснѣе сближаться съ орденомъ, уже не извѣщая короля обо всемъ, какъ дѣлалъ прежде. Проживи Витовтъ долѣе, могъ бы произойдти полный разрывъ литовско-русскаго государства съ Польшей [1]), но до того не дошло вслѣдствіе быстро наступившей смерти в. князя.

Подведемъ общее заключеніе о значеніи княженія Витовта въ исторіи литовско-русскаго государства.

Главная заслуга Витовта состояла въ довершеніи созданія обширнаго и крѣпкаго по наружности государства и въ нанесеніи въ союзѣ съ Польшей жестокаго удара нѣмецкому ордену, послѣ чего тотъ не могъ уже оправиться; но въ тоже время Витовтъ сдѣлалъ очень мало для упроченія самобытности литовско-русскаго государства въ отношеніи къ Польшѣ. Попытавшись къ концу своего царствованія доставить Литвѣ полную независимость безъ расторженія союза съ

---

[1]) Г. Прохаска указываетъ на письмо Витовта къ Сигизмунду, въ которомъ в. князь литовскій просилъ не высылать болѣе короны, но это письмо было отправлено въ виду невозможности добиться ея. То было совершенно естественное колебаніе, но Витовтъ не оставилъ вполнѣ мысли о коронѣ. Ostatnie lata Witołda, 337.

Польшей, Витовтъ не осуществилъ этой своей исконной мечты и не довелъ своего дѣла до конца. Для завершенія созиданія литовско-русскаго государства необходимо было стряхнуть съ него всѣ путы, привязывавшія Литву къ Польшѣ, но Витовтъ долго не рѣшался на то и принялся за энергическое выполненіе этой мысли только въ послѣдніе годы своей жизни. Смерть положила предѣлъ этимъ начинаніямъ, которыя могли быть столь важны для дальнѣйшей судьбы литовско-русскаго государства, а послѣ Витовта не нашлось человѣка, который съумѣлъ бы продолжить его дѣло. Вообще Витовтъ занималъ посредствовавшее и неустойчивое положеніе: онъ не хотѣлъ вполнѣ присоединить Литву къ Польшѣ и быть покорнымъ намѣстникомъ польскаго короля, не преслѣдовалъ русской народности, къ которой не могли относиться сочувственно поляки, но и не входилъ въ искреннія отношенія съ русскимъ началомъ. Витовтъ желалъ стать выше племенной и религіозной розни, но былъ не въ силахъ искоренить ее.

При немъ продолжался процессъ внутренняго разрушенія того единенія литовскаго и русскаго началъ, которое устанавливалось до 1385 г. Смольняне, пріобщенные при Витовтѣ къ литовско-русскому государственному организму, отложились—было отъ Витовта, „не могоучи трьпети насилия отъ иноверныхъ Ляховъ“ [1]). При Витовтѣ продолжалось раздѣленіе партій, возникшее послѣ 1385 г., и внимательный взоръ могъ замѣтить начатки ослабленія Литвы наряду съ упроченіемъ внѣшняго единства ея. Трудно было, конечно, всѣмъ угодить. Въ различныхъ провинціяхъ Жмуди Витовтомъ былъ недоволенъ простой народъ [2]). Быть можетъ, вліяла и приверженность къ старому культу, который все еще держался въ литовскихъ земляхъ [3]). Была оппозиція и со стороны нѣсколькихъ бояръ, переселившихся

---

[1]) Лѣт. великихъ князей литовскихъ, изд. А. Поповымъ, стр. 43.— Объ отношеніяхъ Витовта къ Смоленску см. въ ст. г. Васильевскаго „Княгиня Анна“.

[2]) Были недовольны „etliche gemeine luthe und gebuwer“, которыхъ Витовтъ отдалъ „den edelsten baioren und gutten luthen czum dinste“. Было затѣяно возстаніе uff die baiaren und uff die gut luthe. Cod. ep. Vit., № DCCLXXXI, p. 411.

[3]) Въ одномъ хронографѣ, принадлежащемъ Виленской публичной библіотекѣ, есть любопытная статья, начинающаяся словами: „**Скажемъ поганьскыѧ прѣлести быти сіцево и в Литвѣ нашей**“. На полѣ позднѣйшей рукой

въ Жмудь [1]). Недовольные Витовтомъ примыкали къ Свидригайлу [2]) который, хотя былъ католикомъ, имѣлъ немало сторонниковъ въ литовско-русскихъ земляхъ и причинялъ Витовту немало затрудненій [3]). За Свидригайла стояли также жмудины, не любившіе Витовта [4]). Вслѣдствіе того Свидригайло казался Витовту опаснымъ соперникомъ и, быть можетъ, боясь его, Витовтъ не рѣшался искренно и всецѣло примкнуть къ русской партіи, не разсчитывая найдти въ ней искреннюю поддержку. Геній Витовта съумѣлъ однако сдержать на время его правленія всѣ эти разнородные элементы въ предѣлахъ повиновенія и внѣшняго единенія. Витовтъ успѣлъ даже снискать любовь подданныхъ. Генне, бывавшій при дворѣ Витовта, говоритъ, что онъ не видѣлъ другаго богатаго князя, котораго любили бы такъ подданные [5]). И недаромъ всѣ оплакивали въ смерти Витовта потерю отца отечества, какъ бы предчувствуя по словамъ современнаго ему историка, что съ Витовтомъ началось величіе христіанской Литвы и окончилось съ его смертью.

приписано: „се есть прелесть поганъская и внашои Литвѣ тося водило злое дѣло и до Витовта, бо Витовтову жону во Иряколе сожгли по смерти и потомъ почали переставати жечися“. Разумѣется, вѣроятно, первая жена Витовта. Въ статьѣ этой послѣ передачи сказанія о Совіи говорится: „ѡ великая прѣлесть дїаволская, ꙗж къведе въ литовскы род, и въ лятѣзи, и въ прусы, и въ ємъ, и въ либъ, и иных многїа ꙗзыки, иж совїцею нарицаются. мнящє и душа своим свирѣ проводникъ въ адъ, Совья, бывшему вѣта Авимелеха. иж и ниѣ мертва телеса своя съжигают на крадах.... лѣт же имѣют ѿ Авїмелеха, и многогѡ роду скверьнаго Совѣя, до сего лѣта внй начахом писати книгы си, есть лѣт ҂г и у и м и ѕ лѣт тое было“. Ф. Добрянскій, Описаніе рукописей Вил. публ. библ. Вильна 1882, 249—250. Нѣкоторыя изъ названій боговъ, приведенныхъ въ этой статьѣ, совпадаютъ съ находящимися въ галицко-волынской лѣтописи подъ 1254 и 1258 гг.

[1]) Cod. ep. Vit, № CCCLXXXI.

[2]) Ibid., № DCCCXC, p. 490.

[3]) Ibid., pp. 406—407.

[4]) Ibid., № DCCCXXII, p. 439.

[5]) Przew. nauk. i literacki 1880, № 7, стр. 660. Есть также извѣстіе, что Витовта боялись его подданные: по словамъ Энея Сильвія тѣ, которымъ Витовтъ приказывалъ laqueo se suspendere, предпочитали повиноваться, чѣмъ подпасть негодованію князя.

Еще при жизни Витовта поляки замѣчали сепаратизмъ литовскихъ бояръ и обвиняли ихъ въ томъ, что, въ случаѣ коронованія Витовта, они изберутъ по его смерти короля, не справляясь съ волей Польши. Коронованіе не состоялось, но, тѣмъ не менѣе, литвины избрали великаго князя самостоятельно.

Исторія первыхъ двухъ лѣтъ послѣ смерти Витовта показываетъ, какъ насильственно была навязана Литвѣ идея политической уніи, какъ мало поборниковъ находила тамъ эта идея, которую съ литовской стороны поддерживалъ преимущественно Витовтъ. Не только русскіе, но даже литовскіе вельможи не признали уніи и возвратили полякамъ ихъ гербы. Самъ Ягайло нарушилъ избирательный законъ 1413 г., и, уступая необходимости, видя, что ничего не подѣлаетъ съ боярами и съ Свидригайломъ, назначилъ послѣдняго великимъ княземъ собственною властью, не совѣщаясь ни съ польскими, ни съ литовскими вельможами.

Съумѣй Свидригайло соблюдать надлежащій тактъ, унія Литвы съ Польшей рушилась бы.

Въ борьбѣ, которая велась въ Литвѣ послѣ смерти Витовта, особенно ярко выступила слабая сторона этого государства, этнографическая двойственность его, которая начала оказывать теперь сильное вліяніе на ходъ дѣлъ. Литовско-русское государство раздѣлилось на два враждебные лагеря. Жмудины и отчасти литвины, приверженные къ Кейстуту и его роду, приняли сторону Сигизмунда Кейстутовича, за котораго стали и поляки, недовольные тѣмъ, что Свидригайло былъ избранъ въ великіе князья Литвы безъ ихъ вѣдома литовскими и русскими боярами, не далъ записи о вѣрности и не присягнулъ на повиновеніе королю и польскому государству. Русскія земли приняли сторону Свидригайла, покровительствовавшаго русской народности. Онѣ надѣялись освободиться подъ его водительствомъ отъ связи съ Польшей и отъ того давленія, которое испытывали, и отстоять свою политическую и религіозную самобытность. Въ ополченіе Свидригайла стеклось множество русскихъ князей. За него поднялась огромная полоса русскихъ земель отъ устья Мухавца до Днѣпра, за него стали Витебскъ, Полоцкъ, Сѣверщина, Смоленскъ, земля Кіевская, Волынь; его поддерживали не только русскія массы и русскіе князья, каковы Острожскій, Збаражскій и другіе, но и такіе знатные литвины, какъ [redacted] Гаштольдъ, подписавшій Гродненскій договоръ объ избра-

нія на литовскій престолъ Сигизмунда Кейстутовича. Тогда впервые съ основанія литовско-русскаго государства обѣ коренныя народности его пришли въ рѣзкое и большое столкновеніе, а равно обновилась старая вражда польской народности къ русской. Къ несчастію, западная Русь не встрѣтила дѣятельной поддержки въ восточной, хотя Свидригайлу сочувствовали князья Московскій и Тверской и Новгородъ; въ дѣйствіяхъ русской партіи не было единства, а главное—Свидригайло не умѣлъ вести свои дѣла, какъ слѣдуетъ, оттолкнулъ отъ себя нѣкоторыхъ и далъ тѣмъ возможность восторжествовать польскому вліянію и Сигизмунду, защитнику уніи Литвы съ Польшей. Вслѣдствіе всего этого возстаніе литовской Руси при Свидригайлѣ окончилось неудачею.

Вновь затѣмъ рѣзко сказалась реакція православной Руси, какъ народности, оскорбленной въ своихъ правахъ, въ убіеніи в. князя Сигизмунда Кейстутовича, который, согласно съ Городельскимъ договоромъ, былъ признанъ польскими вельможами и литовскими, но въ сущности былъ креатурой поляковъ: его избраніе было дѣломъ польской политики, а равно и власть была доставлена ему польскимъ оружіемъ. Сигизмундъ считалъ себя подручникомъ польскаго короля, получившимъ Литву въ пожизненное владѣніе. Онъ сразу уступилъ Польшѣ нѣкоторыя изъ литовскихъ земель и вмѣстѣ согласился на переходъ Волыни къ Польшѣ послѣ его смерти. Замѣчательно, что главными, виновниками убіенія Сигизмунда были волынскіе и подольскіе бояре, принадлежавшіе къ партіи Чарторыйскаго. Они видимо боялись за независимость Литвы и не сочувствовали территоріальному ослабленію ея въ пользу Польши.

Такимъ образомъ, послѣ смерти Витовта литовско-русское государство находилось въ томительномъ переходномъ состояніи: оно не могло порвать окончательно связь съ Польшей и въ тоже время боялось потерять самобытность: того опасались сами кровные литвины. При Сигизмундѣ I было рѣшено не пользоваться никакою помощью отъ поляковъ. Въ особенности озлобляли литовцевъ стремленія поляковъ отхватить нѣкоторыя земли, принадлежавшія Литвѣ. Литва тщательно отстаивала отъ притязаній Польши Подолье, но не успѣла въ томъ. Также ревниво литвины отстраняли поляковъ отъ занятія дол-[illegible]тей въ литовско-русскомъ государствѣ.

Исторія первыхъ лѣтъ послѣ убіенія Сигизмунда вновь [illegible]

ваетъ, какъ безпочвенна была въ Литвѣ унія съ Польшей. Въ Литвѣ было мало искреннихъ сторонниковъ уніи, идея о которой и по своему происхожденію [1]), и по выполненію принадлежала Польшѣ. Мы видѣли, что эту идею поддерживалъ въ Литвѣ преимущественно Ягайло, Витовтъ же не противился ей, не желая возбуждать подозрѣній Ягайла. При Витовтѣ фикція уніи держалась только благодаря уступчивости и авторитету этого князя въ Литвѣ. Она существовала болѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности. Шляхетскими привиллегіями пользовались не только католики. Видпымъ до извѣстной степени положеніемъ пользовались и литовскіе татары, которымъ были предоставлены права, и евреи—землевладѣльцы. Послѣ смерти Витовта Ягайлу оставалось только подтвердить выборъ Свидригайла въ великіе князья, состоявшійся вопреки условію уніи безъ вѣдома поляковъ. Когда Ягайло вручилъ Свидригайлу перстень въ знакъ инвеституры и поляки утверждали, что унія состоялась, литвины отрицали ее. Поляки видимо встрѣчали постоянную антипатію со стороны русскихъ и литвиновъ. Тоже отрицаніе уніи проявилось и въ настроеніи литовцевъ послѣ убіенія Сигизмунда Кейстутовича. Литвины и русскіе избрали великимъ княземъ Казимира безъ вѣдома и согласія Польши—въ качествѣ истиннаго и справедливаго наслѣдника, „который владѣлъ великимъ княжествомъ съ полными правами по обычаю своихъ предшественниковъ и управлялъ имъ вполнѣ“, какъ заявлялъ Казимиръ. Выборъ этотъ не былъ утвержденъ польскимъ королемъ Владиславомъ Варнскимъ, и затѣмъ наступило совершенное размирье. Не было никакого взаимнаго довѣрія. Литовскіе паны готовы были думать, что поляки хотятъ захватить ихъ въ плѣнъ и перебить, хотятъ обратить литовцевъ въ своихъ подданныхъ [2]). Продолжался споръ о Подольѣ. Польша и Литва едва было совсѣмъ не раздѣлились, когда взамѣнъ Казимира, не согласившагося сначала на избраніе въ польскіе короли, поляки задумали выбрать другаго государя. Это было бы для нихъ весьма невыгодно, и потому они тотчасъ же избрали Казимира, какъ скоро онъ перемѣнилъ свое рѣшеніе: въ возведеніи Казимира на польскій престолъ поляки видѣли

---

[1]) Szajnocha, Jadwiga i Jagiełło, III, 5 и 323, 15 и 324. Смирновъ, Ягелло-Яковъ-Владиславъ, 100—101 и прим. 158.

[2]) Skarbiec II, № 1909.

единственное средство поддержать унію, договоръ о которой почти совсѣмъ не соблюдался до того времени. Но и съ избраніемъ Казимира въ польскіе короли разрывъ между Польшей и Литвой продолжался на первыхъ порахъ, и литовскіе бояре требовали признанія ничтожными договоровъ между обѣими странами и видимо не желали знать соглашеній 1413 и 1432 гг.

Казимиръ былъ первый изъ великихъ князей литовскихъ, которые носили польскую корону и въ тоже время *фактически* владѣли великимъ княжествомъ литовскимъ. При немъ достигла, наконецъ, осуществленія унія обоихъ государствъ въ лицѣ одного государя. Съ 50-хъ годовъ XV в. Польша и Литва почти постоянно имѣли общихъ государей, и съ той поры началось болѣе тѣсное сближеніе литовско-русскаго государства съ Польшей. Упроченіе династіи Ягеллоновъ въ Литвѣ съ половины XV в. въ связи съ религіозными узами, сближавшими коренную Литву съ Польшей, не могло остаться безъ вліянія на нѣкоторое усвоеніе идеи уніи литвинами. Въ особенности работали въ Литвѣ въ пользу этой идеи литовскіе государи. Всѣ великіе князья литовскіе изъ дома Ягеллоновъ волей-неволей благопріятствовали союзу Литвы съ Польшей, а нѣкоторые и крѣпко стояли за него, какъ, напр., послѣдній представитель этого дома. Они могли носить польскую корону и передавать ее своимъ дѣтямъ лишь подъ условіемъ поощренія польскихъ притязаній. Желая упрочить оба престола за своимъ родомъ, литовскіе государи Ягеллоны должны были благопріятствовать уніи по примѣру Ягайла. Такъ какъ русскіе противились уніи, то великіе князья принимали мѣры къ подготовкѣ окончательнаго введенія ея, въ особенности въ XVI столѣтіи. Подготовка эта продолжалась въ теченіе цѣлаго вѣка. Она происходила и въ области политики, и въ области вѣры.

До 1387 г. русскій строй жизни потерпѣлъ сравнительно немного измѣненій въ литовско-русскихъ земляхъ. Обычаи русскаго народа не были существенно нарушаемы и литовцы примѣнялись къ нимъ.

Но русскій строй представлялъ рѣзкое отличіе отъ польскаго: онъ опирался на совершенно иныя начала, къ которымъ не могла не относиться враждебно польская знать. Такъ, въ русскихъ земляхъ, подвластныхъ Литвѣ, держалось вѣчевое общинное начало [1]). Литва

[1]) Бѣляевъ, 294 и слѣд.—Въ концѣ XIV в. въ переговорахъ со сто-

не знала, далѣе, обособленности сословій. Всѣ они состояли въ равномъ подчиненіи власти великаго князя. При нерасположеніи къ уніи русскихъ и многихъ литовцевъ, великимъ князьямъ оставалось для проведенія ея уничтожить самобытность строя литовско-русскаго государства, внести разъединеніе въ массу населенія и найти опору для уніи въ болѣе сильномъ разрядѣ населенія.

Къ тому и клонилась сознательно или безсознательно, умышленно или невольно политика литовскихъ государей съ половины XV в. Происходило постепенное сглаженіе особенностей литовско-русскаго уклада, сохранявшагося еще въ значительной степени въ первыя десятилѣтія послѣ уніи 1387, 1401 и 1413 гг. Польскіе порядки проникали болѣе и болѣе въ Литву, само правительство которой представляло польскій строй идеаломъ.

Этотъ строй состоялъ въ чрезмѣрномъ расширеніи правъ шляхты насчетъ центральной власти и другихъ сословій, въ преобладаніи ея надъ другими классами населенія и въ освобожденіи ея отъ тягостей государственныхъ повинностей.

Тоже водворялось постепенно въ Литвѣ. Въ 1386 г. Владиславъ Ягайло пожаловалъ князю Өеодору Даниловичу Острогъ и земли къ нему *cum libertate terrigenarum regni Poloniae*. Уже при Ягайлѣ и Витовтѣ, какъ мы видѣли, католическая аристократія литовско-русскаго государства была надѣлена польскими преимуществами и гербами. Полнаго уравненія съ польскою шляхтою еще не было: литовское дворянство не получило, напр., права передавать вотчинныя земли безъ княжескаго разрѣшенія, не было освобождено отъ всѣхъ повинностей; но Городельскій привиллегій предоставилъ и безъ того важныя преимущества литовско-католической знати и русской, которая измѣнила бы православію, именно право выбора князей и право сеймовъ. Этимъ водворялся въ Литвѣ польскій порядокъ. Изъ словъ акта, ко-

---

роны Жмуди выступали „von des gemeinen landis wegen czu Samaiten“ изъ разныхъ округовъ (Cod. ep. Vit., p. 23, № LXVII). Всѣ они являлись представителями отъ „deme ganczen lande czu Samayten“ (ib., p. 24, № LXVIII). Мы встрѣчаемся здѣсь съ проявленіями вѣчеваго строя, слѣды котораго въ русскихъ земляхъ великаго княжества литовскаго держались очень долго въ качествѣ отголосковъ старины.

имъ польская шляхта уступала въ Городлѣ свои гербы литовской шляхтѣ, видно, что само польское дворянство интересовалось расширеніемъ правъ литовско-католическаго дворянства. Польская шляхта обѣщала помогать литовской и хлопотать объ увеличеніи льготъ послѣдней.

Польское право рано утвердилось въ повѣтахъ Бѣльскомъ, Дорогичинскомъ и вообще на литовскомъ Полѣсьѣ [1]). Въ 1432 г. Луцкая земля, т. е. ея дворяне, была освобождена отъ платы повинностей и шляхта ея уравнена съ польскою [2]). Потомъ былъ изданъ цѣлый рядъ такихъ постановленій. Жалованной грамотой 1457 г. литовскому, русскому и жмудскому духовенству, дворянству, рыцарямъ, шляхтѣ, боярамъ и мѣстичамъ Казимиръ IV даровалъ права, какими пользовались тѣже сословія въ Польшѣ: дѣти могли наслѣдовать послѣ отца, вдова послѣ мужа, дочерей позволялось выдавать въ замужество, не испрашивая княжескаго разрѣшенія. Мало по малу, дворянство успѣло захватить въ свои руки управленіе государствомъ. Власть великаго князя, которая была въ Литвѣ первоначально неограниченна, подпадала бо́льшему и бо́льшему ограниченію со стороны рады, или сената [3]). При Витовтѣ упоминается *полная* боярская рада на ряду съ малою, но власть великаго князя была еще по прежнему неограниченна, и бояре не имѣли значительнаго вліянія на дѣла. Часто Витовтъ сносился самостоятельно

---

[1]) Такова, по нашему мнѣнію, правильная форма названія той мѣстности, встрѣчающаяся уже въ XIII в. и заслуживающая предпочтенія предъ позднѣйшею—Подляхія, Подлясье (Podlasia у Сарницкаго), Подляшье.

[2]) Арх. ю.-з. Россіи, ч. V, т. 1, № 1.

[3]) При Гедеминѣ видимъ какъ бы боярскую думу. Послы папскихъ легатовъ, представлявшіеся Гедемину 3 ноября 1324 г., увидѣли его сидящимъ посреди своихъ совѣтниковъ. На слѣдующій день послы вновь были потребованы во дворецъ, и князь былъ опять окруженъ совѣтниками, которыхъ было около 12 человѣкъ. Въ совѣтѣ Гедемина постоянно засѣдалъ въ то время доминиканецъ Николай, а минориты уже годъ не пользовались такою честью.—Великокняжеская рада упоминается въ договорѣ Ягайла съ орденомъ 1382 г., въ грамотѣ Любарта и въ грамотахъ другихъ удѣльныхъ князей. О радѣ литовско-русскихъ князей XV в. см. у Ключевскаго, Боярская дума древней Руси, М. 1882, стр. 152—156. Г. Первольфъ точно также считаетъ литовскую раду остаткомъ старой боярской думы („Osvěta, № 6, стр. 493). Ср. выше (въ III-й гл.).

по внѣшнимъ дѣламъ [1]). Послѣ него постепенно вліяніе рады на дѣла усиливалось въ литовско-русскомъ государствѣ. Такому усиленію пособила борьба Свидригайла съ Сигизмундомъ и въ особенности необходимость руководства для Казимира IV въ годы его юности. В. кн. Александръ въ привиллегіи 1492 г. узаконилъ значительное вліяніе рады и обязался не поступать вопреки принятому рѣшенію съ ея совѣта. Александръ пообѣщалъ радѣ не смѣнять должностныхъ лицъ иначе, какъ за доказанныя преступленія, и вообще дѣйствовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при замѣщеніи должностей, лишь съ согласія рады. Впрочемъ, эти ограниченія не соблюдались строго на дѣлѣ.—Стали *избирать* великихъ князей [2]), хотя соблюдали при этомъ наслѣдственныя права. Словомъ, Литва готовилась превратиться въ такую же аристократическую республику, какъ Польша. Получили широкое распространеніе сеймы [3])

---

[1]) Въ совѣтѣ Витовта засѣдали Виленскій католическій епископъ и consiliarii Litwanie, а по временамъ alii multi baiori. Cod. ep. Vit, p. 816, № MCCCXLV.

[2]) Избирательное право литовскихъ вельможъ было установлено впервые актомъ Городельской уніи. См. цитов. брошюру Шиманскаго о способѣ наслѣдованія въ литовско-русскомъ государствѣ (Die Wahlen der Grossfürsten etc.).

[3]) Сарницкій (при Лейпц. изд. Длугоша col. 1156—1157) называетъ первымъ сеймомъ литовскаго народа съѣздъ въ Кревѣ въ 1385 г. для обсужденія условій уніи Литвы съ Польшею. Ср. въ III-й гл. упоминаніе 1-й лит.-р. лѣт. объ этомъ съѣздѣ и слова Ягайла въ Городельскомъ актѣ о томъ, что онъ приступилъ къ уніи „de consensu unanimi nostro et aliorum fatrum nostrorum et omnium Baronum Nobilium, Procerum et Bojarorum ejusdem terrae Lithuaniae voluntate accedente et assensu". Ср. сомнѣніе Смирнова въ вѣрности этого сообщенія: „Споръ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолію", стр. 6. Ягайло могъ не обратить вниманія на возраженія противъ уніи, буде таковыя раздавались, и присутствіе князей и знати еще не означало ихъ права останавливать рѣшеніе. Вообще въ то время важные правительственные акты заключали перечисленіе присутствовавшихъ князей. По словамъ акта 1401 г., унія была водворена съ согласія Ягайла et omnium Baronum, Nobilium, Procerum et Bojarorum *terrae Lithuaniae*; значитъ, русскихъ не спрашивали тогда. Ср. слова Ягайла въ грамотѣ на имя Виленскаго епископа: „Желая распространить католи-

и сеймики, вѣроятно—не безъ польскаго вліянія, потому что сеймы не могутъ быть сближаемы съ древне-русскою боярскою думою и напоминаютъ скорѣе древне-русскіе княжескіе *снемы* [1]). Особенно быстро сглаживались отличія литовско-русскаго государственнаго строя отъ польскаго въ послѣдніе годы правленія Сигизмунда-Августа, который употреблялъ всѣ мѣры къ подготовкѣ уніи, старался сгладить преграды въ особенностяхъ строя и пріучить смотрѣть на Польшу, какъ на страну, въ которой тѣже порядки, что и въ Литвѣ. Не смотря однако на всѣ эти мѣропріятія въ литовско русскомъ государствѣ шляхта до конца существованія его не успѣла еще выдѣлиться въ замкнутую касту, хотя въ средѣ ея уже вырабатывался презрительный взглядъ на „ремесло хлопское".

Одновременно съ приспособленіемъ положенія и значенія литовско-русскаго дворянства къ польской государственной идеѣ совершались перемѣны въ положеніи другихъ сословій.

Правительство выдѣляло горожанъ изъ общей массы областнаго населенія, изъ-подъ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и расчленяло городскую общину, обособляя городскіе цехи мѣщанъ. Впрочемъ, до конца XV в. нѣмецкое право, приводившее къ такой перемѣнѣ, прививалось не особенно успѣшно въ литовско-русскихъ земляхъ.

Довольно рано замѣчаются опыты прикрѣпленія крестьянъ [2]). Происходили пожалованія отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ съ землями, которыя прежде были свободны [3]). При Витовтѣ наряду съ

ческую вѣру въ земляхъ нашихъ *русскихъ* и литовскихъ, мы, по волѣ и съ согласія братьевъ нашихъ свѣтлѣйшихъ князей и *всѣхъ дворянъ* (nobilium) *земли литовской*, положили, установили" и пр.

[1]) См. о снемахъ въ древне-русскихъ лѣтописяхъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ снемовъ см. въ лѣт. по Лаврент. сп. подъ 1301 г.

[2]) Такъ, напр., въ концѣ XIV в. Витовтъ „подавалъ люди Крупосови и пинѣгѣ; такъ и доселѣ (1444) служатъ тые люди тымъ Круповичамъ". Въ жалованной грамотѣ Свидригайла Петру Мыщицу 1408 г. на имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ говорится, что они даются ему „со всеми платы, што къ тымъ именемъ слушаетъ и слушало *и также слуги*".... Встрѣчаются грамоты, жаловавшія людей.

[3]) См., напр., Антоновича и Козловскаго Грамоты великихъ князей литовскихъ, стр. 21, № 10.

чиншевиками были несвободные люди [1]). Въ 1454 г. Казимиръ закрѣпилъ пожалованныя земли за владѣльцами. Съ того времени въ отношеніи къ крестьянамъ все болѣе и болѣе усвоялись польскіе порядки. Общинный судъ (судъ *копъ* или вѣчъ [2]) перешелъ во владѣльчс-

---

[1]) Слово *чиншъ* въ литовско-русскихъ земляхъ было въ употребленіи уже при Витовтѣ. См., напр., Cod. ep. Vit., № CCXLI, p. 77. Czinshcftik= чиншевникъ въ документѣ 1404 г. (ib., p. 103, № CCXCV).—Въ Cod. ep. Vit. встрѣчаются данныя о землевладѣніи въ Жмуди въ началѣ XV в. Крупные землевладѣльцы именовались тамъ боярами и лучшими людьми (App. № IV, p. 984). У жмудскихъ бояръ были родовыя помѣстья (p. 171, № CCCXCIV) и населенныя деревни. Ихъ „natura ab origine in artibus bellicis et strenuis prout experiencia testatur", „conspicuos constituit et viriles" (ib., App. № VI, p. 1022). Подданные, при переселеніи бояръ, слѣдовали за ними (ib., 1035).—По документу 1401 г. въ Жмуди были люди czinshaftige und eigen (Cod. ep., p. 77). Мнѣніе г. Прохаски см. на стр. 80: „są to zdaje się ascripticii czyli adscripti ludzie nieswobodni, którym nadana była ziemia pod warunkiem pełnienia pewnych osobistych posług i nieopuszczania tej ziemi. Ob. Hube: Prawo polskie w wieku XIII. Warsz. 1874 str. 39 i n. Takich to snać mało było w ówczesnej Litwie a tem mniej na Żmudzi. Przeciwnie z chłopów (gebuer, cuncti coloni ascripticii sive liberi, porównaj Hube ibid. p. 47) składało się całe społeczenstwo." О несвободныхъ людяхъ въ Жмуди см. еще Cod. ep. p. 165, № CCLXXXIX.—О чиншевикахъ въ литовско-русскихъ земляхъ см. ст. г. Новицкаго: „Чиншевое владѣніе въ юго-западной Россіи" (Труды Кіевск. юрид. общ., прибавленіе къ протоколамъ 1880 года, К. 1883, стр. 60—80). См. противоположное мнѣніе въ „Замѣчаніяхъ по вопросу о чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ" въ „Собраніи сочиненій" В. А. Незабитовскаго, К. 1884.

[2]) См. статью г. Кулиша „Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ XVII столѣтіи" въ „Вѣстн. югозап. и зап. Россіи" 1862, іюль, стр. 37. До монографіи Иванишева о копныхъ судахъ о нихъ въ научной литературѣ имѣлись лишь краткія упоминанія. См. Jaroszewicz, Obraz Litwy I, 159. Тотъ же общинный строй проявлялся и въ западнорусской церкви. Такъ, напр., Макарія избрали во львовскіе епископы „яко духовные и шляхта и мѣщане, такъ все посполство отъ большихъ и до меньшихъ земель русскихъ и посполськихъ". См. ст. Г. Маркевича „Выборное начало въ духовенствѣ въ древне-русской, преимущественно юго-западной церкви" въ „Трудахъ Кіевской дух. Ак." 1872, авг. и сент. кн., „Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и

скій [1]). Угнетеніе постепенно усиливалось, и явилось немало бѣглыхъ. Крестьяне переходили изъ однихъ имѣній въ другія. Уже при Витовтѣ были бѣглые крестьяне, спасавшіеся въ орденскія земли [2]). Земскій привиллегій Казимира Ягайловича говоритъ о крестьянахъ, пожалованныхъ князьямъ, о крѣпостныхъ шляхты и мѣщанъ и о бѣглецахъ, укрывавшихся въ княжескихъ имѣніяхъ, и наоборотъ о бѣглыхъ великокняжескихъ подданныхъ. Помѣщикамъ было предоставлено право суда надъ крестьянами за исключеніемъ дѣлъ уголовныхъ. Были также и въ XVI в. люди, „осаженные на воли, и люди прихожіе (ин. „похожіе"), дававшіе дани съ пашень, работавшіе съ толоки и т. п. Работавшіе по 2 дня въ недѣлю („служившіе ко двору") давали извѣстную сумму „мостовничому воеводиному" по замощеніи моста. Уставъ о волокахъ 1557 г. назначилъ довольно крупныя повинности. Вообще въ XVI в. усиленно подготовлялось закрѣпощеніе [3]). Оно не обходилось безъ протеста [4]), но въ періодъ самостоятельности литовско-русскаго государства не видно рѣзкихъ внѣшнихъ взрывовъ. Въ возстаніи за Свидригайла участвовалъ простой народъ, который, быть можетъ, предвидѣлъ бѣду и который, по словамъ Герберштейна, находился со временъ Витовта въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ [5]). Потомъ недовольное крестьянство

XVII вв." О. Левицкаго въ август. кн. „Кіевской Старины" 1884 г., а также ст. А. С. Лебедева „Объ избраніи въ епископскій санъ въ древней вселенской и русской церкви" въ сент. кн. „Русск. Вѣстн.", 1873 г. Избирательное начало пало въ западно-русской церкви подъ вліяніемъ польскихъ порядковъ, что доказываетъ г. Левицкій.

[1]) Объ этомъ переходѣ см. у Леонтовича: „Крестьяне юго-западной Руси по литовскому праву XV и XVI столѣтій", Кіевъ 1863, стр. 39 и д.

[2]) Cod. ep. Vit., № CCCXCIX, p. 177.

[3]) См. ст. г. Юзефовича „Очеркъ хозяйственныхъ отношеній въ Малороссіи, на правомъ берегу Днѣпра въ XVI в." въ „Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи", годъ I, окт. и декабрь.

[4]) На Виленскомъ сеймѣ 1554 г. волынскіе дворяне ходатайствовали предъ правительствомъ, чтобы „люди отчизные и непохожіе, которые въ имѣніяхъ пановъ радъ княжатъ и панятъ мѣшкаютъ, зъ имѣній ихъ поутекавши, абы были за доводомъ ихъ выданы".

[5]) Витовтъ узаконилъ, чтобы крестьяне работали въ пользу помѣщика по 14 дней въ годъ съ каждой волоки. Съ конца XV-го в. приходилось работать по 1 дню съ волоки въ недѣлю. Измѣреніе земли волоками и теперь

находило иной исходъ. Низъ, поднѣпровье и земли по р. Богу были гостепріимнымъ краемъ, гдѣ еще не подвергался стѣсненію козацкій строй, державшійся тамъ съ татарскаго времени. Изъ глубины Литвы, изъ окрестностей Вильны бѣжали *на низъ*, въ *дикія поля,* и тѣмъ предотвращалось пока дѣятельное сопротивленіе народныхъ массъ утѣсненію. Такъ было въ XVI в. и даже въ началѣ XVII-го.

Польскій строй, клонившійся къ выгодамъ шляхетства, располагалъ постепенно мелкое литовское дворянство къ уніи съ Польшей. Магнаты же литовскіе противились уніи и примыкали къ русской партіи. Таковымъ былъ въ началѣ XVI в. Адальбертъ Гаштольдъ. Вообще Гаштольды выдавались въ средѣ литвиновъ, какъ одни изъ видныхъ противниковъ уніи. Опасаясь ея, литовскіе магнаты постоянно соединялись съ русскими въ критическіе моменты. Къ уніи могли спокойнѣе относиться, или болѣе или менѣе могли сочувствовать ей лишь земяне и бояре, которымъ она была выгодна. Что до горожанъ, то ихъ не могло подкупить введеніе нѣмецкаго права, вытѣснявшее постепенно русскій строй изъ городовъ. Въ Литву это право начало проникать съ 1387 г., когда было пожаловано Вильнѣ, но въ нѣкоторыхъ земляхъ и городахъ долго еще держались старые обычаи, бывшіе отголоскомъ мѣстной автономіи, коренившейся въ древней особности русскихъ земель [1]). Удерживались также слѣды стараго этногра-

въ употребленіи на Волыни. О крестьянахъ въ литовско-русскихъ земляхъ см. ст. г. Новицкаго въ „Арх. ю.-з. Россіи", ст. г. Мордовцева „Крестьяне югозападной Россіи въ XVI в." въ Архивѣ Калачова, кн. III, 1862. Немало данныхъ для характеристики крестьянскаго быта въ XVI в. предъ уніей можно найдти въ инвентаряхъ, составленныхъ въ половинѣ того столѣтія. Выписки изъ инвентарей Витебска и Могилева см. въ „Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи", годъ I, октябрь (1862). Часть люстраціи XVI в. издана г. Яблоновскимъ въ Źródła dziejowe. Характеристика быта крестьянъ по этимъ даннымъ была представлена В. Б. Антоновичемъ въ рефератѣ, читанномъ въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца и переданномъ въ краткомъ изложеніи въ „Кіевлянинѣ" 1878 г. Описаніе восьми замковъ 1552 г. имѣетъ вскорѣ выйдти въ свѣтъ подъ ред. В. Б. Антоновича въ „Арх. ю.-з. Россіи".

[1]) Грамота Сигизмунда I, подтверждавшая прежніе привиллегіи, предоставляла „Витебляномъ самымъ казнити виноватаго по своему праву"... „Воеводу по старому по ихъ воли. А которы имъ будетъ не подобатъ воевода, а обмовятъ его передъ нами, ино намъ Воеводу имъ иного дати по ихъ

фическаго дѣленія, распаденія на *земли* [1]), и вообще было немало русской старины въ государственномъ и обычномъ правѣ литовско-русскаго государства [2]). Понятно, что масса русскаго населенія не имѣла никакихъ основаній сочувствовать упіи. Что же касается массы литовскаго населенія, то она перестала съ половины XV в. принимать дѣятельное участіе въ исторіи литовско-русскаго государства.

На подмогу сторонникамъ упіи съ Польшей въ среду литовцевъ и русскихъ явилось пришлое польское населеніе [3]). Есть извѣстія о поселеніяхъ поляковъ въ Литвѣ уже въ XIV столѣтіи. Ихъ было немало въ Полѣсьѣ (Подлѣсьѣ), перешедшемъ во власть Литвы [4]). Поляки находились, далѣе, въ литовскихъ ополченіяхъ при Витовтѣ, который поручалъ имъ иногда нѣкоторыя должности [5]). Много поляковъ явилось въ Литву во время общихъ войнъ Ягайла и Витовта съ нѣмецкимъ орденомъ и затѣмъ при Сигизмундѣ Кейстутовичѣ. Въ половинѣ XV в. были поляки въ коренной Литвѣ. Великіе князья литовскіе нарушали иногда постановленіе о непринятіи иноземцевъ на государственную службу. Поляки проникали въ Литву также посредствомъ браковъ съ литвинками. Мало-по-малу, они пробрались на Волынь, въ особенности при Сигизмундѣ I и Сигизмундѣ-Августѣ [6]). Ранѣе

воли. А пріѣхавши воеводѣ нашому первого дня къ Витебску цѣловати ему крестъ и Витебляномъ на томъ, что безъ права ихъ не казнити поводомъ ни въ чомъ".

[1]) Данныя о Витебской *землѣ* указаны выше. Названіе Кіевской *земли* встрѣчаемъ и послѣ литовскаго времени, напр. въ грамотѣ Сигизмунда III Никифору Туру 1596 г., изданной А. С. Петрушевичемъ въ Przegląd archeologiczny, zesz. I, Lwów 1882, str. 85.

[2]) Объ остаткахъ этой старины см., между проч., у Первольфа, Osvěta 1881, № 4. Интересно, что еще въ XVI в. держалось старое названіе дани— *полюдье*.

[3]) О движеніи польскаго племени въ предѣлы литовской Руси см. нѣсколько общихъ свѣдѣній въ ст. г. Ир. Житецкаго „Смѣна народностей въ южной Руси": Кіевская Старина 1884, ноябрь, 386—394

[4]) Въ одной папской буллѣ XIII в. говорится о бѣгствѣ польскихъ крестьянъ, между проч.—и въ края литовскаго племени.

[5]) Такъ, напр., по взятіи Смоленска, Витовтъ „Ляхомъ предасть градъ держати". Супр. рукоп., 137.

[6]) Въ 1554 г., по просьбѣ волынскаго и подлѣсскаго дворянства, заявлявшаго о нарушеніяхъ поляками запрещенія селиться на литовскихъ

они проникли на Подолье и въ землю Дорогичинскую, въ которой имъ позволилъ селиться Витовтъ. Общее запрещеніе было снято только въ 1564 г., когда полякамъ было разрѣшено пріобрѣтать поземельную собственность въ литовско-русскомъ государствѣ.—Кромѣ польскихъ переселенцевъ распространенію польскаго вліянія содѣйствовало и католическое духовенство [1]). Литовскій элементъ болѣе и болѣе оттѣснялся на второй планъ въ литовско-русскомъ государствѣ [2]) и бойцами за преобладаніе становились преимущественно сторонники польской культуры и русскіе.

Въ отношеніи къ русскимъ литвины слѣдовали по временамъ наущеніямъ поляковъ, и взаимное отчужденіе главныхъ народностей литовско-русскаго государства постепенно усиливалось. Тогда подъ вліяніемъ внушеній высшихъ сословій и въ литовскомъ народѣ явилась непріязнь къ русскимъ, какъ то доказываетъ обращавшаяся въ Литвѣ пѣсня объ убіеніи русскими князьями великаго князя Сигизмунда [3]). Съ 40-хъ годовъ XV-го в. встрѣчаются нерѣдко извѣстія объ антагонизмѣ русскихъ и литовцевъ. Католичество вносило болѣе и болѣе внутренней розни и разобщенія [4]). Когда Сигизмундъ I отдалъ Троцкое воеводство знаменитому гетману Константину Острожскому, то въ средѣ дворянства поднялась такая буря, что король долженъ былъ дать письменное ручательство въ томъ, что сдѣлалъ это въ виду особыхъ заслугъ Константина и впредь будетъ отдавать высшія литовскія должности не русскимъ, но литвинамъ и католикамъ.

земляхъ, король подтвердилъ, что никто, кромѣ природныхъ подданныхъ литовско-русскаго государства, не имѣетъ права пріобрѣтать тамъ поземельную собственность.

[1]) Слова Мѣховскаго: „In Samagitthia autem, quae est longitudinis quinquaginta milliariorum, et in Lithuania, quae in longum triginta milliaria continet, in uillis Lithuanicum loquuntur, et in magna parte Polonicum profitentur: nam et sermone Polonico sacerdotes eis praedicant in ecclesiis. Insuper scito quod hoc linguagium quadripartitum totum est de obedientia et fide Romanae eclesiae....“ Pistor., 146.

[2]) Во второй половинѣ XVI в. славилась только celeritas Lituanorum. Panegiricus Warsevicii ad Steph. I Pol. Regem., Guagn., p. 14.

[3]) См. о ней у Мѣховскаго.

[4]) Напр., въ отпискѣ Шестакова 1498 г. говорится: „Здѣсе, господине, у насъ сталося замятенье великое межи Латыны и межи нашего христіянства.... ино наша Русь велми ея съ Литвою не любятъ“. Акты зап. Россіи I, № 155.

Это обѣщаніе было подтверждено при немъ трижды. Подобное же ручательство выдалъ и Сигизмундъ-Августъ. Вообще русскіе были устраняемы отъ полнаго участія въ управленіи, и договоры съ другими государствами были подписываемы не православными, но только католическими епископами.

Само правительство раздувало взаимную ненависть народностей. Въ первой половинѣ XV в. Владиславъ запретилъ браки литвиновъ съ русскими не-уніатами. Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ, одинъ за другимъ, подтверждали распоряженіе Ягайла и Витовта о томъ, что лишь католики имѣли право на занятіе высшихъ должностей, и издавали новыя распоряженія, стѣснявшія свободу исповѣданія православія. Такъ, при Казимирѣ было запрещено строить новыя православныя церкви и починять старыя, и эти церкви назывались въ правительственныхъ актахъ на латинскомъ языкѣ (даже при Витовтѣ и Сигизмундѣ I) синагогами. Подобныя распоряженія обусловливались вліяніемъ католическаго духовенства и приверженцевъ католичества въ Литвѣ, а также польской знати. Положеніе исповѣдниковъ грековосточной догмы было удрученное [1]); не было только формальнаго и общаго преслѣдованія. Александръ явился продолжателемъ Ягайла въ политикѣ религіознаго понужденія для утвержденія единенія народностей посредствомъ религіи. Самъ Александръ признавалъ, что „нѣкоторыя княжата и иные подданные, которые суть вѣры руское, припужены были къ вѣрѣ и обычаю светой римской церкви". Открытое утѣсненіе началось въ польское время [2]), но и въ литовскій періодъ по временамъ уже рѣзко

---

[1]) См. изданное А. С. Петрушевичемъ „Соборное посланіе русскаго духовенства и мірянъ къ римскому папѣ Сиксту IV", Львовъ 1876. Вскорѣ оно явится въ свѣтъ въ другомъ спискѣ въ ряду памятниковъ западнорусской письменности, изд. С. Т. Голубевымъ въ „Арх. ю.-з. Россіи" (стр. 193—231). Мнѣнія о подлинности посланія см. у Завитневича: Палинодія, 192—195. См. еще Протоколы засѣданій Совѣта Кіевск. Акад. 1883 г. (Тр. К. Д. А., 1883, ноябрь), 295—298.

[2]) См., между проч., Шараневича Rzut oka na beneficya kościoła ruskiego za czasów Rzeczy pospolitéj polskiéj pod względem historyi przede wszystkiem o stosunku swieckiego duchowieństwa ruskiego w Galicyi do ziemi w tym okresie, We Lwowie 1875. См. также книгу Ст. Качалы „Polityka polaków względem Rusi, Lwow 1879", извлеченіе изъ которой помѣщено въ „Кіевской Старинѣ" 1885, № 1.

проявлялась религіозная нетерпимость. При Александрѣ подъ вліяніемъ ея послѣдовало даже изгнаніе евреевъ изъ всего литовскаго государства, при чемъ религіознымъ побужденіемъ была прикрыта корыстная цѣль [1]).

Иногда, повидимому, уравнивались права католиковъ и русскихъ. Вліяніе православныхъ на дѣла до окончательнаго присоединенія Литвы къ Польшѣ еще не было совсѣмъ устранено. Русскихъ побаивались, и этому обстоятельству должно приписать правительственныя распоряженія, клонившіяся, по временамъ, къ подтвержденію правъ русской народности. Къ такому давленію со стороны русской народности присоединилась вѣротерпимость Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа въ первую половину его правленія. Изъ нихъ въ особенности при первомъ былъ въ почетѣ русскій народъ, и 60 лѣтъ спустя вспоминали что Сигизмундъ, созидалъ и обогащалъ русскія церкви, какъ и католическія. Сигизмундъ-Августъ уравнялъ незадолго до уніи права всѣхъ христіанъ, но при этомъ имѣлось въ виду легчайшее осуществленіе уніи, привлеченіе на ея сторону православныхъ, которымъ этимъ уравненіемъ также открывалась дорога къ шляхетскимъ привиллегіямъ. Тогда и Городельскій договоръ былъ распространенъ на всю Русь и Литву. Такимъ образомъ, незадолго до Люблинской уніи религіозное различіе въ Литвѣ уже не могло приводить ко взаимной ненависти послѣдователей различныхъ религій, но, къ сожалѣнію, вѣротерпимость возобладала довольно поздно въ литовско-русскомъ государствѣ, когда оно было уже весьма близко къ потерѣ самостоятельности и когда русская народность была значительно принижена рядомъ многолѣтнихъ неудачъ и утѣсненій. Она была лишена возможности свободнаго развитія въ литовско-русскомъ государствѣ послѣ 1387 г. Въ отношеніи къ ней правительства усматривается постоянное колебаніе и двойственность: и даже изъ привиллегіевъ, которые издавались въ пользу русской народности, видно угнетенное положеніе ея [2]). Притомъ привиллегій, изданный Владиславомъ Варнскимъ, имѣлъ цѣлью завлеченіе въ католичество и унію [3]), а другіе привиллегіи не имѣли полнаго значенія въ жизни.

---

[1]) Бершадскій, Литовскіе евреи, Спб. 1883, 250.

[2]) Таково подтвержденіе луцкаго привиллегія, сдѣланное около 1427 г. Ягайломъ. Skarbiec II, № 1429.

[3]) П. с. р. л. II, 354.

Такимъ образомъ, правительственныя распоряженія въ защиту русской народности, при отсутствіи единства въ правительственной политикѣ, не достигали цѣли. Вслѣдствіе того въ русскомъ населеніи не прекращалось постоянное недовольство и нерасположеніе къ правительству.

Посмотримъ теперь, что́ предпринимала русская народность въ свою защиту отъ утѣсненій въ литовско-русскомъ государствѣ съ половины XV-го в.

Густинская лѣтопись полагаетъ со времени пораженій, испытанныхъ Свидригайломъ, начало ослабленія русскихъ князей въ литовско-русскомъ государствѣ: „и оттолѣ Русскіе князи начаша оскудѣвати и обнищевати“. При Казимирѣ не переставала однако тлѣть и зрѣть русская реакція. Однимъ изъ проявленій ея было возстаніе въ Смоленскѣ. Русская партія пыталась найдти опору въ обрусѣвшихъ представителяхъ правившаго дома и постоянно стремилась къ избранію въ великіе князья такого лица, которое могло бы защищать ея интересы. При Казимирѣ противники уніи съ Польшей благопріятствовали Симеону, сына Михаила Олельковича, и прочили его на литовскій престолъ, желая смѣстить Казимира. За Симеона были голоса при избраніи великаго князя послѣ смерти Казимира. Вообще послѣ паденія Свидригайла русскіе постоянно держались Олельковичей, которые были дороги русской народности своимъ постояннымъ сочувствіемъ русскому дѣлу. Какъ скоро становился свободнымъ велико-княжескій престолъ, русскіе постоянно подавали голосъ за Олельковичей. Олельковичи были православные и смотрѣли на Кіевъ, какъ на свою отчину. Они были поборниками интересовъ православія, и митроп. Іона писалъ къ Александру Владимировичу (Олельку): „отъ многыхъ про тебе про великого человѣка слышу, якоже еси предней православный христіанинъ и церкви Божьей сынъ, и поборатель по Божьей церкви и по законѣ.....“ [1]). Олельковичи не забывали, далѣе, своего происхожденія отъ старшаго сына Ольгердова Владимира, и Михаилъ Олельковичъ былъ такъ записанъ въ посланіи къ Сиксту IV: „Великославное княжа, ясно врожденый Михаилъ, братъ по плоти пресвѣтлаго Короля польского князя Казимира литовского и руского пана“ [2]).—Потому-то родъ Олелько-

[1]) Русск. историч. библ. VI, 562.

[2]) „Соб. посл. р. духов. и мірянъ къ Сиксту IV“, изд. Петрушевичемъ, стр. 27; изд. Голубева, стр. 199.

вичей постоянно внушалъ опасеніе великимъ князьямъ литовскимъ. Владиміръ Ольгердовичъ былъ выведенъ Витовтомъ изъ Кіева и бѣгалъ въ Москву. Сигизмундъ Кейстутовичъ поразивъ Свидригайла, держалъ въ заключеніи Александра (Олелька) съ сыновьями, какъ претендента на великокняжескій престолъ. Казимиръ не далъ Кіева Михаилу Олельковичу, при чемъ Кіевляне оказали вооруженное сопротивленіе посланному Казимиромъ намѣстнику, какъ нѣкогда защищали Владиміра Ольгердовича противъ Витовта.—Родъ Олельковичей былъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ, и не лишено значенія то обстоятельство, что именно этотъ родъ, сидѣвшій такъ долго въ Кіевѣ, отстаивалъ интересы русской народности. Въ теченіе многихъ лѣтъ судьбы Кіева были неразрывны съ судьбою рода Владиміра Ольгердовича. Кіевъ началъ подниматься во второй половинѣ XIV в. со времени правленія этого князя и когда въ старомъ церковномъ центрѣ вновь начали подолгу проживать митрополиты. Со времени Витовта Кіевъ видимо становится средоточіемъ надеждъ русской народности великаго княжества литовскаго. По смерти Скиргайла, Кіевъ получилъ *князя* въ лицѣ князя Гольшанскаго. Значеніе матери городовъ русскихъ поднялось еще болѣе съ возстановленіемъ Кіевской митрополіи. При этомъ возстановленіи имѣли въ виду, между прочимъ, старинное значеніе Кіева. На то указываютъ слова грамоты о назначеніи митрополита, „штобы сидѣлъ на столѣ Кіевскоѣ митропольи по старинѣ, строилъ бы церковь по давному, яко намъ: занежъ Божьимъ изволѣньимъ мы мѣсто то обладаемъ, Кіевъ". Но Кіевъ началъ казаться опаснымъ в. князю литовскому и съ 1471 г. въ Кіевъ начали постоянно назначать, вмѣсто князей и намѣстниковъ, воеводъ, а 10 лѣтъ спустя, въ 1481 г., былъ казненъ Михаилъ Олельковичъ [1]). Послѣ того линія Олельковичей перестала стоять во главѣ русской оппозиціи [2]), и мѣсто представителей этого рода заняли другія лица. При Казимирѣ кандидатомъ русской партіи на литовско-русскій велико-княжескій престолъ былъ князь Бѣльскій. Въ періодъ междуцарствія послѣ смерти Александра поляки боялись, какъ бы русскіе не избрали въ великіе князья Глинскаго. Какъ из-

---

[1]) Говоря объ обезглавленіи его и князя Ивана Юрьевича, лѣтописецъ замѣчаетъ: „вина ихъ Богу единому свѣдущу". Супрасльская рук., 138.

[2]) Объ Олельковичахъ было читано И. И. Малышевскимъ сообщеніе въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца. См. Чтенія въ ист. общ. Нест. лѣт. I, 276.

вѣстно, Глинскій задумалъ—было положительное отдѣленіе западно-русскихъ земель отъ Литвы и образованіе изъ нихъ самостоятельнаго государства. Менгли-Гирей обѣщалъ посадить Глинскаго въ Кіевѣ, а Василій Ивановичъ обязался не лишать Глинскаго владѣній, которыя тотъ отвоевалъ бы отъ Литвы, и не вступаться въ эти владѣнія [1]). По словамъ Стрыйковскаго, Глинскій имѣлъ въ виду возстановленіе древняго кіевскаго княжества. Интересно, что по дѣлу Глинскаго былъ заключенъ въ оковы кіево-печерскій архимандритъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ. Какъ бы то ни было, Приднѣпровье набиралось все болѣе и болѣе силы и значенія. Незадолго до Люблинской уніи князь Дмитрій Вишневецкій, перешедшій было на время въ Москву, пытался покорить Грозному Украину [2]). На Люблинскомъ сеймѣ 1569 г. польскіе послы требовали присоединенія Кіева къ Польшѣ, между прочимъ, потому, что „Москвитянинъ прилагаетъ усиленное стараніе занять Кіевъ, бывшую нѣкогда митрополію Руси; если-бы Кіевъ остался во власти литовцевъ, то не могъ бы быть защищенъ. Рѣчи Посполитой потому еще подобаетъ отнять Кіевъ у литовцевъ, что если онъ останется у нихъ, то имъ потомъ легко будетъ выступать противъ насъ“ [3]). Сенаторы, противившіеся присоединенію Кіева къ Рѣчи Посполитой, указывали на хлопоты, какія могла причинить необходимость защищать тотъ край, но не предвидѣли главной опасности—сопротивленія мѣстнаго населенія. Эта опасность могла быть замѣчена только потомъ, при непосредственномъ столкновеніи польскаго гнета съ любовью украинскаго люда къ свободѣ и съ непреклонною рѣшимостью отстоять свои человѣческія права.

Въ литовско-русскомъ государствѣ масса народа еще не была такъ угнетена, какъ въ позднѣйшее время послѣ совершеннаго присоединенія Литвы къ Польшѣ, и не сознавала еще ясно, къ чему должна была привести правительственная политика впослѣдствіи. Не

---

[1]) О Глинскомъ см. диссертацію Варнки: „De ducis Michaelis Glinscii contra Sigismundum regem Poloniae et M. Ducem Lithuaniae rebellione. Berolini“ 1868.

[2]) Вѣкъ назадъ попытался занять Кіевъ съ Московскою помощію Михаилъ Сигизмундовичъ. 2-я л.-р. лѣт., 56.

[3]) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г., Спб. 1869, стр 401.—О значеніи Кіева въ литовскій періодъ см. въ „Кіевской Старинѣ“ 1882, № 1 ст. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст.“

удивительно потому, что въ оппозиціи литовско-польскимъ государямъ до Люблинской уніи передовое мѣсто принадлежало не низшимъ, но высшимъ классамъ народа. Во главѣ національнаго русскаго движенія стояла руководившая партія литовско-русскихъ князей и магнатовъ. На нихъ прежде всего падаетъ отвѣтственность за печальную судьбу западно-русской народности и за неумѣнье оградить ее отъ подавленія Польшей на два съ лишнимъ вѣка. Вся бѣда была въ неумѣньи ихъ сплотить все западно-русское населеніе въ общей борьбѣ и въ нежеланіи отрѣшиться отъ магнатскаго высокомѣрія. Вслѣдствіе того не могъ помочь имъ и внѣшній союзникъ, котораго они искали на востокѣ, поддаваясь вѣрному чутью.

Такою внѣшнею опорою для русской народности въ Литвѣ явилась съ XV в. Москва, князья которой уже въ половинѣ XIV в. провозгласили себя князьями всея Руси. Великіе князья литовскіе опасались титула „государя всея Руси“, принятаго Иваномъ III, и въ концѣ XV в. изъ-за того у нихъ возникли было пререканія съ Московскимъ княземъ [1]). Но московскіе князья стойко держались провозглашенной ими великой цѣли собиранія русской земли. Въ этомъ девизѣ заключалась ихъ сила, дѣйствовавшая и за предѣлами ихъ государства. Представители русской народности, объединенной въ литовско-русскомъ государствѣ, помимо попытокъ отстоять себя внутри этого государства, старались по временамъ найдти поддержку въ восточной Руси. Это обстоятельство подняло надежды Москвы и доставляло ей постепенно перевѣсъ въ вѣковой борьбѣ съ Литвой.

Мы видѣли, что столкновеніе Литвы съ Москвой началось уже при Иванѣ Даниловичѣ. Въ XIV стол. единодержавіе зарождалось одновременно на востокѣ Руси и на западѣ. Промежуточныя земли между Литвою и Москвою должны были примкнуть къ той или къ другой, и со временъ Гедмина замѣчается колебаніе этихъ земель, а также Твери и Рязани. Владѣтели мелкихъ княжествъ, лежавшихъ на пограничьи Москвы и

---

[1]) См. въ XXXV-мъ т. „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ (Спб. 1882) „Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ польско-литовскимъ“, изд. Г. Карповымъ. При Грозномъ происходилъ споръ изъ-за царскаго титула. Сборникъ кн. Оболенскаго, № 5, М. 1838, стр. 13, 15, 17.

Литвы, начали перебѣгать отъ одной къ другой. Литва принимала враговъ московскаго единодержавія и, наоборотъ, нѣкоторые бѣгали изъ Литвы въ Москву, ссылаясь на старое право отъѣзда, при чемъ митрополитъ разрѣшалъ отъ крестнаго цѣлованія [1]). Поводъ ко взаимнымъ неудовольствіямъ подавали также сѣверо-западныя русскія земли. Послѣ періода, когда Литва брала съ новгородцевъ искупъ [2]), начались мирныя и дружескія сношенія ея съ Новгородомъ. При Гедеминѣ Литва стала оказывать вліяніе на Псковъ и Новгородъ. Ольгердъ, котораго патріаршая грамота называетъ „княземъ огнепоклонникомъ, всегда готовымъ сдѣлать опустошительное нападеніе на всякую чуждую страну и покорить себѣ всякій городъ [3])“, дѣятельно вмѣшивался въ дѣла великой Руси и пытался поддержать Тверь [4]). Послѣ смерти Ольгерда столкновеніе на время утихло. Литва была отвлечена западными отношеніями и внутренними смутами, а Москву останавливала татарская гроза, а затѣмъ постигли невзгоды при Василіи Темномъ вслѣдствіе того, что московскіе князья не сразу пришли къ идеѣ безудѣльности и, создавая единодержавіе, ставили съ другой стороны препятствія ему, отказывая въ завѣщаніяхъ удѣлы всѣмъ сыновьямъ. При Ягайлѣ даже отдаленная Рязань вошла въ отношенія *съ Польшей.* Новгородъ колебался между Москвой и Литвой. Въ немъ явились партіи московская и литовская, а въ 1389 г. князь его Симеонъ (ин. Люгвеній) обязался пребывать вмѣстѣ съ новгородцами въ вѣрности королю польскому. Обще-русское значеніе и вліяніе литовско-русскаго государства достигло апогея при Витовтѣ. Окончательное взятіе Витовтомъ въ 1404 г. Смоленска, которому не захотѣлъ помочь московскій князь [5]), завершило, можно сказать, территоріальное развитіе великаго княжества литовскаго на русской почвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще продолжалась власть Литвы къ востоку отъ Смоленска: присягнули на

---

[1]) См. Ольгердову грамоту 1371 г. къ патріарху Филоѳею съ жалобами на митроп. Алексія. Р. историч. библ. VI, Прилож., 135—140.

[2]) Въ духовной грамотѣ Новгородца Климента, написанной до 1270 г., читаемъ: „платилъ за мене Данило и Воинъ. искоупъ. Литовьскыи“. Срезневскій, Свѣд. и зам., XL, 38.

[3]) Р. истор. библ., VI, Прилож., 167—168.

[4]) См. въ кн. Борзаковскаго „Исторія Тверскаго княжества“, Спб. 1876, стр. 134 и сл.

[5]) Супрасльская рук., 136.

вѣрность и повиновались Витовту князья Брянскіе, Новосельскіе, Одоевскіе, Воротынскіе. Витовтъ безъ кровопролитія держалъ ихъ въ своей власти. Тверь вновь заключила союзъ съ Литвою, и князь ея Борисъ Александровичъ назвалъ Витовта въ документѣ перемирія „многихъ русскихъ земль государемъ", а Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій призналъ себя слугою Витовта. Литва простиралась теперь отъ западнаго Буга до Оки и отъ Пскова до Молдавіи и Чернаго моря. Троекратная встрѣча полковъ Витовта съ московскими не ознаменовалась рѣшительнымъ боемъ. Перевѣсъ видимо былъ на сторонѣ Литвы. Восточная граница ея отстояла почти на день ѣзды отъ Москвы. Малолѣтній князь Московскій, внукъ Витовта, состоялъ подъ его покровительствомъ. Ко дню, на который было назначено коронованіе Витовта, явились князья Московскій, Тверской и Рязанскій. Быть можетъ, желаніе королевской короны находилось въ связи съ помыслами Витовта о верховномъ владычествѣ надъ всею Русью, въ томъ числѣ и надъ Москвою [1]).

Несмотря на все это, уже при Витовтѣ въ Литвѣ замѣчалось тяготѣніе къ восточной Руси [2]). Когда же въ Литвѣ началось стѣсненіе правъ русской народности, а Московскіе князья усилились и начали непрерывно стремиться къ расширенію своего государства со времени Ивана III, Москва стала опасной противницей Литвы: русскіе люди литовскихъ земель начали нерѣдко обращать свои взоры къ Москвѣ [3]).

Олелько былъ женатъ на „Московкѣ" (дочери Василія Дмитріевича). Въ пользу Москвы былъ составленъ заговоръ при Казимирѣ Ягайловичѣ. Москва постепенно торжествовала надъ Литвой, а это заставляло великихъ князей литовскихъ еще тѣснѣе сближаться съ Польшей и еще ревностнѣе подготовлять осуществленіе уніи, провозглашенной въ концѣ XIV в. Въ сущности то былъ ложный шагъ со стороны верховнаго литовскаго правительства, но оно не замѣчало своей ошибки. Паденіе Новгорода значительно подорвало авторитетъ литовско-русскихъ государей, и не лишено правды замѣчаніе объ этомъ

---

[1]) Лѣт. вел. кн. лит., изд. А. Н. Поповымъ, стр. 42; ср. стр. 47, гдѣ Витовтъ названъ держателемъ всей русской земли.

[2]) Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 999.

[3]) О борьбѣ Москвы съ Литвою см. въ монографіи г. Карпова: „Исторія борьбы Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ", М. 1867.

событіи позднѣйшаго историка Литвы Кояловича: hic primus gradus fuit defluentis Lithuaniae ab alto, quo eam Vitoldus evexerat. Вообще литовцы должны были признать, что въ правленіе Ивана III началось паденіе внѣшняго могущества Литвы [1]). Иванъ III не ограничился Новгородомъ. Онъ добивался Смоленска и Кіева. Ограбивши Кіевъ въ 1482 г., Менгли Гирей отослалъ Московскому князю золотые потиръ и дискосъ Софійскаго собора. Съ другой стороны, тотъ-же Менгли-Гирей далъ ярлыкъ Казимиру на русскія земли, и великій князь Литовскій потребовалъ отъ Москвы Новгорода и Великихъ Лукъ. Казимиръ не рѣшался однако начать войну съ Москвою. Онъ ясно сознавалъ причину слабости Литвы; это видно изъ приведеннаго Длугошемъ увѣщанія Казимира, указывавшаго на сочувствіе Москвѣ въ русскихъ областяхъ Литвы и убѣждавшаго литвиновъ воздержаться отъ столкновенія съ Москвою, которой стали бы помогать и русскіе, подвластные Литвѣ. Такъ уже во второй половинѣ XV в. зачиналось столкновеніе Литвы съ Москвою изъ-за западной и южной Руси, продолжавшееся съ промежутками два вѣка и принявшее весьма значительные размѣры съ той поры, какъ литовско-русское государство было вполнѣ присоединено къ Польшѣ, унаслѣдовавшей вѣковыя тяжбы Литвы.

Въ 1493 г. Москва заняла Вязьму [2]), „а прежде того отступиша отъ великаго княженьства Литовьскаго къ Москвѣ и своими городы князи Воротынскій, и Одоевьскый, Белѣвскый, Перемысльскый, Мезоцкій“ [3]). Въ борьбѣ съ Литвой при Александрѣ Москва прямо выставила религіозное знамя: война съ Александромъ была выдвигаема Москвою, какъ слѣдствіе гоненія на православныхъ въ Литвѣ. Глинскій указывалъ угорскому королю Владиславу Казимировичу на бунтъ нѣкоторыхъ князей, какъ на возстаніе противъ католичества. Василій III заявилъ великому князю литовскому, что „вся русская земля“— его наслѣдіе и что онъ желаетъ добыть Кіевъ, Смоленскъ и др.

---

[1]) Михалонъ Литвинъ замѣчаетъ объ Иванѣ III: „Онъ отнялъ также и присоединилъ къ своему наслѣдству у Казимира, короля польскаго и князя литовскаго, сражавшагося въ Пруссіи противъ крестоносцевъ за свои предѣлы, литовскія провинціи Новгородъ, Псковъ, Сѣверскъ и другія, когда народъ нашъ предался роскоши“.

[2]) Москвичи воевали Вяземскую землю уже въ 1445 г. 2-я л.-р. лѣт., 54—55.

[3]) Супрасльская рукопись, 140.

Южно-русскій лѣтописецъ по поводу такихъ притязаній отмѣчаетъ въ московскомъ князѣ „ненасытную оутробу лихоимѣніа“ [1]). Тоже свое обще-русское призваніе Московскіе князья выдвигали и въ восточно-русскихъ земляхъ. Послѣ бѣгства изъ Москвы Рязанскаго князя Ивана Ивановича въ 1521 г., епископъ Рязанскій и Хабаръ говорили Рязанцамъ: „Государемъ вамъ князя Ивана не назвати, а Государь вамъ князь Великій Василій Ивановичъ *всеа Руси*“ [2]). Рязанскій князь разсчитывалъ, въ случаѣ неудачи сношеній съ татарами, опереться на Литву [3]), но напрасны были его надежды.

Во второй четверти XVI в. напряженность борьбы Литвы и Москвы на время уменьшилась. Послѣдніе Ягеллоны относились менѣе подозрительно къ русской народности, а предводители послѣдней въ Литвѣ начали глядѣть съ опасеніемъ на Москву. Литовско-русскихъ князей и магнатовъ удерживалъ отъ окончательнаго перехода на сторону Москвы, по словамъ Деція, деспотизмъ московскихъ государей и то, что въ московскомъ государствѣ всякій былъ богатъ лишь тогда и настолько, когда и насколько то было угодно московскому государю.

Подъ вліяніемъ тяготѣнія русской народности въ Литвѣ къ восточной Руси природные литвины становились тѣмъ непріязненнѣе. Они не хотѣли примкнуть къ Москвѣ и желали остаться подъ властью князей своего дома. Этимъ поддерживалось распаденіе литовско-русскаго государства на два стана, а разъединеніе ослабляло государство въ отношеніи къ притязаніямъ Польши. А между тѣмъ великіе князья литовскіе, бывшіе вмѣстѣ и польскими королями, считали сосѣднее единоплеменное и единовѣрное московское государство опаснымъ врагомъ и надѣялись удержать за собою литовско-русское государство посредствомъ окатоличенія его и скрѣпленія союза съ Польшей. Впослѣдствіи польское правительство прибѣгало къ тѣмъ же мѣрамъ въ

---

[1]) Тамъ-же, 149.

[2]) Сборникъ князя Оболенскаго, № 2, М. 1838, стр. 6.

[3]) „А нѣчто не станетца его ссылка со Царемъ, и какъ приведутъ къ нему кони свѣжіе со Резани, да и Дѣтей Боярскихъ съ собою прибавитъ, а почуетъ Литву на Великого князя, и ему было тогды бѣжать къ Литовскому“. Сборн. кн. Обол., 9—10.

отношенія къ западно-русской народности, присоединенной къ Польшѣ на основаніи Люблинской уніи, а теперь той же политики придерживается австрійское правительство въ Галичинѣ, желая подавить въ ней русскую народность.

Во второй половинѣ XVI в. близилось прекращеніе династіи Ягеллоновъ вслѣдствіе бездѣтности ея послѣдняго представителя, и въ тоже время были предъявлены притязанія на наслѣдіе Ягеллоновъ Грознымъ царемъ, поддерживавшимъ свои требованія наступательнымъ движеніемъ на литовско-русскія земли. Теперь должно было окончиться колебаніе, въ которомъ почти два вѣка пребывала Литва; предстояло рѣшеніе вѣковаго вопроса о томъ, куда должны были примкнуть литовско-русскія земли, къ русскому сѣверо-востоку, или къ Польшѣ, которая уже захватила часть юго-западной Руси и угнетала ея народъ.

V.

Уже съ конца XV-го столѣтія, когда великіе князья Московскіе явственно для всѣхъ поставили своею цѣлью соединеніе подъ своею державою *всѣхъ* русскихъ земель, западно-русскому образованному сословію, оказывавшему вліяніе на судьбы родной земли, представлялся троякій выборъ. Приходилось или стараться о сближеніи Литвы съ Москвой и противодѣйствовать всѣми силами уніи съ Польшей, или же примириться съ замыслами послѣдней. Возможна была и еще одна попытка: отдѣлиться отъ Литвы и образовать отдѣльное западно-русское государство. Нѣкоторые изъ западно-русскихъ князей еще не теряли надежды отстоять самостоятельность *литовско-русскаго* государства, а другіе, какъ Глинскій, готовы были, повидимому, вѣрить въ возможность основанія особаго приднѣпровскаго княжества. Такимъ образомъ, уже въ то отдаленное время политическимъ симпатіямъ западно-руссовъ предстоялъ выборъ между тремя рѣшеніями вопроса, имѣвшаго огромную важность для всякаго патріота, мыслившаго о судьбахъ отечества. Неудача Глинскаго показала, какъ тщетны были усилія образовать особое западно-русское государство, независимое отъ Польши и восточной Руси. Оставалось выбирать между тою и другою. Здоровое національное чувство не могло не склонять къ Москвѣ, но въ то время оно не восторжествовало въ западно-русской интеллигенціи.

При Сигизмундѣ-Августѣ католическій фанатизмъ уже не могъ

оказывать вліянія на литовцевъ, которые подпали въ значительной мѣрѣ вліянію реформаціонныхъ идей; но не имѣла прежней внутренней силы и русская народность великаго княжества литовскаго, правильнѣе сказать—ея представители, или руководившіе классы. Двухвѣковая работа Польши и католичества убила въ нихъ живительныя начала политической самостоятельности, притупила сознаніе самобытности и живое чувство народности. Къ половинѣ XVI в. Польша пріобрѣла нѣкоторыхъ сторонниковъ въ Литвѣ, а враги Польши, протестанты и православные, были разобщены. Русскіе люди, повидимому, держались своей національности [1]) и не рѣшались еще на измѣну ей, которая стала нерѣдка послѣ уніи, но не обнаруживали энергіи. Боялись утратить свою самобытность и литвины. По прежнему предъ королемъ было высказываемо желаніе, чтобы „панове Поляцы не имѣли тоѣ жадости, абы тоѣ панство вашое милости отчизное было унижоно и привлащоно къ нимъ". Литовскіе магнаты старались постоянно защитить отдѣльность великаго княжества литовскаго. Ясно, что Польшѣ оставалось сдѣлать рѣшительный натискъ, и она могла восторжествовать надъ этимъ нерасположеніемъ, въ особенности—при отсутствіи единодушія между литовцами и русскими и при готовности поляковъ дѣйствовать насиліемъ и неправдою. И дѣйствительно, Польша преодолѣла ненависть литовцевъ и русскихъ къ уніи, но—средствами далеко не безукоризненными.

Было нѣсколько обстоятельствъ, въ особенности благопріятствовавшихъ во 2-й половинѣ XVI в. осуществленію давней мечты поляковъ объ уніи съ Литвой или, лучше сказать, о присоединеніи литовско-русскихъ земель къ Польшѣ и о непосредственномъ подчиненіи лучшихъ изъ этихъ земель. Не все литовско-русское населеніе могло найдти опору въ Иванѣ Грозномъ и искренно примкнуть къ нему. Самъ Грозный видимо желалъ присоединить Литву къ своему царству и вошелъ въ переговоры съ плѣннымъ Виленскимъ восводичемъ Глѣбовичемъ, который обязался возвести Московскаго князя на польское и литовское княженіе: Глѣбовичъ обѣщалъ подговорить и убѣдить всѣхъ литовскихъ пановъ согласиться на признаніе государемъ сына Московскаго царя и на выдачу за него королевны, сестры Сигизмунда-Августа [2]). Но въ

---

[1]) См. ст. Кулиша „Взглядъ южнорусскаго человѣка XVI столѣтія на нѣмецко-польскую цивилизацію". „Основа" 1862, іюнь, 12—16.

[2]) Дневн. Любл. сейма, 293, 296.

Литвѣ далеко не всѣмъ былъ понятенъ смыслъ дѣятельности Грознаго [1]). Многіе литовскіе князья и магнаты должны были считать Грознаго тиранномъ [2]), а знать, какъ мы видѣли, достигла значительной силы въ Литвѣ. Болѣе сноснымъ могло казаться московское владычество земянамъ, но еще заманчивѣй было для нихъ соединеніе съ Польшею, со стороны шляхетства которой литовское боярство встрѣчало распростертыя объятія. Несмотря на всѣ свои старанія, поляки не успѣли до Люблинской уніи вполнѣ водворить въ Литвѣ польскій строй, и шляхта не имѣла въ Литвѣ полнаго значенія [3]). На Люблинскомъ сеймѣ поляки неоднократно упоминали о „литовской неволѣ". Литовскіе порядки казались имъ худшими, нежели польскіе, и должны были казаться таковыми и литовскимъ земянамъ и боярамъ [4]). Поляки и великій князь литовскій—онъ-же и король польскій—давно уже старались задобрить это низшее дворянство и пріобрѣсти его сочувствіе, выставляя на видъ заботливость польской шляхты о благѣ литовско-русскаго дворянства. На Люблинскомъ сеймѣ также одинъ посолъ сказалъ: „я не знаю бо́льшаго сокровища въ Литвѣ, какъ шляхетское сословіе, понапрасну

---

[1]) См. рѣчь К. Н. Бестужева-Рюмина „Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго", напечатанную въ журналѣ „Заря" 1871, № 3. См. также характеристику Грознаго у Трачевскаго: Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, М. 1869, стр. 248 и сл.

[2]) Брацлавскій воевода говорилъ на Люблинскомъ сеймѣ, что Иванъ Грозный „довольно имѣетъ дѣла съ своими подданными, которые навѣрно умертвили бы его, еслибы онъ выѣхалъ въ поле, потому что онъ замучилъ ихъ". Дневн., 501. Поляки думали о Грозномъ иначе (см. у Трачевскаго: Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ, стр. 188 и сл., въ особенности 193—194), но потомъ восторжествовало отвращеніе къ нему (тамъ-же, 262—265).

[3]) Дорогичинскій хорунжій говорилъ на Люблинскомъ сеймѣ о Литвѣ: „Сеймики тамъ отбываются не тѣмъ способомъ, какъ здѣсь у васъ, потому что тамъ пріѣдетъ на сеймикъ панъ воевода, и староста, и хорунжій и напишутъ, что́ хотятъ, и пошлютъ до земянина въ домъ, чтобы подписался на томъ. Если онъ не подпишется (не приложитъ печати), то его отдуютъ палками (*вар.*: погрозятъ палками).... Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; только паны, что́ хотятъ, то дѣлаютъ". Дневн., 290 и 308.

[4]) См. напр., Дневн., 305.

еще гибнущее у неблагодарной Литвы, которую я считаю хуже Турка...“ [1]). Эта постоянная лесть не могла остаться безъ послѣдствій. Низшее литовско-русское дворянство поддалось приманкѣ и ради шляхетскихъ вольностей пожертвовало самостоятельностью родной земли. Высшіе представители литовско-русскаго народа, магнаты, попытавшіеся оказать вооруженное сопротивленіе польскому насилію и отстаивавшіе самостоятельность литовско-русскаго государства до послѣдняго момента, не встрѣтили поддержки въ мелкомъ дворянствѣ, а между тѣмъ оно составляло главную военную силу.

Благодаря преимущественно его измѣнѣ во второй половинѣ XVI в. почти вполнѣ осуществился, наконецъ, проектъ уніи, исполненія котораго поляки добивались такъ долго безъ успѣха [2]), но осуществился посредствомъ насилія надъ совѣстью высшихъ руководителей литовско-русскаго государства, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе его судебъ: они почти два вѣка сопротивлялись уніи и ненавидѣли ее и по заключеніи ея.

Декларація объ инкорпораціи Литвы была составлена уже на Варшавскомъ сеймѣ 1563—64 гг. и внесена въ рецессъ сейма, но не

---

[1]) Дневн., 134.

[2]) Въ актахъ уніи отъ имени Сигизмунда-Августа неоднократно говорилось, что на сеймахъ и въ другихъ случаяхъ чины королевства часто уговаривали и усиленно упрашивали предковъ короля, его отца Сигизмунда и его самого, чтобы была осуществлена унія (Дневн. 68, 688; ср. 723). Сенаторы сознавались, что ихъ „предки не могли прійти къ уніи“, и „въ томъ повиненъ былъ не кто иной, какъ наши государи, потому что они считали великое княжество литовское своею отчиной“ (Дневн., 301). Король также призналъ, что его „предки сознавали за собой обязанность (привести въ исполненіе привиллегіи на унію), но не предпринимали такого (какъ Сигизмундъ-Августъ) труда для этого дѣла“ (Дневн. 432). Въ рѣчахъ на Люблинскомъ сеймѣ послы не скрывали, что „предки ихъ много времени дожидались уніи“ (Дн. 159, 268). „Мы и наши предки имѣли довольно этихъ кожъ (т. е. договоровъ на пергаментѣ) и печатей и однакожъ уніи не имѣли“ (Дневн., 455). Съ другой стороны въ этихъ рѣчахъ признавалось, что поляки полтораста лѣтъ догадывались, а теперь узнали, что литовцы не хотятъ придерживаться уніи (Дневн., 173; ср. 461—462). Противоположное увѣреніе см. на стр. 652.

была утверждена Литовскою печатью. Виленскій воевода не согласился на декларацію, протестовалъ и уѣхалъ [1]).

На сеймѣ, который собрался въ 1569 г. въ Люблинѣ по требованію поляковъ и короля, „чтобы на немъ окончательно выполнилось законное соединеніе, которое не только не могло бы быть разорвано и расторгнуто, но и доставило бы такіе плоды, которые могли бы принести польскому и литовскому народу прежде всего миръ и лучшее и болѣе прочное охраненіе цѣлости, а затѣмъ большую славу и величіе“ [2]), продолжало держаться взаимное нерасположеніе народностей [3]).

Со стороны литовцевъ на сеймъ явились „воеводы, кастеляны, епископы, князья и депутаты отъ рыцарства“ [4]). Поляки хотѣли составить одинъ народъ съ литовцами и одно государство подъ управленіемъ польскаго короля на основаніи привиллегія Александра и Варшавской деклараціи. Свои права на Литву поляки возводили еще къ Ягайлу, который держалъ литовскую землю „полнымъ и непринужденнымъ правомъ“ и уступилъ Польшѣ „на вѣчныя времена права наслѣдства и самодержавія, какія только имѣлъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ“ [5]). Литовскіе сенаторы не желали уніи, которой добивались поляки на основаніи старыхъ привиллегіевъ. Литовскіе сенаторы заявляли, что „старыя записи уничтожены ихъ предками“, что литовцы постоянно требовали смягченія этихъ записей, которыя и были исправляемы, какъ то доказываетъ привиллегій Александра [6]); далѣе, сенаторы указывали на то, что „Александровъ привиллегій умѣрилъ предшествовавшіе, а если умѣрилъ, то прежніе не должны быть вспоминаемы“ [7]). Литвины называли съ насмѣшкой старые привиллегіи куделями [8]). Вообще, по мнѣнію литовскихъ сенаторовъ, всѣ древніе

---

1) Дневн., 33.
2) Тамъ-же, 702.
3) Тамъ-же, 247.
4) Дневн., 288.
5) Дневн., 62.
6) Дневн., 661.
7) Дневн., 411.
8) Дневн., 667.

привиллегіи на унію, на которые ссылались поляки, а равно Варшавскій рецессъ не имѣли никакой силы, потому что литовцы не изъявляли согласія на эти договоры. „Унія Литвы съ Польшею, говорилъ жмудскій староста полякамъ въ отвѣтъ на ихъ требованія, была всегда заключаема не государями, но польскимъ и литовскимъ народомъ, что́ подтверждаетъ въ особенности Sator—та грамота [1]). Подъ тѣмъ же числомъ польскіе паны получили привиллегіи, противные чести и достоинству литовскаго народа, инкорпораціи, донаціи и другіе несносные пункты. Если государь могъ дать это въ силу неограниченной власти, то зачѣмъ было потомъ брать отъ Литвы другіе привиллегіи, которые были выдаваемы добровольно, какъ отъ свободныхъ людей, и не заключали въ себѣ ничего бо́льшаго кромѣ приличнаго союза? И такъ какъ инкорпорація, произведенная Ягайломъ, была гораздо нужнѣе королевству, то для чего при томъ же Ягайлѣ польскіе паны заключали союзъ съ литовскими сословіями [2])? Также было потомъ и при Казимирѣ: Литва свободно пользовалась своими правами и избраніемъ, и Казимира избрали государемъ, какъ люди свободные..... А какъ вѣрно онъ соблюдалъ присягу великому княжеству литовскому, выявилось, между прочимъ, изъ того, что въ его правленіе не состоялось никакихъ общихъ договоровъ ко вреду и ущербу великаго княжества литовскаго. Въ 1448 г. здѣсь въ Люблинѣ Литва, наши предки, занявшись, между прочимъ, уніей, прежде всего домогалась исключенія изъ привиллегіевъ incorporatio и annexatio, и изъ этого видно, что привиллегій на инкорпорацію не былъ такъ со-

---

[1]) Разумѣется договоръ между поляками и литовцами, начинающійся словомъ Sator и заключенный 2 октября 1413 г.

[2]) Ср. объясненіе г. Кояловича, заключающее указаніе на противорѣчіе между договоромъ 2 октября 1413 г. и актомъ 2 декабря 1413 г. того же года: „Представители Литовскаго княжества, бывшіе на Люблинскомъ сеймѣ, справедливо обратили вниманіе на противорѣчіе между этими актами. Объясняя это противорѣчіе тѣмъ, что Поляки получили послѣднюю грамоту отъ самого Ягайла, помимо воли Литовцевъ того времени, представители Литвы, бывшіе на Люблинскомъ сеймѣ, бросаютъ этимъ объясненіемъ новый свѣтъ на соединеніе Литвы съ Польшей, совершавшееся на Городельскомъ сеймѣ“. Дневн., 679.

ставленъ, чтобы его могли одобрить всѣ чины рѣчи-посполитой, и, избравъ вскорѣ послѣ Ягайла отдѣльнаго государя, они говорили о томъ и не поддавались. Въ 1451 г., при королѣ Казимирѣ, на сеймѣ въ Парчевѣ литовскіе послы домогались, чтобы были уничтожены вредные литовскому княжеству привиллегіи, которымъ никогда не подчинялись, потому что литовское княжество приступало къ товариществу и примиренію, не отдаваясь въ какое-либо подданство. Тоже было и въ Сѣрадзѣ на сеймѣ 1452 г. Тоже произошло въ Парчевѣ въ 1473 г. Тоже было въ 1464 г. на сеймѣ Парчевскомъ, когда Литва была въ Ломазахъ. Затѣмъ по смерти Казимира Александръ былъ избранъ на великое княженіе литовское, а Альбрехтъ на королевство. При этихъ двухъ государяхъ всѣ прежнія записи, которыя были вредны и противны Рѣчи Посполитой великаго княжества литовскаго, съ общаго согласія обоихъ государствъ были отложены въ сторону и уничтожены. Вслѣдствіе того всѣ привиллегіи de incorporatione, subjectione, devolutione ad regem et regnum, какъ и прежде не имѣли силы, перестали въ то время существовать"... Затѣмъ жмудскій староста указалъ на неосновательность употребленія въ привиллегіи, выданномъ Александромъ послѣ избранія его въ польскіе короли, выраженія о Польшѣ и Литвѣ какъ объ unum corpus: литовскіе послы не имѣли полномочія согласиться на то; далѣе, привиллегій Александра обѣщалъ смягченіе прежней уніи и, наконецъ, выраженію unum corpus противорѣчитъ выраженіе utriusque dominii, et utramque rempublicam. „Мало того, что эта справа при Александрѣ non satis faciebat литовскому народу, этотъ настойчивый государь вынудилъ у пословъ то, что въ этотъ привиллегій было вмѣщено и обязательство отъ этихъ нѣсколькихъ лицъ съ государевымъ подтвержденіемъ, что это одобрятъ потомъ и утвердятъ присягой всѣ чины. Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ при Александрѣ было довольно времени, чтобы наши предки утвердили то своими печатями и привиллегіями; если же они не переставали указывать на противность поведенія пословъ полномочію послѣднихъ и рѣчи посполитой [1]), то для чего мы теперь будемъ подчиняться тому, на что не присягали наши предки?... Вы, господа, вспоминаете еще о Вар-

---

[1]) Что дѣйствительно, привиллегій Александра не былъ приведенъ въ исполненіе, говорилось и въ грамотѣ Сигизмунда-Августа. Дневн., 693.

шавскомъ сеймѣ и декларацін.... такъ какъ мы еще не подлежимъ вашимъ сеймамъ, то и декларація за вашею коронною печатью не можетъ ничего отнять у насъ.... Подобно тому какъ наши предки не хотѣли присягать на такую унію, наши послы не утвердили разговора съ вами ни какими-либо грамотами, ни печатями и отъѣхали infectis rebus. Тамъ-же на томъ сеймѣ вы вписали въ свой рецессъ декларацію и какое-то неизвѣстное нашимъ посламъ соглашеніе, предосудительное для нашей рѣчи-посполитой, славы и чести и всего добраго народа литовскаго. Итакъ, смотря на дѣла нашихъ предковъ, на то, какъ они крѣпко отказывались отъ тѣхъ привиллегіевъ, на то, что они не хотѣли подчиняться привиллегіямъ и не подчинялись, также и мы, ихъ потомки, должны стоять на томъ же“ [1]).

Съ нѣкоторыми изъ этихъ историческихъ доводовъ были согласны сами поляки. Они сознавались про себя, что унія существовала до 1569 г. только на пергаментѣ, но не на дѣлѣ [2]). Знали они также, что и Сигизмундъ-Августъ занялъ литовскій престолъ безъ вѣдома Польши [3]). „Отецъ его величества надѣлилъ литовцевъ правами, позволилъ имъ возвысить себя на княженіе и предоставилъ имъ свободу избранія“ (государей) [4]). Предъ литовскими сенаторами поляки также не отрицали того, что унія не была приведена въ исполненіе [5]) и что Сигизмундъ-Августъ былъ возведенъ на великое княженіе литовское вопреки уніи безъ вѣдома польскихъ радъ [6]).

Литовцы видѣли для себя униженіе въ желаніи поляковъ уничтожить особность чиновъ великаго княжества литовскаго, а равно въ проектѣ поляковъ о томъ, чтобы почести и должности великаго княжества литовскаго были безразлично отдаваемы полякамъ и литовцамъ. „Если бы мы уступили вамъ въ томъ, говорили литовцы полякамъ,

---

[1]) Дневн. 79—81.

[2]) Дневн. 32.

[3]) Дневн. 117.

[4]) Дневн., 124.

[5]) Дневн. 64.

[6]) Дневн., 65.—Прелаты и паны рады великаго княж. литовскаго объяснили чрезъ своихъ пословъ, отправленныхъ на Петрковскій сеймъ въ 1506 г., что „для граничныхъ валекъ и внутроныхъ земъскихъ Его Милости поднесенье отъдалено быти не могъло.“ Сборн. кн. Обол., № 1, книга посольская вел. княж. лит. 1506 г., стр. 6.

то вскорѣ литовскій народъ былъ бы затертъ множествомъ мудрыхъ и достойныхъ людей народа королевства. Между тѣмъ мы хорошо знаемъ, что, умирая за свободу нашей отчизны, мы служили грудью и кровью нашимъ государямъ въ нашемъ государствѣ и защищали и уберегли его до этого времени отъ столь сильныхъ и разнородныхъ враговъ, сколько ихъ ни находилось; за таковыя службы наши и нашихъ предковъ мы, уроженцы и дѣйствительно исконные обыватели этого государства—великаго княжества литовскаго, желаемъ сами пользоваться отъ нашихъ государей выгодами этой уніи" [1]).

Литовцы желали заключить унію не на основаніи старыхъ привиллегіевъ, но въ силу „сердечной братской любви" [2]), были согласны только на „союзъ братскаго единенія и любви" [3]) и хотѣли сохранить отдѣльность Литвы во внутреннемъ управленіи. Поляки не соглашались на то, и въ ночь на 1-е марта „Литва убѣжала".

Видя такое упорство литовцевъ, поляки обратились къ содѣйствію короля и оперлись на его власть, которая была, по словамъ поляковъ, безусловна. Они рѣшили призвать короля къ исполненію его обязанности, потребовать, чтобы онъ соизволилъ быть защитникомъ польскихъ правъ, привиллегіевъ и Варшавскаго рецесса [4]) и употребилъ свою власть надъ литовцами [5]). „Къ этой уніи мы не видимъ никакого другаго пути кромѣ верховной власти вашего королевскаго величества, нашего милостиваго государя", говорили польскіе послы королю [6]).

Сигизмундъ-Августъ признавалъ унію „дѣломъ весьма нужнымъ и полезнымъ Рѣчи-Посполитой", считалъ своимъ „долгомъ привести въ исполненіе всѣ привиллегіи", думалъ, что Богъ возложилъ на него обязанность заботиться о единеніи, что это дѣло не было противно ничьей совѣсти, потому что имѣлась въ виду взаимная любовь и вѣчное братство, „а гдѣ любовь, тамъ пребываетъ Богъ, и нѣтъ Его тамъ, гдѣ нѣтъ любви". „Такъ какъ я вижу, говорилъ король литовскимъ сенаторамъ, что это устрояется по совѣсти съ моей стороны и вашей, а также съ разумнымъ пониманіемъ пользы обоихъ государствъ,

---

[1]) Дневн., 77.

[2]) Дневн., 21.

[3]) Дневн., 703.

[4]) Дневн., 89.

[5]) Дневн., 104—105.

[6]) Дневн., 109; ср. 113, 115.

т. е. единой уже рѣчи-посполитой, то пусть никто не думаетъ, что я хотѣлъ васъ уговаривать поступить противъ совѣсти, или вести противъ нея.... Я увѣренъ, что Богъ далъ мнѣ такое разумѣніе, что я исполняю все, что повиненъ. Если же Богъ то далъ мнѣ, то я склоняю васъ къ тому, что было Ему угодно... На то была воля Божья, и онъ самъ то устроялъ и устанавливалъ и теперь устрояетъ... Онъ совершаетъ дивныя дѣла свои" [1]). Сигизмундъ-Августъ рѣшилъ „ничего не щадить и ни въ чемъ не дѣлать послабленія" [2]) и сталъ всецѣло на сторону Польши [3]). Въ виду прекращенія рода Ягайла онъ желалъ довершить дѣло предковъ [4]) и „оставить послѣ себя память о томъ, что болѣе всего желалъ добра рѣчи-посполитой" и посламъ [5]). Король хотѣлъ упрочить благодарную память о своемъ дѣлѣ и надѣялся пріобрѣсти вѣчную славу: польскіе послы обѣщали ему благодарность потомковъ, славу вѣчную, „которая дороже всего", „прочнѣе всего другаго", обѣщали память до отдаленныхъ временъ [6]). Лелѣя эту мечту, Сигизмундъ-Августъ, по его собственному сознанію, „всецѣло отдался полякамъ и по истинѣ былъ связанъ ими" [7]). Исходя изъ признанія за собою наслѣдственныхъ правъ на Литву, а за Польшей правъ въ силу записей объ уніи [8]), Сигизмундъ-Августъ усвоилъ взглядъ поляковъ и подарилъ Польшѣ свое литовское наслѣдіе несмотря на то, что литовцы совершенно справедливо отрицали наслѣдственность велико-княжеской власти въ Литвѣ [9]). Литовцы отвергали наслѣдственность права Сигиз-

---

1) Дневн., 478—479.

2) Дневн., 129.

3) Дневн., 142.

4) Выслушавъ согласіе литовскихъ сенаторовъ на унію, король сказалъ имъ: „не могло быть для меня ничего утѣшительнѣе и не было ничего утѣшительнѣе этого дѣла, когда я вижу, что въ мое правленіе оканчивается дѣло, котораго не могли привести къ концу мои предки." Дневн., 484.

5) Дневн., 433.

6) Дневн., 201, 399, 409, 413, 504, 535, 545, 631, 653.

7) Дневн., 564.

8) Дневн., 668.

9) Дневн., 82. Литовцы были правы. Они ссылались на избраніе Сигизмунда I и самого Сигизмунда-Августа (стр. 469). Между прочимъ, они представили документальное доказательство изъ привиллегія 1529 г., дан-

мунда-Августа на Литву и въ отдачѣ этого права Польшѣ видѣли для себя униженіе [1]). Сигизмундъ-Августъ сдѣлалъ то, „чего не сдѣлалъ ни одинъ его предокъ и чему, наоборотъ, его предки противились", то́, „чего до того времени предки (польскихъ пословъ) усиленно домогались у своихъ государей, но не могли выпросить" [2]): по ходатайству польскаго сейма, онъ объявилъ присоединенными къ Польшѣ Подлѣсье, Волынь, а потомъ и Кіевъ, котораго потребовали поляки, разлакомленные удачею, хотя не имѣли на него права [3]). Сигизмундъ-Августъ не останавливался предъ безправіемъ этого поступка. Онъ сознавалъ, что отнятіемъ южной Руси „литовцамъ были оборваны крылья," но, тѣмъ не менѣе, обнадеживалъ поляковъ, говоря: „а вы, господа, добивайтесь своего" [4]).

наго Сигизмундомъ I: тамъ говорилось объ *избраніи* на литовскій престолъ Сигизмунда-Августа (стр. 24). Далѣе, литовцы указывали на то, что „наслѣдственный государь не подтверждаетъ правъ присягою, онъ даетъ только привиллегіи"; всѣ же литовскіе государи по тотъ день подтверждали обыкновенно, при возведеніи ихъ на престолъ, литовскія права присягою литовцамъ, какъ свободнымъ людямъ, и великому княжеству литовскому (стр. 82). Встрѣчаются, впрочемъ, документы, въ которыхъ литовскіе паны называли свое княжество отчиною Ягеллоновъ.

[1]) Дневн., 469.

[2]) Дневн., 237, 236.

[3]) Сами польскіе послы, требовавшіе присоединенія Кіева къ Польшѣ, говорили, что первоначально они не имѣли достаточныхъ доказательствъ принадлежности Кіева къ Польшѣ и сомнѣвались (Дневн., 393). Каковы были права Польши на Кіевъ, видно изъ ходатайства пословъ о присоединеніи Кіева съ округомъ, какъ области, „qua antiquitus regno tributaria fuerat ac ex qua duces illi hommagiam praestare erant soliti, quod ex privillegiis coram maiestate regia productis facile apparet, tum ex antiquissimis annalibus illam urbem a regibus Poloniae ter captam et direptam fuisse constat." Дневн., 401. Подъ привиллегіями, здѣсь упомянутыми, надо разумѣть, вѣроятно, тѣ, выписку о которыхъ мы сообщили выше, говоря о завоеваніи Кіева Литвою (стр. 62). Въ Дрезденскомъ спискѣ инвентаря дата этихъ документовъ выставлена неправильно что́ видно изъ болѣе раннихъ списковъ. См. Inventarium omnium et singulorum privilegiorum, litterarum, diplomatum, quaecunque in archivis regni in arce Cracoviensi continentur etc., Lutetiae Parisiorum, MDCCCLXII, p. 275, 271.

[4]) Дневн., 409.

Польскіе сенаторы порѣшили привлечь на свою сторону татаръ [1]), а земскіе послы также требовали вооруженнаго вторженія въ Литву [2]) и предложили королю и сенаторамъ привести унію въ исполненіе какъ путемъ права, такъ равно и мечемъ [3]). Король полагалъ, что ему прежде войны надо было явиться въ Литву съ такою обстановкою, чтобы король могъ сдѣлать по пословицѣ: не желаешь, такъ долженъ [4]). Католическіе епископы и сенаторы также внушали дѣйствовать принужденіемъ [5]). Рѣшено было двинуться на Литву посполитымъ рушеньемъ [6]), а литовскіе сенаторы также разослали грамоты на Волынь и Подлѣсье съ приказаніемъ собираться на войну [7]). Король утвердилъ собственною властью прежніе привиллегіи на унію, а равно унію, постановленную поляками на Люблинскомъ сеймѣ, и велѣлъ слѣдовать этой уніи [8]). Поляки попросили затѣмъ короля, чтобы онъ *пригналъ* къ присягѣ Подлѣсянъ и Волынцевъ [9]). Чинамъ присоединенныхъ къ Польшѣ провинцій было велѣно присягнуть Польшѣ подъ опасеніемъ лишенія должностей и имѣній за ослушанія. Нѣкоторые не соблюли стойкости и поддались. Такъ, Матишку погрозили отнятіемъ староства Мѣльницкаго, и онъ „послѣ того желалъ присягнуть, лишь бы остаться при староствѣ“ [10]). Депутаты ополяченной Подлѣсской шляхты „добровольно присоединились ради польскихъ вольностей“. Подлѣсяне надѣялись, что съ нихъ снимутъ „литовскую неволю“ и отмѣнятъ „тягости жидовскія“ [11]). Подлѣсскіе города Брянскъ и Бѣльскъ просили утвержденія ихъ привиллегіевъ и присоединенія къ королевству [12]). Волынь и Подлѣсье не поднимались про-

---

[1]) Дневн., 128. Литовцы хотѣли было также поѣхать къ татарамъ, но ихъ отклонила отъ того шляхта римской вѣры.

[2]) Дневн., 135, 144—145.

[3]) Дневн., 138.

[4]) Дневн., 153.

[5]) Дневн., 238.

[6]) Дневн., 193.

[7]) Дневн., 187.

[8]) Дневн., 192.

[9]) Ib., 314.

[10]) Ib., 171.

[11]) Ib., 290.

[12]) Ib., 225.

тивъ поляковъ, да и литовцы привыкли повиноваться королю не такъ, какъ поляки, о чемъ было упомянуто и на Люблинскомъ сеймѣ.

Все это преодолѣло двухвѣковое сопротивленіе представителей литовско-русскаго государства и ненависть ихъ къ уніи, не прекращавшуюся до конца. Но литовскіе сенаторы и нѣкоторые Подлѣсяне и Волынцы чувствовали укоры совѣсти и боялись поступить противъ нея, присягая Польшѣ: они думали, что эта послѣдняя присяга противорѣчила прежней, принесенной на вѣрность *литовскому* княжеству и великому князю *литовскому*. Король взялъ тогда прежнюю присягу литовцевъ на свою совѣсть и на совѣсть польскихъ сенаторовъ [1]). И послѣ того не всѣ успокоивались и освобождались отъ укоровъ совѣсти. Князь Романъ Сангушко, воевода Брацлавскій и Винницкій, сказалъ предъ присягою: „если такова воля и приказаніе вашего величества, нашего литовскаго государя, повиноваться которому Богъ повелѣлъ, какъ моей верховной власти, я готовъ все то исполнить“ и, „по прочтеніи присяги, когда подносили ему золотой крестъ Гнѣзненскаго архіепископа, ставъ на колѣни, просилъ короля, чтобы онъ, какъ помазанникъ Божій, положилъ на него руку и такимъ образомъ снялъ съ него первую клятву, которую Романъ принесъ ему, какъ литовскому князю. Король, согласно его желанію, положилъ на него руку“ [2]). „Намъ придется уступить и мы уступаемъ благоизволенію вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему государю, а не какому-либо декрету“, говорилъ староста жмудскій, павшій на колѣни предъ королемъ вмѣстѣ съ другими литовскими сенаторами [3]). Изъ этого видно, что литовскихъ вельможъ повергалъ въ бездѣйствіе и заставлялъ бездѣйствовать, между прочимъ, и авторитетъ государя и долгъ повиновенія ему: не будь въ моментъ провозглашенія уніи общаго государя у Литвы и Польши, дѣйствовавшаго всецѣло въ интересахъ послѣдней, унія не состоялась бы.

Литовскіе сенаторы поддались, выговоривъ лишь, какъ условіе уніи, сохраненіе титула, всѣхъ почетныхъ и служебныхъ должностей великаго княжества литовскаго и сословныхъ почестей, русскаго языка

---

[1]) Дневн., 380—381.
[2]) Ib., 398—400.
[3]) Ib., 468.

въ дѣлопроизводствѣ и вообще подтвержденіе прежнихъ правъ и привиллегіевъ, въ томъ числѣ подтвержденіе и для русскаго народа. Литовскіе сенаторы какъ бы сознавали опасность, которой подвергали свой народъ. „Больно было бы намъ или нашимъ внукамъ, говорили они, еслибы пришлось смотрѣть на эти нынѣшнія дѣла не съ любовью, а съ жалостью, или еслибы пришлось обвинять насъ въ томъ, что мы не понимали такого нашего порабощенія" [1]). Тѣмъ не менѣе, они не оказали должнаго сопротивленія. Ошибка представителей литовско-русскаго государства состояла въ томъ, что они не съумѣли опереться на массу русскаго населенія, поднять ее до пониманія общенародныхъ интересовъ и руководить ею; народъ же еще не сознавалъ, къ чему могла привести унія съ Польшей. Любопытно, что на Люблинскомъ сеймѣ выступали въ защиту особности великаго княжества литовскаго преимущественно литовскіе сенаторы; представители русскихъ земель, напримѣръ князь Острожскій, не оказывали такого дѣятельнаго сопротивленія. Это, можно думать, объясняется разобщеніемъ и тѣмъ, что сенаторамъ литовскихъ областей принадлежало постоянно завѣдываніе главными дѣлами [2]).

Поучительный дневникъ Люблинскаго сейма характеризуетъ какъ нельзя лучше недобросовѣстность дѣйствій польскаго сената и земскихъ пословъ въ отношеніи къ литовцамъ, насильственность мѣръ, которыми была проведена унія, отсутствіе искренняго соглашенія между представителями обѣихъ народностей и, наконецъ, внутреннюю слабость Литвы вслѣдствіе разобщенія ея населенія и отсутствіе крѣпкой связи, которая могла бы сообщить единеніе и силу въ борьбѣ съ притязаніями Польши. Въ моментъ провозглашенія государственной уніи литовско-русскихъ земель съ Польшею въ Литвѣ не оказалось того общенароднаго единенія, которое спасло Московскую Русь въ смутное время и которое проявилось и въ южной Руси нѣсколько позднѣе, въ XVII в.

---

[1]) Дневн., 471.

[2]) Какъ въ 1569 г. присоединенныя къ Польшѣ русскія провинціи не оказали дѣятельнаго сопротивленія, такъ и потомъ, въ годы междуцарствія, сеймики русскихъ провинцій не обнаружили сочувствія къ Литвѣ и желанія отпасть отъ единенія съ Польшею. Трачевскій, 161—167.

Посягательство на самостоятельность литовско-русскаго государства было нарушеніемъ политической свободы литовско-русскаго народа и стѣсненіемъ совѣсти верховныхъ его представителей. Вообще исторія попытокъ возстановленія уніи послѣ Витовта свидѣтельствуетъ о постоянномъ нерасположеніи литовско-русскаго государства къ уніи съ Польшей, и если пламенныя желанія польскаго шляхетства осуществились, то лишь благодаря измѣнѣ русскаго боярства народному дѣлу и себялюбивой и самолюбивой политикѣ нѣкоторыхъ Ягеллоновъ, въ особенности послѣдняго изъ нихъ. На „хитрости“ поляковъ и „баламутни“ измѣнниковъ русской народности указывалъ Смоленскій кастелянъ Иванъ Мелешко въ рѣчи на сеймѣ 1589 г.

Польскіе историки и ихъ послѣдователи въ настоящемъ вопросѣ понимаютъ иначе успѣхъ Польши.

Г. Первольфъ, хотя и не полякъ, готовъ объяснять торжество Польши въ югозападной Руси перевѣсомъ польской цивилизаціи надъ русскою въ южной Руси [1]). Преобладаніе цивилизованнаго народа надъ нецивилизованнымъ—обычное явленіе въ исторіи, но это объясненіе непримѣнимо ко взаимнымъ отношеніямъ Польши, западной Руси и Литвы въ періодъ попытокъ осуществленія уніи этихъ земель. Нѣтъ основаній принимать *значительное* превосходство польской образованности надъ западно-русскою до послѣдней четверти XV в. Со времени процвѣтанія Краковской академіи и распространенія гуманизма въ Польшѣ послѣдняя, дѣйствительно, быстро начала усвоять западную образованность, но несправедливо чрезмѣрно унижать по сравненію съ польскою образованностью второй половины XV в. и первой XVI в. образованность западно-русскую. Не должно забывать, что польская литература того времени все еще не была народною литературою, а русская письменность была доступнѣе массамъ и не уступала польской въ воздѣйствіи на народный характеръ и жизнь. До половины XVI в. русская образованность сохраняла свое значеніе въ Литвѣ, и даже литвины католики продолжали употреблять русскій языкъ [2]). Этотъ языкъ слышался въ Краковѣ при дворѣ Ягайла и Казимира, и грамоты,

---

[1]) Osvěta 1881, № 1, 31.

[2]) Osvěta, № 4, стр. 313—314.—Луцкій епископъ прислалъ къ королю на Люблинскій сеймъ 1569 г. письмо, писанное по русски, и польскіе послы

изготовлявшіяся въ Краковской канцеляріи для Руси Червонной и литовской, писались по-русски. Западно-русская и литовская знать первой половины XVI в. была, по своему образованію, не ниже польской: достаточно назвать Глинскаго. Знать западно-русская училась не только въ Краковѣ. Въ уставахъ земли кіевской XVI в. дворянству дозволялось ѣздить за границу, какъ скоро его не обязывала оставаться на мѣстѣ земская служба.—Что до вліянія польщизны на укорененіе симпатій къ Польшѣ, то оно начало замѣтно обнаруживаться въ Литвѣ при Сигизмундѣ-Августѣ, котораго въ Литвѣ называли ляхомъ. Тѣмъ не менѣе почти до конца литовско-русскаго государства полякъ считался въ немъ чужеземцемъ. Подлѣсская шляхта, ополячившаяся уже въ литовское время, составляла исключеніе. При подъемѣ національнаго духа и развитіи самосознанія, при горячей любви интеллигенціи къ своей народности, было бы невозможно желаніе уніи съ Польшею и пожертвованіе національною самобытностью, какъ бы обольстительны ни были приманки польской цивилизаціи; явилось бы стремленіе къ поднятію своей національной образованности, какъ то и случилось въ концѣ XVI в. и въ XVII столѣтіи въ Кіевѣ. Ясно отсюда, что не блага и преимущества польской образованности въ широкомъ смыслѣ слова толкали мелкое литовско-русское дворянство въ объятія польской шляхты, а лишь нѣкоторыя особенности польскаго строя, казавшіяся столь заманчивыми...

Взглянемъ теперь на послѣдствія Люблинской уніи.

Она не только положила конецъ литовско-русскому государству, но и повела къ стѣсненію самостоятельнаго народнаго развитія обѣихъ главныхъ народностей его. Совершилось то, чего такъ опасались литовско-русскіе сенаторы, заявлявшіе, что, съ присоединеніемъ великаго княжества литовскаго къ польскому королевству, уже не было бы взаимной народной любви, „потому что княжество должно было бы уничтожиться, а народъ этотъ также долженъ былъ бы обратиться въ иной народъ,

---

видѣли въ томъ, что письмо писано „не полатынѣ и не по польски", доказательство того, что этотъ епископъ—русскій. Дневн., 257.

такъ что не могло бы быть братства"[1]). Литовскіе сенаторы желали бы, чтобы „старые договоры не уничтожали литовскаго народа въ этомъ природномъ ихъ государствѣ"[2]), и не даромъ видѣли въ уніи гибель и погребеніе отчизны.

Правда, еще оставалась тѣнь самостоятельности, и Литва утратила не сразу сознаніе своей политической особности. Въ Радзивиллахъ, Ходкевичахъ и др. долго не умиралъ старый литовскій патріотизмъ[3]). По смерти Сигизмунда-Августа литовскіе патріоты готовы были посадить на литовскій престолъ отдѣльнаго государя. Въ годы междуцарствія въ Литвѣ постоянно всплывала кандидатура московскаго царя на литовскій престолъ. При переговорахъ съ поляками объ избраніи новаго короля послѣ Сигизмунда-Августа еще велась рѣчь со стороны литовскаго сената о возвращеніи Литвѣ Волыни, Кіева, Подлѣсья и о томъ, чтобы Литва не писалась *частью* Польскаго королевства. По смерти Баторія нѣкоторые сановники литовскихъ земель опять готовы были избрать на польскій престолъ московскаго царя[4]). Русскій языкъ въ судопроизводствѣ былъ отмѣненъ только въ 1697 г., хотя началъ выходить изъ употребленія ранѣе, а Литовскій Статутъ сохранялъ свою силу и потомъ.—Тѣмъ не менѣе мѣсто литовско-русскаго государства заняло польско-русское или, правильнѣе, польское. Лучшія области прежняго литовско-русскаго государства были присоединены непосредственно къ Польшѣ и наполнились польской шляхтой. Русское народное начало не имѣло въ новомъ госу-

---

[1]) Дневн., 75.

[2]) Дневн., 265.

[3]) Трачевскій, 93, 110—113.

[4]) См. ст. Малиновскаго „Историческія доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи" въ VI-й ч. „Трудовъ и лѣтописей Общества исторіи и древностей Россійскихъ" (М. 1833) и „Дипломатическое приложеніе" тамъ-же. На избирательномъ сеймѣ 1587 г. литовская шляхта подала голосъ за избраніе московскаго царя: „намѣреніемъ нашимъ было выбрать государемъ Москвитина; мы не отступимъ отъ московскаго, домой уйдемъ, а останемся при тѣхъ же мысляхъ". Описаніе рукописи, содержащей извѣстіе объ этомъ и принадлежащей библіотекѣ и архиву князей Чарторыйскихъ, см. въ отчетѣ г. Первольфа о научныхъ занятіяхъ его за границею, Варш. 1883. Сигизмундъ III въ числѣ условій, предложенныхъ Лжедимитрію въ 1605 г., поставилъ, чтобы тотъ „unią wieczną Panstw uczinił". Бодянскій, О поискахъ, стр. 35.

дарствѣ того значенія, какое принадлежало ему въ великомъ княжествѣ литовскомъ, а литовскій элементъ также былъ значительно обезличенъ въ массахъ; знать же литовская ополячивалась еще быстрѣе русской, хотя не было полной симпатіи между поляками и литовцами [1]).—Спрашивается, что же пріобрѣла литовская и русская народность отъ этой уніи съ Польшей? были ли онѣ вознаграждены чѣмъ-либо за оттѣсненіе съ историческаго поприща, бывшее неизбѣжнымъ послѣдствіемъ присоединенія литовско-русскихъ земель къ Польшѣ? была ли осуществлена цѣль уніи, и достигли ли литовцы и русскіе тѣхъ благъ, какія были обѣщаны имъ поляками, какъ послѣдствіе уніи? На эти вопросы возможно дать лишь отрицательный отвѣтъ.

При заключеніи уніи, поляки обѣщали дѣлиться съ присоединенными къ нимъ народностями и радостью, и горемъ. Русской народности однако пришлось испытывать не радости, а лишь бѣды, да и измѣнившіе своей народности магнаты, въ особенности въ южно-русскихъ областяхъ, должны были нерѣдко горько расплачиваться за тѣ блага, которыми наслаждались въ ущербъ остальному населенію.

Во время переговоровъ объ уніи въ 1569 г. поборники ея постоянно указывали на тѣ политическія выгоды, которыя могло принести соединеніе обоихъ государствъ. Они выдвигали на видъ двоякую цѣль уніи: „Люди заключаютъ унію для двухъ вещей, говорилъ епископъ Куявскій: чтобы быть тѣмъ сильнѣе и чтобы вмѣстѣ пользоваться свободой“ [2]). Въ началѣ династической уніи также указывалась та и другая цѣль—успѣшная борьба съ общимъ внѣшнимъ врагомъ на Западѣ [3]) и братство литовскаго боярства съ польской шляхтой [4]). Потомъ, съ усиленіемъ могущества турокъ, задачу уніи стали понимать шире. Посольство Яна Альбрехта къ в. кн. Александру указывало цѣль уніи въ оборонѣ противъ враговъ общими совѣтами и взаимною помощію, чтобы оба государства „всимъ непріятелемъ своимъ грозны

[1]) Поляки подсмѣивались надъ литовцами. Въ одной рукописи начала XVIII в. сохранился составленный въ насмѣшку списокъ литовскихъ фамилій, собравшихся разсуждать о курьезахъ литовской кухни. Przegl. I, 114—115.

[2]) Дневн., 495.

[3]) Что такъ была первоначально объясняема унія, видно изъ акта 1401 г.

[4]) См. напр., во 2-й лит.-р. лѣт. о принятіи литовскою шляхтою польскихъ гербовъ: Narbutt, Pomn., 43—44. О возвращеніи гербовъ ibid., 58.

были". По избраніи на литовскій престолъ Сигизмунда I, послы отъ прелатовъ и пановъ радъ великаго княжества литовскаго, отправленные на Петрковскій сеймъ для присутствованія при избраніи польскаго короля, должны были заявить отъ имени литовскихъ пановъ, что послѣдніе „присяги... паметают и хъцутъ ихъ пелнити, будучы тое надеи, ижъ *злученье* тыхъ панствъ *заховаеться* съ обу сторонъ въ ласкавомъ а *въ ровномъ братствѣ ку розмноженью славы щасливаго панованья и посполитаго добраго обоего Панства..*" [1]). Михалонъ Литвинъ видѣлъ цѣль уніи въ томъ, „чтобы совокупная доблесть двухъ сосѣднихъ племенъ имѣла болѣе силы для побѣды надъ общимъ врагомъ христіанскаго имени". На Люблинскомъ сеймѣ поляки также указывали на то, что, благодаря уніи, Польша и Литва были страшны всѣмъ непріятелямъ [2]). „Совѣщаясь съобща, говорилъ Краковскій епископъ литовскимъ сенаторамъ, и защищаясь вмѣстѣ, мы можемъ быть болѣе могущественными и грозными всякому непріятелю, на что и теперь уже обращаютъ вниманіе многіе народы христіанскіе и поганскіе" [3]). Въ проектѣ уніи отъ имени короля говорилось, что „соединеніе приносило великую славу и пользу обоимъ народамъ" [4]). Самъ король указывалъ литовскимъ сенаторамъ на ту преимущественную выгоду уніи, что она должна была предупреждать опасности, которыя были и всегда будутъ [5]). Въ привиллегіи на унію говорится что она заключена „для болѣе крѣпкаго сплоченія обоюдной и взаимной братской любви, для взаимнаго, чуждаго сомнѣнія, братскаго довѣрія въ вѣчной оборонѣ обоихъ государствъ, для славы Божіей и для славы его величества съ вѣчною благодарностью ему, для славы обоихъ знаменитыхъ народовъ, польскаго и литовскаго, и также для безграничнаго расширенія вѣчной чести, величія, украшенія, укрѣпленія,—для вѣчнаго расширенія чести, славы и общаго величія" [6]).

Въ моментъ провозглашенія Люблинской уніи первоначальная

---

[1]) Сборн. кн. Обол., № 1.

[2]) Дневн., 11.

[3]) Дневн., 57.

[4]) Дневн., 69.

[5]) Дневн., 480. Ср. въ грамотѣ Сигизмунда-Августа, Дневн., 690 и 702.

[6]) Дневн., 724.

цѣль ея была уже назади, была достигнута—разумѣемъ пораженіе и подавленіе жесточайшаго врага Литвы и прибалтійскаго славянства, нѣмецкаго ордена. Грюнвальдская битва и затѣмъ присоединеніе къ Польшѣ Поморья 44 года спустя были главными благодѣтельными послѣдствіями уніи. Прибавимъ еще усовершенствованіе военнаго искусства въ Литвѣ [1]). Этимъ исчерпывались благотворные результаты уніи. Съ паденіемъ нѣмецкаго ордена осуществилась первоначальная, главная для Литвы цѣль уніи: Литва не нуждалась болѣе въ союзѣ съ Польшею для охраненія своей самостоятельности съ Запада. Она испытывала теперь напоръ преимущественно съ востока, но Московскій царь былъ врагъ инаго рода: онъ добивался не порабощенія національностей литовско-русскаго государства, а присоединенія ихъ къ своему, также русскому, государству. Поводъ къ притязаніямъ восточной Руси былъ поданъ стѣсненіемъ правъ русской народности въ Литвѣ, и литовско-русское государство не столь бы могло опасаться Москвы, если-бы въ немъ не была подавляема и угнетаема русская народность. Преимущество высшей гражданственности сдѣлало бы тогда Литву опасной соперницей Москвы. Съ польско-католической точки зрѣнія на Люблинскомъ сеймѣ можно было говорить о выгодѣ, какую могло извлечь литовско-русское государство изъ уніи съ Польшей для самозащиты въ борьбѣ съ Москвой, но интересы русской народности въ Литвѣ могли склонять ее скорѣе на сторону Москвы, чѣмъ Польши. Притомъ сочувствіе земянъ и вообще литовской шляхты Польшѣ не устраняло сочувствія народныхъ массъ къ Москвѣ [2]). Недаромъ Іоаннъ IV затѣвалъ сношенія съ литовскими сенаторами чрезъ виленскаго воеводича Глѣбовича и принуждалъ къ присягѣ плѣнныхъ литвиновъ. Что у московскаго царя были сторонники въ Литвѣ, видно и изъ послѣдующей исторіи. Чтó до призванія Польши въ восточномъ вопросѣ, которое ей навязывало папство, до

---

[1]) Тевтонскій орденъ писалъ объ Ягайлѣ: „dominus rex a tempore sue promocionis quia maleus sacre milicie ordinis fuerit, armis, armigeris, instrumentis variis bellicis, studiosis artibus, artificibus, thoracibus, cassidibus, loricis, pixidibus, bombardis, equis, gladiis, bombardarum pulveribus, balistis, machinis, immo quolibet genere armorum et modorum, que *per antea in illis partibus fuerunt invisa*, consiliis quoque et auxiliis atrocibus, Litwanos, Scismaticos et hereticos forcius muniendo confortavit ex regno Polonie". Cod. ep. Vit., App. № VI, p. 1028.

[2]) Трачевскій, 191.

борьбы съ Турками, то Польша не могла и послѣ уніи организовать, какъ слѣдуетъ, военныя силы для этой борьбы и не съумѣла стать во главѣ національной славянской политики. Это водительство уже въ XVI в. приняла на себя Москва, царя которой султанъ называлъ гордымъ и въ землю котораго собирался послать войско [1]). Наконецъ, успѣшная защита противъ внѣшнихъ враговъ была возможна для Литвы и безъ уніи, при постоянномъ только союзѣ съ Польшей въ родѣ того, какой существовалъ при Ягайлѣ и Витовтѣ. Поступленіе литовскихъ земель подъ власть Польши не всегда могло сулить имъ защиту. Вѣдь говорилъ же Куявскій епископъ на Люблинскомъ сеймѣ: „Какъ бы насъ не считали всѣ народы самыми негодными людьми. Мы никогда никого не спасали, не пользуемся доброю славою..." „На сеймы не станемъ указывать, потому что что ни сеймъ, то хуже,— кончается потерею и всеобщимъ посмѣяніемъ" [2]). Епископъ Плоцкій сказалъ: „у чужеземцевъ обратилось въ vulgare proverbium, что Poloni comitiali morbo laborant," а воевода Сандомирскій замѣтилъ: „не знаю, какое сословіе мы считаемъ хорошимъ" [3]).

Итакъ полная унія съ Польшей не была нужна литовско-русскому государству для внѣшней защиты, да и не принесла охраны: татарскія и турецкія нападенія продолжались, а равно и Москва, оправившись отъ смутнаго времени, вновь предъявила старыя притязанія.

Остается разсмотрѣть, не принесла ли унія какихъ-либо внутреннихъ благъ польской и литовской народности.

Историки, становящіеся на защиту уніи, обыкновенно указываютъ на такія блага и слѣдуютъ въ этомъ случаѣ за современниками Люблинской уніи. Поляки старались уже со времени Витовта ослѣпить литовцевъ обѣщаніями такихъ благъ. Польскіе сенаторы говорили литовцамъ на Люблинскомъ сеймѣ: „мы пріобщаемъ васъ ко всему, что имѣемъ наилучшаго." „Мы считаемъ васъ своею благородною братіей, во всемъ намъ равной" [4]). „Просимъ, говорилъ Краковскій епископъ ли-

---

[1]) Новые матеріалы для исторіи восточнаго вопроса въ XVI в. см. въ VIII-мъ т. „Р. историч. библ.", Спб. 1884.

[2]) Дневн., 237—238; ср. рѣчь Орѣховскаго на стр. 286.

[3]) Ib., 238—239.

[4]) Дневн, 380—382.

товскимъ сенаторамъ отъ лица польскихъ сенаторовъ, чтобы вы думали о насъ только какъ о благожелательныхъ братьяхъ, которые, желая всѣмъ всего добраго, призываютъ васъ и ведутъ къ своимъ вольностямъ, къ своимъ правамъ, къ своей любви, оберегая при томъ ваши почести" [1]). Польскіе земскіе послы говорили королю о волынцахъ: „мы сами, по милости Божіей, не чувствуемъ надъ собой никакого принужденія, знаемъ только вольности и свободу, къ которой ихъ принимаемъ и желаемъ дѣлиться съ ними всѣмъ хорошимъ, а равно вмѣстѣ переживать и непріятности" [2]). На сеймѣ указывалось на то, что Волынцы и Подлѣсяне присоединились къ Польшѣ ради освобожденія отъ неволи, „чтобы пребывать въ свободѣ" [3]). Въ чемъ должна была состоять эта свобода, видно отчасти изъ дневника сейма. Предполагалось снять различныя тягости, какъ, напр., „победы" [4]). Далѣе, должны были лишиться правъ, которыми пользовались въ великомъ княжествѣ литовскомъ, евреи [5]). Волынцы „привыкли всегда подниматься при каждой надобности, хотя бы не было посполитаго рушенія". Теперь они освобождались отъ соблюденія этого обычая. Отъ лица волынцевъ князь Константинъ Вишневецкій сказалъ королю: „мы присоединяемся какъ люди вольные, свободные" [6]). Отъ имени короля также говорилось, что въ уніи присоединялся „вольный *народъ* къ вольному и равный къ равному" [7]).

Въ настоящее время историки и публицисты, защищающіе унію, стараются поддержать иллюзію XVI в., представляютъ по прежнему Люблинскую унію великимъ актомъ распространенія шляхетскихъ вольностей и утверждаютъ, что литовцы и русскіе соединились съ поляками „jako równi z równymi i wolny z wolnymi" [8]). Другіе историки,

---

[1]) Дневн., 472.

[2]) Ib., 384.

[3]) Ib., 451—452.

[4]) Ib., 585.

[5]) „Изъ воеводства великаго княжества литовскаго говорятъ намъ, что тамъ у нихъ великая неволя отъ жидовъ, потому что тамъ они собираютъ вездѣ какъ мыта, такъ и иные доходы". Дневн., 569; ср. 585.

[6]) Дневн., 381.

[7]) Ibid., 476.

[8]) Львовскій проф. Татоміръ говоритъ, напр., слѣдующее: „Zasługa Polski że umiała godnie odpowiedzieć swojemu przeznaczeniu, przygarniąc ludy ku sobie wolnoscią i równoscią". Unia Litwy z Polską, Lwów 1869.

смотрящіе на унію не столь узко и возвышающіеся надъ шляхетскими предразсудками, все-таки не перестаютъ повторять, что унія съ Польшей была и необходима, и благодѣтельна для Литвы. Это утверждаетъ, напр., новѣйшій польскій историкъ, Краковскій проф. Бобжинскій, хотя общій взглядъ его на польскую исторію, вызвавшій въ свое время полемику, свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ здраваго и трезваго самосознанія въ средѣ передовой польской интеллигенціи и объ отрѣшеніи ея отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ касательно прошлаго [1]).

---

[1]) Приведемъ взглядъ проф. Бобжиньскаго на Люблинскую унію: „Zbliżał ziemie litewskie i ruskie do Polski najpierw interes ich ekonomiczny, tylko bowiem z pomocą Polski mogły odzyskać podstawy swojego materyalnego rozwoju: na północy ujścia Niemna i Dźwiny w Inflantach i Prusiech, na południu ujscia Dniepru i Dniestru. Zbliżał je do Polski interes cywilizacyjny, bo tylko tą drogą mogły korzystać i przyswajać sobie dobrodziejstwa cywilizacyi zachodu. Zbliżał je nareszcie do Polski interes wolności, bo tylko przez ściślejszą unią z Polską i przyjęcie urządzeń polskich mogło sie społeczeństwo litewskie i ruskie wydobyć z pod gniotących je dotychczas ciężarów i zdobyć sobie w pełni prawa polityczne i wolność obywatelską. Pod wpływem więcey niż stuletniego działania tych trzech silnych czynników dokonała się na Litwie i Rusi powolna i bezwiedna assymilacya wyższych warstw społecznych z żywiołem polskim. Nie mógł się żywioł panujący na Litwie w wyższych swych warstwach oprzeć działaniu humanizmu a następnie też reformacyi, która nietylko szlachcie litewskiej wspólne ze szlachtą polską otworzyła religijne dażenie, ale stworzywszy jezyk polski piśmienny, pchnęła go na wschód razem z „nowinkami" religijnemi. Już się polski książki drukowały na Litwie. Silniejszemi jeszcze węzłami łaczyły się z Polską południowe t. j. małoruske prowincye litewskiego państwa, w skutek odwiecznej a spotęgowanej teraz za Zygmuntów polskiej kołonizacyi. Nowe krajny wyrastały z ziemi pod jej zbawiennym wpływem" i t. d. Dzieje Polski w zarysie przez Michała Bobrzyńskiego, Dr. wyd., t. II, Warsz. 1881, 91—92. Во всемъ этомъ разсужденіи немало неточностей. Въ моментъ Люблинской уніи устья Днѣпра не принадлежали Польшѣ. Западная цивилизація могла быть усвояема и помимо Польши, непосредственно изъ ея центровъ. Что до шляхетскихъ вольностей, то въ Литвѣ съ начала царствованія Сигизмунда I собирались сеймы, въ которыхъ участвовали „земяне и вся посполите шляхта". См. ст. М. Ф. Владимірскаго-Буданова о книгѣ г. Бершадскаго, Ж. М. Н. Пр. 1885, № 1, стр. 198—199. Польская колонизація южнорусскихъ земель, которую такъ превознесъ г.

Предшествующее изложеніе литовско-русской исторіи съ 1387 г. достаточно, думаемъ, показало, какъ ненавистна была унія литовской знати и насколько была противна существеннымъ интересамъ литовской и русской народностей. Она была проведена только посредствомъ ломки литовско-русскаго строя и привлеченія шляхты. Поляки постоянно старались склонить на свою сторону шляхту, надѣляя первоначально шляхетскими привиллегіями бояръ—католиковъ, а потомъ распространивъ эти привиллегіи на все боярство. Польское шляхетство надѣялось усилить себя привлеченіемъ въ свой кругъ литовско-русскаго дворянства [1]), порѣшило уравнять его права съ собственными и затѣмъ подѣлить власть на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель. Эти послѣднія, въ особенности Волынь, Подолье и Кіевщина, представлялись польскимъ панамъ обѣтованною землею, въ которую имъ страстно хотѣлось проникнуть [2]) и въ которую они, дѣйствительно, ринулись потомъ. Можно думать, что поляки, ведя переговоры объ уніи, имѣли въ виду преимущественно эти земли. По временамъ на Люблинскомъ сеймѣ прорывалось признаніе въ такихъ затаенныхъ помыслахъ. Такъ однажды нѣкоторые изъ польскихъ пановъ подали слѣдующее мнѣніе на сеймѣ: „о Волыни пока не вспоминать, чтобы Литва не знала, что мы нисколько не хлопочемъ о нихъ, а только о Волыни“ [3]). Въ другой разъ проскользнуло сознаніе, что поляки всегда добивались Волыни и Подлѣсья [4]).

Такимъ образомъ, обѣщая Литвѣ расширеніе свободы, поляки

Кулишъ, до 1569 г. ограничивалась Подольемъ и Подлѣсьемъ; въ предѣлахъ Кіевщины и Волыни она началась послѣ 1569 г. Въ моментъ Люблинской уніи „Волынская земля была населена только народомъ литовскимъ и русскимъ и князьями родовъ Олелька, Ольгерда, Наримунта, и Корибута“ (Дневн., 264). О характерѣ письма въ Кіевскомъ и Волынскомъ воеводствахъ до XVII в., подтверждающемъ предположеніе объ отсутствіи тамъ значительнаго западнаго вліянія, см. замѣчаніе г. Каманина въ „Кіевск. Стар.“ 1885, № 2, стр. 359.

[1]) Szajnocha, Jadw. i Jag., IV, гл. „Horodło“.

[2]) Дневн., V.

[3]) Дневн., 117.

[4]) Ibid., 126.—Краковскій воевода сказалъ: „Еслибы мы позволили имъ имѣть (особую) рѣчь посполитую, то мы отказались бы отъ того нашего, что zakryłosie pod nimi“ (Дневн., 665).

имѣли въ виду исключительно собственные интересы, съ которыми соединили узкіе сословные интересы литовско-русской шляхты, и самое это расширеніе свободы было въ сущности водвореніемъ эгоистическаго произвола шляхты. Унія Литвы и Польши была уніею знати и шляхетства обѣихъ странъ. На нее не дали согласія ни руководители литовскаго и русскаго народа, ни самъ народъ, на который не обратили вниманія. Послѣдующая исторія показала, какъ хотѣла польская шляхта облагодѣтельствовать русскій народъ. Ей казалось, что нечего справляться съ желаніями послѣдняго и что съ водвореніемъ польскаго строя на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ земель присоединеніе ихъ къ Польшѣ было упрочено.

Представители польской націи думали, что легко можно будетъ достигнуть полнаго сліянія народностей, и какъ бы слѣдовали извѣстному принципу: une foi, une loi, un roi. Въ прощальной рѣчи къ земскимъ посламъ, произнесенной при заключеніи Люблинскаго сейма, Сигизмундъ-Августъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее. „Немало меня огорчаетъ, что въ мое правленіе возникла разность вѣръ и различное пониманіе свѣтлой христіанской вѣры, потому что я сознаю, что на мнѣ лежитъ обязанность заботиться какъ о томъ, чтобы въ Рѣчи посполитой былъ порядокъ въ остальномъ, такъ и тѣмъ болѣе о томъ, чтобы святая вѣра христіанская была у всѣхъ единымъ христіанскимъ исповѣданіемъ. И такъ какъ то моя обязанность, о которой мнѣ часто напоминали рады духовные и вы, рыцарство, то я объявляю вамъ, чтобы вы знали о томъ и донесли своимъ братьямъ, что я, ей-ей, хочу стараться о томъ съ помощью всемогущаго Бога. Пусть, впрочемъ, никто не понимаетъ моихъ словъ такъ, будто я хочу приводить кого-либо къ вѣрѣ жестокостью или какою-либо строгостью, или отягощать чью-либо совѣсть“ [1]). Эти слова заключали программу, которую вскорѣ начали осуществлять. Исполненіе же ея выдвинуло трудность, о которой спачала не думали. Извѣстный польскій историкъ Шайноха такъ опредѣляетъ эту трудность: „какимъ образомъ польская свобода меньшинства пановъ и шляхты, пріобрѣтавшаго съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе отваги, какимъ образомъ эта свобода могла удержаться при огромномъ большинствѣ все болѣе и болѣе подпадавшаго неволѣ ли-

---

[1]) Дневн., 634.

товскаго люда, и какъ при недостаточномъ осуществленіи религіознаго единенія могло удержаться западное исповѣданіе пановъ наряду съ восточною вѣрою подданныхъ? Чрезъ самое сердце владѣній Ягеллоновъ проходила нѣкогда граница востока и запада; ихъ монархія взялась быть посредницей между этими противоположными краями; но не должно ли было залиться кровью отъ этой великой, но опасной пробы сердце самого государства" [1])?

Подавленіе русскаго начала въ литовско-русскомъ государствѣ лишило силы великое княжество литовское и привело его къ потерѣ самостоятельности. Рѣчь посполитая, образовавшаяся изъ соединенія польскихъ земель съ западно-русскими и литовскими, пала отъ того-же. На Люблинскомъ сеймѣ было провозглашено равенство, общая свобода, но при этомъ польская нація не отказалась отъ преобладанія и силилась превозмочь остальныя народности, при чемъ и сама русская и литовская интеллигенція готова была дѣйствовать въ духѣ и интересахъ польскаго шляхетства и сливаться съ нимъ. Со времени уніи литовское народное начало не обнаруживало самостоятельности. Не такъ отнесся къ угнетенію русскій народъ. Онъ поднялся не тотчасъ-же, но тогда, когда выявились всѣ послѣдствія уніи и когда началось осуществленіе второй половины программы, введеніе религіозной уніи, о необходимости которой говорилъ Сигизмундъ-Августъ на Люблинскомъ сеймѣ. Тогда только народная масса вполнѣ ощутила весь смыслъ уніи и ея цѣль и поняла предательство русскихъ пановъ и шляхты [2]). Народъ под-

---

[1]) Jadwiga i Jagiełło IV, 337.

[2]) Отношеніе народа къ такому повороту литовско-русской исторіи характеризуютъ слѣдующія слова пѣсни, относящейся, быть можетъ, ко времени этого поворота, если только эта пѣсня подлинно народна:

Ой Ляхы бъ не прышлы,
Щобъ паны ихъ не свелы,
Ой паны щобы пропалы,
Що Ляхамъ насъ запродалы;
Ой, паны, щобъ вы сгинулы,
Що вы вѣру покинулы.

Сборн. пам. нар. творч. въ сѣв.-западномъ краѣ, вып. I, Вильна, 1866, стр. 117.

нялся на защиту своихъ правъ на самобытное существованіе, попранныхъ согласіемъ дворянства на унію. Доведенный до крайности, народъ могъ только цѣною вѣковыхъ кровавыхъ усилій стряхнуть иноародное и иновѣрное иго. Случилось противоположное тому, чего ожидалъ отъ соединенія Литвы и Польши Сигизмундъ-Августъ, и совершилось вслѣдствіе того, противъ чего онъ предостерегалъ. „Я вовсе не увлекался бы этою обширностью государствъ, сказалъ онъ въ заключительной рѣчи на Люблинскомъ сеймѣ, если-бы въ нихъ не было справедливости, а остался бы тотъ же стонъ и плачъ, что издавна, потому что государство не могло бы долго держаться, и Богъ не сталъ бы его увеличивать, если-бы въ немъ не было справедливости“ [1]). Справедливость исчезла, и въ результатѣ политической уніи и насильственныхъ попытокъ провести религіозную явились кровавыя сѣчи, послѣ одной изъ которыхъ польскій гетманъ Конецпольскій воскликнулъ сквозь слезы: „Отожъ унія, лежить Русь съ поляками“.

Лучшіе польскіе патріоты усматривали необходимость склонить на свою сторону западно-русскій народъ и тѣмъ поддержать свою справу въ борьбѣ съ сѣверною и восточною Русью, отстаивавшею общіе интересы всего русскаго народа. Въ разгаръ борьбы съ русскими войсками, 7 мая 1794 г., Костюшко писалъ къ Холмскому уніатскому епископу Порфирію Важинскому, ревностному польскому патріоту и начальнику организованной для поддержанія возстанія „Порядковой коммисіи земли Холмской“: „...наша цѣль—всеобщее счастье, вольность и свобода каждаго сословія, справедливость для всѣхъ людей и самое полное уравненіе правъ и преимуществъ каждаго обряда“. Костюшко призывалъ епископа во имя Божіе, во имя народа и отчизны разъяснять эту цѣль возстанія простому народу, указывать на то, что война начата ради блага, интереса и счастья каждаго, ради освобожденія отчизны и упроченія народнаго счастья: „развѣ вы не знаете, каково Московское господство и ярмо“? Костюшко увѣщевалъ говорить къ народному сердцу, пріучать его любить отчизну, ненавидѣть тиранновъ и склонять къ соединенію съ польскимъ войскомъ и къ помощи Польшѣ. „*Ваша участь, капланы греческаго обряда, слишкомъ удручена несправедливостью....* Поляки, вольные поляки, свободные, исправятъ эту

---

[1]) Дневн., 634.

участь и тѣхъ, кто выкажетъ къ нимъ участіе, оставятъ въ состояніи счастливомъ и достойномъ вашего расположенія. Я ручаюсь въ томъ именемъ народа". Въ отвѣтномъ письмѣ къ Костюшку Важиньскій выражалъ увѣренность, что при той свободѣ, какая провозглашена, въ „простачкахъ" его паствы оживетъ охота умножать польское войско, и они пойдутъ охотно на защиту отчизны, которая вызываетъ на благодарность, оказывая столько благодѣяній. Онъ высказывалъ, далѣе, надежду, что ручательство Костюшки касательно слишкомъ униженнаго нашего обряда (*zbut upodlonego obrządku naszego*) пробудитъ въ уніатскомъ духовенствѣ готовность возсылать самыя горячія молитвы къ Богу, чтобы онъ не переставалъ благословлять воздвигнутаго для отстаиванія независимости свободнаго народа" [1]). Итакъ въ годину бѣдствій лучшіе польскіе патріоты рѣшались признать права угнетеннаго русскаго народа, и Костюшко ручался именемъ польскаго народа за соблюденіе этихъ правъ, но послѣдующая исторія показала подобно предшествовавшей, можно ли было надѣяться на отрезвленіе польскаго панства.

Этому панству оказалась не по силамъ та задача, которую оно поставило себѣ впервые въ XIV в. и затѣмъ пыталось осуществить посредствомъ упіи съ Литвою. „Образованіе свободной Рѣчи-Посполитой, скажемъ словами Н. И. Костомарова,—союза самобытныхъ вольныхъ съ вольными, равныхъ съ равными двухъ народовъ,—русскаго и польскаго, казалось было первымъ шагомъ къ тому, чтобъ начать новую судьбу всего славянскаго міра, чтобы вмѣсто двухъ народовъ явилось три, четыре въ единомъ союзѣ и такъ далѣе, и обстоятельства вели къ этому могучую Рѣчь-Посполитую, устроенную посредствомъ литовскаго вмѣшательства въ жизнь славянъ. Но ожиданіе не сбылось... Польша, деморализованная іезуитами внутри, должна была сойти съ своей исторической дороги" [2]).

---

[1]) Przegląd archeologiczny, zesz. I, Lwów 1882, 40—42. Во время возстанія 1830 г. польскіе патріоты точно также попытались обратиться къ содѣйствію греко-уніатскаго духовенства и распространяли по всей Литвѣ „довольно толстую книгу въ защиту римской церкви противъ православной: книгу эту раздавали безплатно греко-уніатскимъ священникамъ въ намѣреніи притянуть ихъ къ польскому дѣлу". Въ Украинѣ Падурра задумалъ-было пробудить козацкій патріотизмъ и вдохнуть „ducha narodowości do wspólnej sprawy z Polską". Pyśma Tymka Padurry, Lwiw 1874, XXVI.

[2]) Русское Слово 1860, № 5, стр. 7—8.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 8. О столкновеніяхъ поляковъ съ пруссами см. въ ст. Wojciecha Kętrzyńskiego „Prusy a polska przed przybyciem krzyżaków“ въ „Przewodnik nauk. i liter.“, Marzec 1881, str. 264 и сл. и въ книгѣ того-же Кентржиньскаго: „O ludności polskiej w Prusiech niegdyś krzyżackich“, We Lwowie 1882.

Къ стр. 9. Названіе стольнаго города великаго княжества литовскаго слѣдуетъ писать Вильн*а*, а не Вильн*о*.

Сохранилось преданіе, по которому Вильна существовала уже при Миндове, устроившемъ тамъ соборъ; въ Вильнѣ жилъ епископъ (Cod. ep. Vit., App. № IV, p. 996—997). Съ разсказомъ объ основаніи Вильны ср. еще преданіе въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ (М. 1781, стр. 60) подъ 1262 г. объ основаніи церкви на мѣстѣ, на которомъ явился одному богатырю во снѣ Иванъ Предтеча. Указаніе на подобныя западно-европейскія легенды см. у Demimuid, Jean de Salisbury, Par. 1873, p. 81.

Къ стр. 10, прим. Статья г. Кентржиньскаго вошла потомъ въ названную выше книгу его.

Къ прим. 2 на стр. 10. Указаніе на нѣкоторыя изъ словъ, заимствованныхъ литовцами изъ языковъ польскаго и русскаго, см., между проч., въ Litauische Volkslieder und Märchen, gesamm. von A. Leskien und H. Brugman, Strassb. 1882, 330—348.

Къ прим. 4 на стр. 12. Тоже, что́ извѣстно о военныхъ отрядахъ пруссовъ, передается и о куронахъ.

Къ стр. 13. Упоминаніе о Кайдановѣ во 2-й лит.-р. лѣт. см. еще на стр. 55 по изд. Нарбутта.

Къ стр. 16, прим. 2. Перечень мѣстныхъ названій, напоминающихъ Голядь, см. у Барсова, Географія начальной лѣтописи. Г. Буслаевъ (Историч. оч. I, 176) областное названіе нищаго *голяда* относилъ къ „воспоминанію о древнихъ народахъ и племенахъ“, и А. И. Соболевскій согласился съ этимъ мнѣніемъ: слово голяда (голышъ) „есть осмысленное народомъ названіе одного литовскаго племени“. Ж. М. Н. Пр. 1882, № 11, стр. 146.

Къ 3-й строкѣ 18 стр. См. ст. Н. И. Костомарова въ „Современникѣ“ 1860, № 1, стр. 23—24.

Къ прим. 3 на стр. 22. Вскорѣ послѣ того упоминается Изяславъ въ Витебскѣ.

Къ стр. 32. Жмудины заявляли Миндове свое неудовольствіе и требовали, чтобы онъ отсталъ отъ христіанъ и ихъ вѣры. Очевидно, въ этомъ случаѣ разумѣлись католики, потому что Миндове вступилъ тогда-же въ союзъ съ русскимъ княземъ. Sjögren, 273.

Къ прим. на стр. 34. См. еще у Петра Дусбургскаго на стр. 128 (Script. rer. Pruss , I): „Postremo (т. е. въ 60-хъ годахъ XIII в.) Scumandus Sudowitarum capitaneus cum maximo exercitu Sudowitarum et Ruthenorum (*вар.*: Pruthenorum) terram Colmensem IX diebus rapina et incendio vexavit“.—Вообще у Петра Дусбургскаго не разъ упоминается Scumandus, capitaneus Sudowitarum (Ятвяговъ), стоявшій во главѣ территоріи Crasima. Мѣстность, гдѣ жилъ Скомондъ, котораго галицко-волынскій лѣтописецъ назвалъ „волхвомъ и кобникомъ нарочитымъ“, долго носила его имя,—даже въ XV столѣтіи. Cod. ep. Vit., p. 552.

Къ прим. 1 на стр. 50. „Города съ пригородками“ „села со приселками“ упоминаются даже въ былинахъ. См., напр., Гильфердинга Онежскія былины, 67.

Къ стр. 56. Подробно говорится о Межигорской рукописи еще въ монографіи г. Шараневича „O latopiscach i Kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza wielikoho kniażtwa litowskoho i żomoitskoho“.

Къ стр. 61. Къ согласному съ нашимъ предположенію относительно личности князя Ѳеодора Кіевскаго и поведенія его склоняется и Д. И. Иловайскій совершенно независимо отъ нашей работы: Исторія Россіи, II, 540.

Къ прим 2 на стр. 63. На Познанскій списокъ обратилъ вниманіе Бодянскій уже въ 1846 г. и тогда же привелъ выдержку изъ него въ своей статьѣ „О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ".

Къ стр. 70. Во второй половинѣ XII-го в. Черное море называлось русскимъ, и русскіе купцы бывали въ Константинополѣ. Марголинъ, Три еврейскихъ путешественника XI и XII ст., Спб. 1881, Веніаминъ Тудельскій, стр. 26.—При устьѣ Днѣстра Эдриси помѣщаетъ Куманскій городъ Аклибу.

Къ стр. 2 и 73. Преданіе объ основаніи Каменца Подольскаго двумя братьями см. въ ст. „Путевые очерки Подолія", „Кіевская Старина" 1884, № 5, стр. 17. На стр. 18 авторъ статьи сопоставляетъ это преданіе съ преданіемъ объ основаніи Рая, занесеннымъ въ галицко-волынскую лѣтопись.

Къ стр. 81. Остробрамская икона называется Корсунскою согласно съ древнимъ преданіемъ, по которому Ольгердъ добылъ ее въ Крыму, дошедши до Корсуни по разбитіи татарскихъ ордъ.—Извѣстно названіе *Корчево* или *Корчевъ* (оттуда Керчь), сохранившееся въ надписи на камнѣ, найденномъ въ Тамани, объ измѣреніи моря „по леду отъ Тъмутороканя до Кърчева". Въ Полонскомъ имѣніи (нынѣ Луцкаго уѣзда) князя Григорія Сангушка въ XVI в. было село Коршево.

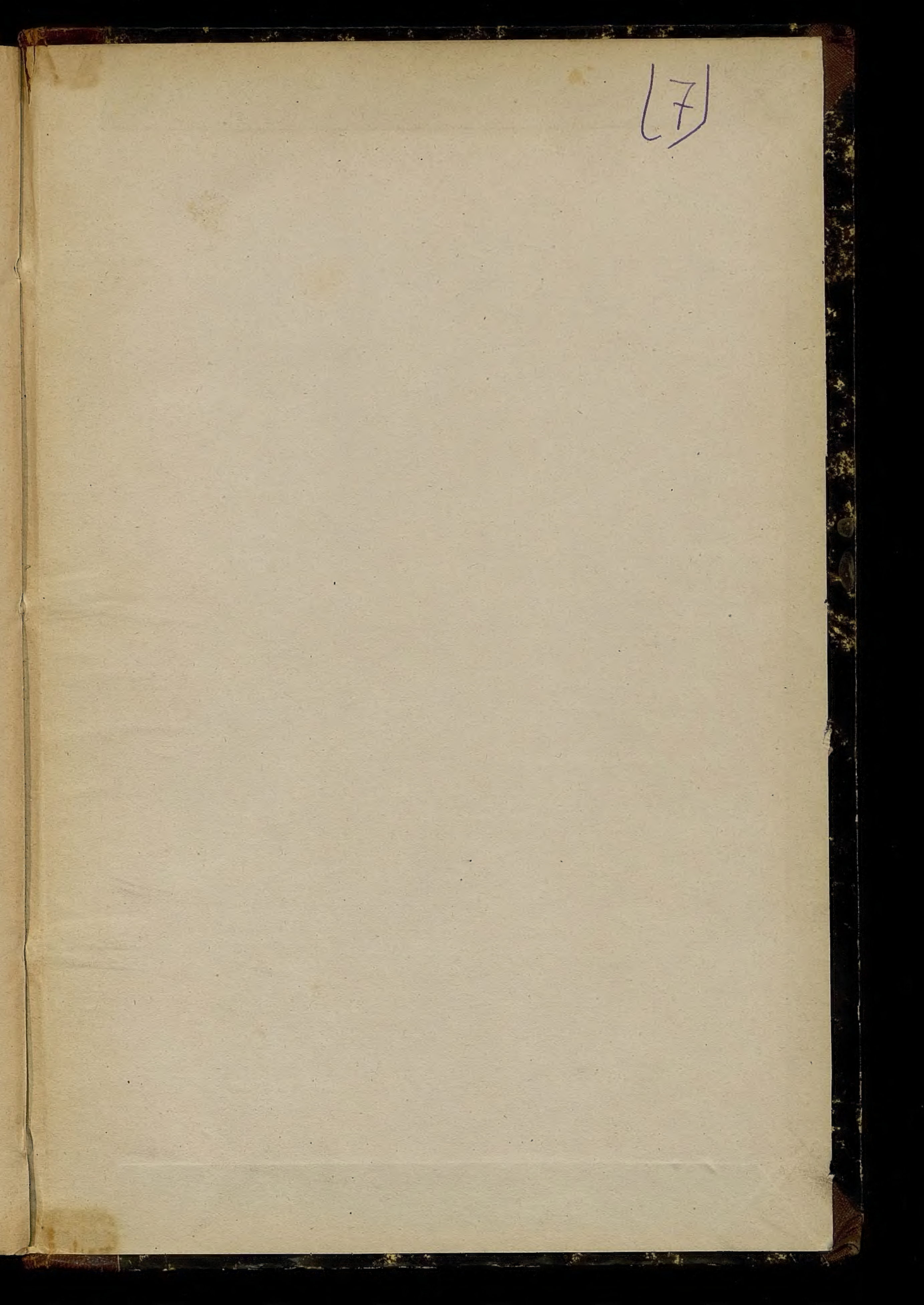
Къ стр. 123. Память послѣдующихъ поколѣній представляла Витовта лучшимъ защитникомъ самостоятельности Литвы. При возведеніи великихъ князей литовскихъ на престолъ, какъ оно описано Стрыйковскимъ, великій маршалъ просилъ новаго князя, между прочимъ, подражать въ управленіи Витовту. Казимиръ обѣщалъ въ 1452 г. не уменьшать земель великаго княжества литовскаго, но охранять и держать ихъ въ ихъ границахъ, какъ владѣли ими предшественники Казимира, въ особенности „prout dominus Alexander alias Witowdus patruus noster tenuit ac possedit". Тоже обѣщаніе повторилъ дважды Сигизмундъ I, а также Александръ въ 1492 г., но послѣдній, наряду съ Витовтомъ, упомянулъ и о Сигизмундѣ Кейстутовичѣ. См. выдержки въ Дневн. Любл. сейма, 23—25.

Къ прим. 1 на стр. 142. Въ дневникѣ Люблинскаго сейма 1569 г. названіе Подлѣсья пишется такъ: Podlasie, Podlyasse, Podlyasze, Podlasse.

Къ стр. 145, прим. 2. Слово *вѣче* вообще держалось долго въ польскомъ правѣ.

Къ прим. 2 на стр. 148. О полюдьѣ см. еще замѣчаніе г. Первольфа въ Arch. f. slav. Philologie, VIII, 4.

Къ прим. 8 на стр. 181. О перемѣнѣ во взглядахъ Крашевскаго на отношенія Литвы къ Польшѣ см. въ ст. г. Кояловича: „Прежнія воззрѣнія польскаго писателя Крашевскаго на бывшее литовское княжество, то-есть, западную Россію“, Ж. М. Н. Пр. 1883, № 1.

(7)

